

Русь

№ 4 (6), 2006

Общественная организация
«Русь»

**По благословению его Высокопреосвященства Лавра,
первоиерарха Русской православной церкви
за границей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русь

2006, № 4 (6)

**МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ
«ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ МОЛДАВИИ
(история и современность).
Чтения памяти И.А. Анцупова»**

Кишинев

**Общественная организация
“Русь”**

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Редакционная коллегия:

*С. Суляк, главный редактор (Молдавия),
доктор истории П. Шорников,
заместитель главного редактора (Молдавия),
М. Алмаший (Украина),
М. Горняк (Сербия),
доктор исторических наук М. Губогло (Россия),
М. Дронов (Россия),
кандидат исторических наук В. Меркулов (Россия),
кандидат филологических наук В. Падык (Украина),
доктор философии А. Плишкова (Словакия),
кандидат филологических наук Д. Поп (Украина),
доктор лингвистических наук профессор Ю. Рамач (Сербия),
доктор хабилитат истории Н. Руссев (Молдавия),
протоиерей о.Димитрий Сидор (Украина),
М. Силадий (Сербия),
доктор истории Н. Тельнов (Молдавия),
протоиерей о.Николай Флоринский (Молдавия),
Р. Шапка (Канада),
М. Шарга (Украина).*

© Общественная
организация «Русь», 2006

© Издательский дом
«Татьяна», 2006

СОДЕРЖАНИЕ

Поздравление его Высокопреосвященства Лавра, первоиерарха Русской православной церкви за границей митрополита Восточноамериканского и Нью-Йоркского 5

**Международная научно-практическая конференция
«Этнокультурное многообразие Молдавии
(история и современность).
Чтения памяти И.А. Анцупова»**

Приветствия конференции 6-7

К итогам конференции 8-12

СЛОВО ОБ И.А. АНЦУПОВЕ

В. Царанов, И. Жаркуцкий, И. Грек, Н. Бабилунга, Т. Млечко,
П. Шорников, С. Суляк 13-49

СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ И. А. АНЦУПОВА 50-52

И. ИОНОВА

Труды И.А. Анцупова как объект лингвистического исследования53-59

М. ГУБОГЛЮ

Концептуально-методическая ответственность в познании этнического фактора 60-80

Р. РАБИНОВИЧ

К вопросу о полиэтничности в раннесредневековой Молдове ... 81-89

Н. РУССЕВ

Славянский фактор в истории средневековой Молдавии 90-101

А. БУЛГАКОВ

Русские люди в Боярском Совете Стефана Великого 102-105

П. ШОРНИКОВ

Славяно-молдавский этнокультурный синтез XIV-XVII вв 106-117

В. МЕРКУЛОВ	
Об одном названии Руси и русских в источниках	118-122
И. ГРЕК	
Этнодемографические процессы среди болгар Молдовы и Украины в середине XVIII–XX в.	123-140
С. СУЛЯК	
Этнокультурная идентичность русинов севера Молдавии	141-149
Ю. ИВАНОВ	
Повесть Н.В. Гоголя «Страшная месть» и предания русинов севера Молдавии	150-154
О. РАДОВА (КАРАНАСТАС), С. КАПУСТИН	
О переселении народов Балканского полуострова и Центральной Европы в Буджак в XVIII – начале XIX в.	155-162
С. БУЛГАР	
Народное движение «Гагауз Халкы» (1989–1994 гг.)	163-173
В. СТАТИ	
Денационализация молдаван как средство упразднения Молдавского государства	174-182
В. КАЗИМИРОВИЧ	
Страницы истории поляков Молдавии	183-190
Л. ЧЕРЕПОВСКИЙ	
Цыгане: скитания по дорогам мира и тропам истории	191-196

Архив

С. СУЛЯК	
По следам одной провокации	197-198
Переписка Ассоциации «Сойм Подкарпатских русинов» с главой комитета Верховной Рады Украины по вопросам национальной безопасности и обороны	199-200
О подписке на журнал «Русин» на 2007 г.	201
Сведения об авторах и членах редколлегии	202-207

Come,
Let Us
Adore Him!

Съ РОЖДЕСТВОМЪ
ХРИСТОВЫМЪ
и НОВЫМЪ ГОДОМЪ !

OFFICE OF THE METROPOLITAN
OF EASTERN AMERICAN AND NEW YORK

HOLY TRINITY MONASTERY, P.O. BOX 36, JORDANVILLE, NEW YORK 13361

8/21 декабря 2006 г.

Боголюбивый рабъ Божіи Церкві,

Получилъ пакетъ съ Вашими журналами —
номера 2 (4) и 3 (5) за текущій годъ. Очень Вамъ
благодаренъ за присылку!

Пользуясь случаемъ, радъ поздравить Васъ и
Вашихъ сотрудниковъ, съ радостными днями,
наступающихъ празднико́въ — Рождества Христова, и
Богоявления, съ пожеланіемъ вѣсьмъ Вамъ добро́го
здравія, и всякаго благополучія!

Молимъ Господа чтобы наступающій Новый
годъ, былъ бы благословеннымъ для вѣсьхъ насъ!

Да хранитъ и благословитъ Васъ Господь!

Съ любовью о Господь,

+ Митрополитъ Левъ

*Посольство Российской Федерации
в Республике Молдова*

Уважаемые организаторы и участники
Международной конференции «Анцуповские чтения»!

Приветствуя это доброе начинание Общественной организации «Русь», хотелось бы отметить, что существуют люди, которые своими трудами, своим подвижничеством оставляют о себе добрую, непреходящую память среди современников и потомков. Одним из таких людей был Иван Антонович Анцупов.

Тот факт, что сегодня его научная деятельность привлекает к себе повышенное внимание, свидетельствует не только о его безусловных заслугах и достижениях, но и о том, что в трудах этого человека заложен необходимый импульс, который влечет его последователей к новым поискам в столь сложной и многогранной сфере, как этнология.

Мы, представители Российской Федерации, работающие в Молдавии, ежедневно чувствуем ту потребность, которую представители самых разных национальностей, проживающих в республике, испытывают к своим историческим и культурным корням. Именно поэтому Посольством и была оказана широкая поддержка проводимому в эти дни мероприятию.

Надеемся, что его итоги явятся еще одним существенным вкладом в дело познания истоков и судеб этносов, населявших и населяющих территорию современной Молдавии.

С искренним пожеланием успехов,

П.РЯБОВ

Кишинёв, 23 ноября 2006 года

ИНСТИТУТ СТРАН СНГ

Институт диаспоры и интеграции

119180, Москва, ул. Б.Полянка, д. 7/10, стр. 3 (Старомонетный пер., д. 10)
Тел.: (095) 959-3451, 959-3452; Факс: (095) 959-3449, E-mail: institute@zastulim.ru

Республика Молдова, Кишинев

Председателю общественной организации «Русь»

С.Г. СУЛЯКУ

Уважаемые участники международной конференции «Анцуповские чтения»!

От имени Института стран СНГ приветствую вас и желаю успешного проведения конференции.

В Институте знакомы со многими трудами известного молдавского и русского ученого Ивана Антоновича Анцупова, которые объективно отражают историю русского населения Молдавии и его роль, а также роль других народов, проживавших и проживающих ныне в этой стране, в становлении молдавской государственности.

Темы, которые внесены в повестку дня конференции, а именно: положение национальных меньшинств в странах СНГ, в частности, в республике Молдова, сегодня весьма актуальны. К сожалению, не везде на деле, а не на словах, им предоставлены равные права с так называемой титульной нацией.

В ряде стран СНГ наблюдается сужение сферы применения русского языка, который традиционно является языком общения всех наций и народностей на постсоветском пространстве, наблюдаются попытки ассимиляции проживающих в бывших советских республиках жителей, относящихся к национальным меньшинствам.

Радует тот факт, что среди общественности есть понимание пагубности такой политики.

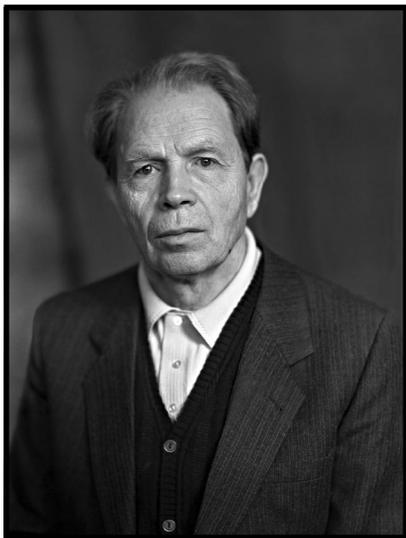
С уважением,

**Депутат Государственной Думы
Российской Федерации,
директор Института стран СНГ**

К.Ф. ЗАТУЛИН

23 ноября 2006 года, Москва

Этнокультурное многообразие Молдавии (история и современность). Чтения памяти И.А. Анцупова

23-24 ноября в Кишиневе прошла Международная научно-практическая конференция «**Этнокультурное многообразие Молдавии (история и современность). Чтения памяти И.А. Анцупова**», которая была посвящена исследованиям в области национальных меньшинств Молдавии.

Организатором конференции выступила организация русинов Молдавии - Общественная организация «Русь».

Активная разработка истории одного из нацменьшинств Молдавии – румын (согласно данным переписи населения 2004 г., румынами

признало себя 2,2% граждан Молдавии), которая по каким-то причинам стала обязательным предметом во всех учебных заведениях Молдавии, создала иллюзию, что исследования по истории Молдавии и других проживающих здесь этносов прекращены. Поэтому и возникла идея проведения такого мероприятия. Конференция организована в память патриарха молдавской исторической науки Ивана Антоновича Анцупова (1920-2004). Долгие годы своей научной деятельности Иван Антонович занимался историей молдаван, русских, украинцев, гагаузов, болгар, поляков, цыган, чехов, немцев, евреев, проживающих в Пруто-Днестровском регионе. Он также обосновал необходимость дальнейшей разработки истории русинов Молдавии.

Участники собрались не только почтить память ученого, человека, гражданина, но и показать, что научные изыскания, которым он отдал большую часть своей жизни, продолжаются. И лучшее доказательство этому более - 40 докладов, представленных на конференции.

Это выступления, посвященные личности и трудам Ивана Антоновича, а также истории Молдавии и проживающих здесь этносов. В том числе было зачитано 7 докладов по русинской тематике.

В работе конференции, помимо молдавских исследователей, приняли участие их коллеги из России и Израиля, а также представители ряда посольств и этнокультурных организаций Молдавии. Имя И.А. Анцупова объединило исследователей, занимающихся изучением истории, культуры и языка национальных меньшинств Молдавии для продолжения научных изысканий

Перед началом конференции протоиерей о. Николай Флоринский, настоятель Свято-Георгиевской церкви г. Кишинева, прочел заупокойную молитву. Затем прозвучали приветствия участникам конференции от Посольства Российской Федерации в Республике Молдова, Посольства Польши в Республике Молдова, Академии наук Молдовы, депутата Государственной Думы Российской Федерации, директора Института стран СНГ Константина Затулина. Было озвучено приветствие от редколлегии общественно-политического журнала «Мысль», которую возглавляет президент Республики Молдова Владимир Воронин.

Президент Общественной организации «Русь» С.Г. Суляк от имени организаторов конференции поблагодарил Министерство иностранных дел Российской Федерации, Посольство Российской Федерации в Республике Молдова и лично посла Н.Т. Рябова за финансовую поддержку данного мероприятия.

Во время работы конференции действовала выставка книг по истории и культуре национальных меньшинств, изданных за последние годы в Молдавии. Она была подготовлена сотрудниками библиотек национальных меньшинств: русской им. М. Ломоносова, еврейской им. И. Мангера, болгарской им. Х. Ботева, украинской им. Л. Украинки, гагаузской им. М. Чакира.

На следующий день состоялось возложение венков и цветов на могилу И.А. Анцупова.

Возложение цветов на могилу И.А. Анцупова.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ МОЛДАВИИ
(ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ).
ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ И.А. АНЦУПОВА»

23-24 НОЯБРЯ 2006 г.

гостиница «Националь» (бул. Штефан чел Маре, 4),
конференц-зал (3 этаж)

Организатор: Общественная организация «Русь»
г. Кишинев, ул. М. Когэлничану, 24/1. Тел.: (+37322) 27-02-84, факс: 27-15-15,
e-mail: rusin5@rambler.ru

ПРОГРАММА

23 НОЯБРЯ

9.30 - 10.00 - регистрация участников.

10.00 - 11.30 - открытие конференции.

1. **Штрихи к портрету И.А. Анцупова.**
Царанов В.И. (Молдавия), член-корреспондент АН Молдовы.
2. **Анцупов – ученый, гражданин, человек.**
Грек И.Ф. (Молдавия), доктор истории.
3. **Жизнь и научный путь И.А. Анцупова, его вклад в развитие исторической науки Молдовы.**
Жаркуцкий И.И. (Молдавия), доктор истории, АН Молдовы.
4. **Труды И.А. Анцупова как объект лингвистического исследования.**
Ионова И.А. (Молдавия), доктор хабилитат филологии, профессор, Славянский университет.
5. **Концептуально-методическая ответственность в познании этнического фактора.**
Губогло М.Н. (Россия), доктор исторических наук, почетный действительный член АН Молдовы, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.
6. **Этнические процессы в Бессарабии в XIX - начале XX в.**
Бабилунга Н.В. (Молдавия, Приднестровье), доктор исторических наук, профессор, Приднестровский государственный университет.
7. **Денационализация молдаван как средство упразднения молдавской государственности.**
Стати В.Н. (Молдавия), доктор хабилитат истории, доктор филологии, профессор, Академия публичного управления при президенте РМ.
8. **Национальные меньшинства в национальных молдавских учебниках.**
Назария С.М. (Молдавия), доктор хабилитат политических наук, доцент, Институт истории, государства и права АН Молдовы.
9. **Славянский фактор в истории средневековой Молдавии.**
Руссев Н.Д. (Молдавия), доктор хабилитат истории, Высшая антропологическая школа.
10. **Славяно-молдавский этнокультурный синтез XIV – XVIII вв.**
Шорников П.М., доктор истории, Общественная организация «Русь».
11. **К вопросу о полиэтничности в раннесредневековой Молдове.**
Рабинович Р.А. (Молдавия), доктор истории, Высшая антропологическая школа.

12. Динамика русской языковой идентичности в Республике Молдова.

Млечко Т.П. (Молдавия), доктор педагогики, Академия публичного управления при президенте РМ.

11.30-11.40 - рабочий перерыв.

11.40 - 13.30 - продолжение работы.

13. Традиции и инновации в этнической культуре.

Ткачук Е.М. (Молдавия), общественно-политический журнал «Мысль».

14. Историческое пособие по русскому языку.

Костецкий В.Н. (Молдавия), доктор педагогики, Славянский университет.

15. Этнодемографические процессы среди болгар Молдовы и Украины в середине XVIII – XX в.

Грек И.Ф. (Молдавия), доктор истории.

16. Развитие национального сознания гагаузов в XIX – начале XXI в.

Курогло С.С. (Молдавия), доктор истории, Комратский государственный университет.

17. Кишиневский погром 1905 г.: забытая трагедия.

Жигня К.Л. (Израиль), доктор истории, независимый исследователь.

18. О карпаторусских писателях и общественных деятелях XIX в.

Тудосе В.И. (Молдавия), доктор педагогики, Славянский университет.

19. Поляки Молдовы.

Казимирович В.Г. (Молдавия), Союз поляков Молдовы.

20. Народное движение «Гагауз Халкы». 1988-1994 гг.

Булгар С.С. (Молдавия), писатель-историк, Совет научных исследований при исполкоме Гагаузии.

21. История цыган Молдовы.

Череповский Л. Г. (Молдавия), Центр культуры и искусства «Амэ рома».

22. Нравственный аспект украинской традиционной культуры.

Роговая Г.Н. (Молдавия), доктор философии, Институт философии, социологии и политических наук АН Молдовы.

23. Об одном из названий Руси и русских в источниках.

Меркулов В.И. (Россия), кандидат исторических наук, Центр украинистики и белорусистики истфака МГУ.

24. О переселенческом процессе народов Балканского полуострова и Центральной Европы в Буджак в XVIII - начале XIX в.

Радова (Каранастас) О.К. (Молдавия), доктор истории, Институт истории, государства и права АН Молдовы; Капустин С.К. (Молдавия), докторант, Институт культурного наследия АН Молдовы.

25. Этнокультурная идентичность русинов севера Молдавии.

Суляк С.Г. (Молдавия), Общественная организация «Русь».

13.30-14.00 - кофейная пауза.

14.00-18.00 - продолжение работы.

26. Еврейская дойна.

Столяр З.Л. (Молдавия), заслуженный деятель искусств Молдовы.

27. Обычное право гагаузов (XIX - середина XX в.).

Квилинкова Е.Н. (Молдавия), доктор истории, Институт культурного наследия АН Молдовы.

28. Повесть Н.В. Гоголя «Страшная месть» и предания русинов севера Молдавии.

Иванов Ю.В. (Молдавия), общественная организация «Русь».

29. Проблемы формирования старообрядческой диаспоры.

Донцов П.А. (Молдавия), Русское духовное единство.

30. Немцы в Молдавии.

Нестерова С.Л. (Молдавия), доктор филологии, Молдавский государственный университет.

31. **Восприятие исторического прошлого гагаузов в трудах ученых и энтузиастов-любителей.**

Никогло Д.Е. (Молдавия), доктор истории, Институт культурного наследия АН Молдовы.

32. **Бессарабский феномен: научное наследие М.О. Гершензона в контексте диалога культур.**

Клейман Р.Я. (Молдавия), доктор хабилитат филологии, Институт культурного наследия АН Молдовы.

33. **Роль этнокультурных НПО в возрождении и сохранении этнокультурного многообразия региона (опыт Гагаузии).**

Нягова А.Г. (Молдавия), Комратский государственный университет; Федотова Л.В. (Молдавия), доктор-доцент, Комратский государственный университет.

34. **Элементы экономического взаимодействия населения Бессарабии в процессе межнационального общения (XIX в.).**

Аникин В.И. (Молдавия), доктор хабилитат, Институт философии, социологии и политических наук АН Молдовы.

35. **Хранители старины: особенности исполнения древнерусского канона у старообрядцев.**

Николаев Д.М. (Молдавия), Центр русской культуры.

36. **Граф Семен Воронцов: страницы истории Ясского мира.**

Абакумова-Забунова Н.В. (Молдавия), доктор истории, Институт культурного наследия АН Молдовы.

37. **Юрий Хмельницкий – ключевая фигура украинско-молдавской политики Москвы (конец 50 – начало 60-х гг. XVIII в.).**

Дамьян В.В. (Молдавия), докторант, Педагогический университет им. И. Крянгэ.

38. **Молдавско-ногайская этническая граница в Пруто-Днестровском междуречье в XVIII в.**

Хайдарлы Д.И. (Молдавия), доктор истории, Институт культурного наследия АН Молдовы.

39. **Тенденции развития этнического самосознания болгар Молдовы.**

Горбуненко А.П. (Молдавия), магистр социологии, Тараклийский государственный университет.

40. **Малоизвестные архитектурные монументы Кишинева второй половины XIX в. (временные Триумфальные ворота).**

Юрченко Н.А. (Молдавия), Институт культурного наследия АН Молдовы.

41. **Русские люди в Боярском Совете Стефана Великого.**

Булгаков А.С. (Молдавия, Приднестровье), Приднестровский государственный университет.

24 НОЯБРЯ

10.00-11.30 - возложение цветов на могилу И.А. Анцупова.

12.00-14.00 - завершение работы конференции.

Журнал консервативной мысли

"Золотой Лев":

www.zlev.ru

Владимир ЦАРАНОВ

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ИСТОРИКА И.А. АНЦУПОВА

Уважаемые коллеги!

Сегодня мы собрались почтить память видного ученого-историка Молдавии, оставившего после себя яркий след в молдавской историографии по проблемам истории XIX века. След человека в науке, как известно, определяется количеством и качеством исследованных им научных проблем, нашедших отражение в его книгах, статьях, крупными добытыми им новым знанием в процессе научного исследования. Это, конечно, главное в оценке вклада ученого в науку, но не единственное. Многое зависит и от его научного авторитета, личных человеческих качеств, влияния ученого на научную среду, в которой он работает, на своих коллег, прежде всего, на молодежь, на общество в целом. Все это полностью относится и к ученому И.А. Анцупову.

Я познакомился с ним в 1950 г., когда поступил на первый курс исторического факультета Кишиневского госуниверситета. Он тогда учился на последнем, пятом курсе. Мы, первокурсники, поначалу присматривались к нашим старшим товарищам, осваивались в новой для нас университетской среде, приспособлялись к новым условиям жизни.

Пятикурсники же, а среди них было немало тех, кто прошел по трудным дорогам войны, смотрели на нас, вчерашних школьников, как на "зеленых", малоопытных в жизни людей. По численности студентов университет в те годы был небольшим, по одной студенческой группе (25 чел.) на каждом курсе нашего факультета. Поэтому вскоре мы знали в лицо всех преподавателей и студентов факультета, а многих даже по именам. К пятикурсникам мы относились с почтением. Среди них выделялся стройный, скромный, немногословный и серьезный студент. Это был Иван Антонович Анцупов. Он был намного старше нас, прошел всю войну. Учился он хорошо. В те годы на нашем факультете после экзамена вывешивались списки студенческих групп, где красным карандашом ставились отличные оценки. Мы, первокурсники, с интересом их просматривали и всегда находили отметки И.А. Анцупова, написанные красным карандашом.

Более близкое знакомство с Иваном Антоновичем произошло на защите его дипломной работы. Однажды в нашей группе кто-то объявил, что завтра начнется защита дипломных работ историков и что

первым будет защищаться И.А. Анцупов, дипломная которого якобы "тянула" на научную диссертацию. На следующий день несколько любознательных студентов из нашей группы, в том числе и я, пришли в кабинет истории, где происходила защита. И вот она началась. На кафедру поднялся собранный, несколько взволнованный дипломант И.А. Анцупов. Обращаясь к присутствовавшим, он объявил тему своей дипломной работы. Она была посвящена, как мне помнится, истории первой мировой войны. Спокойно и со знанием дела он охарактеризовал историографию проблемы, сформулировал задачи своей работы, а затем увлекательно стал говорить о причинах войны, ее основных этапах, результатах и последствиях. При этом он четко излагал исторический материал, умело его анализировал и делал необходимые выводы. Окончательно он нас покорила не только знанием основного фактажа, но и многих мелких и интересных аксессуаров, которые оживляли выступление и делали его более привлекательным, как, кстати, и четкие ответы на заданные вопросы. Тогда он на нас, первокурсников, произвел неизгладимое впечатление. Спустя много лет, присутствуя на защитах научных диссертаций на спецсоветах, я невольно сравнивал некоторые из них с блестящей защитой дипломной работы И.А. Анцупова.

И еще один штрих. После окончания университета И.А. Анцупов был рекомендован и выдержал экзамены в аспирантуру. Однажды, в день сдачи им экзамена на кандидатский минимум, мы случайно встретились с председателем комиссии, принимавшей экзамен. Он находился под впечатлением от ответов экзаменовавшихся и рассказал, что среди всех аспирантов сильно выделялся своими обширными знаниями один из них, по фамилии Анцупов. "Ты знаешь его?" – спросил меня собеседник. Я ответил утвердительно. А он продолжал говорить о том, что у И.А. Анцупова были самые яркие и глубокие ответы на заданные вопросы, что он свободно ориентировался в проблеме, владел знанием обширного материала, умел его анализировать и т.д. Завершая рассказ, мой собеседник с улыбкой посмотрел на меня и сказал: "Если ты его знаешь, бери пример с него." Это мне запомнилось на всю жизнь.

Затем наши пути на несколько лет разошлись. Иван Антонович продолжал учиться в аспирантуре, а я, закончив университет, уехал в Москву и тоже поступил в аспирантуру.

Встретились мы с ним вновь уже в конце 50-х годов в Институте истории Молдавского филиала АН СССР (с 1961 г. – АН МССР) в Кишиневе, где и проработали вместе более 30 лет. За эти годы я узнал его (наверное, как и он меня) всесторонне. Он сформировался как зрелый и оригинальный ученый-историк, защитил кандидатскую диссер-

тацию, плодотворно занимался историей Молдавии XIX в., оставил после себя много монографий и статей. Это был глубокий и принципиальный исследователь социально-экономических, этнических и других проблем истории Молдавии. Он, после академиков Я.С. Гросула и И.Г. Будака, профессора М.П. Мунтяна и других, принадлежал ко второму поколению молдавских историков послевоенной поры, которые занимались проблемами истории Молдавии XIX в. Он был их достойным коллегой, продолжателем их дела. Это был специалист высокого класса, редкой эрудиции, я бы сказал, человек энциклопедических знаний. Как человек он был скромен, доброжелателен, по-настоящему интеллигентен, всегда готов прийти на помощь, оказать поддержку, особенно начинающим исследователям. Молодежь училась на его книгах, прислушивалась к его слову.

Когда полтора десятка лет назад насильственно и фарисейски была разрушена большая держава, в т.ч. и ее составные части – советские национальные республики, когда в одночасье пришли в упадок научные и другие структуры, когда резко сократилось финансирование науки и были утеряны целые научные школы и целые научные направления, высококвалифицированные кадры ученых, многие исследователи, главным образом, гуманитарного профиля, стали заниматься не научными разработками, а мифотворчеством. Тогда в Молдове в среде ученых, преданных науке, появилась потребность и желание самоорганизоваться для свободного творчества не в традиционных научных структурах, а в неформальных творческих объединениях, которые были бы ограждены от губительного влияния так называемых реформаторов. В таких условиях 3 октября 1996 г. и появилась Ассоциация ученых Молдовы, названная именем видного средневекового молдавского ученого, дипломата, китаевода и политического деятеля Николая Милеску-Спэтару. В числе соучредителей этой Ассоциации был и И.А. Анцупов.

В последующем он принимал активное участие в ее деятельности, выступал с интересными докладами, участвовал в дискуссиях и т.д. На одной из научных конференций Ассоциации, посвященной проблемам методологии научного познания, он выступил с докладом "Цивилизационный подход: перспективы или тупик?". Речь шла о методологических подходах в исследовании исторических явлений. Советская историческая школа, как известно, опиралась на открытые К. Марксом законы исторического материализма, и поэтому исторические проблемы рассматривала в рамках социально-экономической формации. Это позволяло предметнее и глубже выделять закономерность исторических процессов, причинно-следственные связи развития общества и т.д. В некоторых же зарубежных государствах, к примеру, во

Франции, приверженцы Школы анналов рассматривали исторические явления не только в рамках отдельных стран, социально-экономических формаций, но и конкретных цивилизаций. Советские ученые не игнорировали цивилизационный подход в исторических исследованиях. Примерно с 80-х годов прошлого столетия они, когда изучаемые ими исторические события не укладывались в рамки одной формации и выходили за ее пределы, стали чаще обращаться к цивилизационному подходу в своих изысканиях. И.А. Анцупов в своем докладе проанализировал ситуацию и поставил вопрос, вынесенный в название его доклада. В развернувшейся дискуссии ученые пришли к общему мнению, что эти оба подхода правомерны и их не следует противопоставлять друг другу, их надо разумно сочетать.

За несколько дней до кончины Ивана Антоновича на очередной научной конференции Ассоциации ученых, где рассматривалась одна из проблем средневековой истории Молдавии, не находившаяся непосредственно в сфере его научных интересов, он вступил в дискуссию, причем компетентно, со знанием дела, показав свою незаурядную осведомленность и в этом вопросе.

Таким мне запомнился ученый И.А. Анцупов.

Сегодня мы собрались почтить память этого великого труженика науки, прекрасного специалиста-историка, всесторонне образованного человека, чьи труды и память о котором и сегодня оказывают благотворное влияние на развитие научного процесса в Молдове, долго будут служить людям.

Иван ЖАРКУЦКИЙ

**ОБ ОСНОВНЫХ ЭТАПАХ
НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
И ВКЛАДЕ И.А. АНЦУПОВА
В РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ
НАУКИ МОЛДОВЫ**

Прошло два года с тех пор, как Ивана Антоновича Анцупова, крупного исследователя-историка, нет среди нас. Но его облик постоянно

присутствует, он всегда с нами. Связующей нитью между Иваном Антоновичем и нами, между ним и последующими поколениями являются не только, а может быть и не столько наши воспоминания о нем, сколько его научные труды, его ученики.

Научное наследие И.А. Анцупова, состоящее из более чем 200 научных работ – монографических исследований, разделов обобщающих трудов, сборников документов, фундаментальных статей, докладов на международных, всесоюзных и республиканских научных форумах, – весьма разнообразно и многопрофильно. Оно представляет собой существенный вклад в развитие исторической науки Молдовы, формирование и обогащение научного наследия страны.

Говорят, что истинная ценность и значимость того или иного события, явления, поступка, творческого труда и т.д., а в данном случае научного наследия, познается на расстоянии и в сравнении. Возможно, так и есть. Но сегодняшние исторические чтения, посвященные памяти И.А. Анцупова, уже свидетельствуют о том, что мы, его современники, сознаём значимость его научного наследия, важность его изучения и освоения последующими поколениями. Оно ждет и, хочется надеяться, найдет своего объективного исследователя.

Широкий круг научных интересов, разнообразие тематики научных направлений, сложность затронутых и исследованных исторических процессов, событий и явлений указывают на невозможность при первом же подходе дать полную и всеобъемлющую оценку многообразному научному творчеству И.А. Анцупова. Поэтому мы лишь очертим некоторые вопросы вклада Ивана Антоновича Анцупова в развитие исторической науки Молдовы. При решении этой задачи мы руководствовались принципом: результаты труда ученого оцениваются не по тому, что он не сделал с позиций, требований сегодняшнего дня, а по тому, что он дал нового по сравнению с предшественниками.

Родившийся и воспитанный в простой русской сельской семье, Иван Антонович Анцупов всю свою научную жизнь посвятил изучению истории крестьянства, из среды которого исходят его корни. Как и большинство людей его поколения, И.А. Анцупов поздно, в 34 года, постиг азы научной работы, пройдя до этого тяжелейшие, на грани жизни и смерти, испытания в годы Великой Отечественной войны. Уволившись в 1946 г. из рядов Советской армии, поступил в Тираспольский учительский институт, а затем, в 1947-1952 гг., продолжил учебу в Кишиневском государственном университете, который закончил с отличием. Отработав два года в Бендерах преподавателем истории, в 1954 г. поступает в аспирантуру Кишиневского государственного университета. Будучи аспирантом, в 1957 г. И.А. Анцупов начал работать в Институте истории, языка и литературы (с 1958 г. – Института исто-

рии) Молдавского филиала Академии наук СССР (с 1961 г. – Академии наук Молдавской ССР) в должности младшего научного сотрудника. В течение 25 лет - с 1965 по 1 января 1991 г., когда вышел на пенсию, трудился в том же институте в должности старшего научного сотрудника.

Будучи на пенсии, И.А. Анцупов как истинный ученый вынашивал планы новых научных работ, продолжал обработку домашнего архива, в котором отложился огромный документальный материал, собранный в архивохранилищах и библиотеках Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, Одессы, Каменец-Подольска, Херсона и других городов. Надеялся, что его высокая профессиональная компетентность, эрудиция, огромный опыт будут востребованы. И это произошло в декабре 1991 г., когда он был приглашен работать в Отдел по изучению национальных меньшинств (с 1992 г. – Институт) Академии наук Молдовы в должности старшего, а с 1993 г. – ведущего научного сотрудника отдела истории, языка и культуры русского населения Молдовы.

Научную деятельность И.А. Анцупова можно разделить на два этапа. Первый охватывает период 1957-1990 гг., т.е. годы работы в Институте истории; второй этап – период работы (1991-2005 гг.) в Институте национальных меньшинств, реорганизованный в 1998 г. в Институт межэтнических отношений. Следует отметить, что предложенная периодизация опирается не на внешний признак, т.е. на институциональный принцип, она исходит из приоритетных научных направлений, объектов исследований и специфических конкретных научных задач, которыми занимались и которые решали сотрудники указанных институтов. Важно при этом подчеркнуть, что выделенные нами этапы не представляют собой обособленные периоды, радикально отличающиеся один от другого, наоборот, они дополняют друг друга, между ними наблюдается внутренняя связь и преемственность.

Первые научные статьи И.А. Анцупова «*Административные реформы в Бессарабии в 1812-1828 гг.*» (1957), «*Народная колонизация Бессарабии в первой трети XIX в.*» (1958), «*Царане на казенной земле*» (1959), «*О некоторых особенностях политики царского правительства в отношении государственных крестьян Бессарабии (1812-1869 гг.)*» (1961), «*Развитие торгового садоводства и виноградарства в селениях государственных крестьян и колонистов южных уездов Бессарабии в 30-60-х годах XIX в.*» (1961), «*Система управления государственных крестьян Бессарабской области до реформы П.Д. Киселёва*» (1962), «*Земельно-арендные отношения в бессарабской казенной деревне 30-60-х годах XIX в.*» (1963), «*Системы земледелия в южных уездах Бессарабии в первой половине XIX в.*» (1964) и другие, опубликованные в **Известиях** Молдавского филиала Академии наук СССР,

Известиях Академии наук Молдавской ССР, Ученых записках Кишиневского государственного университета, Трудах Центрального государственного архива Молдавской ССР, Ежегодниках по аграрной истории Восточной Европы, свидетельствовали о появлении серьезного, вдумчивого, перспективного, с большими потенциальными возможностями ученого, ставшего впоследствии одним из ведущих исследователей аграрной истории.

В его фундаментальных статьях, посвященных истории крестьянства Молдавии XIX в., видное место занимали вопросы социально-экономической истории государственных крестьян Бессарабии 1812-1870 гг. Значительный интерес представляли также статьи, в которых освещались вопросы заселения юга Бессарабии, развития производительных сил в селениях колонистов и дунайских казаков. Сформировавшимся тогда научным интересам И.А. Анцупов остался верен до конца своей жизни, по существу, они заняли центральное место в его дальнейших научных изысканиях. Активное участие в научных сессиях, ежегодных всесоюзных симпозиумах по аграрной истории Восточной Европы, в работе которых участвовали и специалисты из стран Центральной и Юго-Восточной Европы, сыграло важную роль в формировании и становлении И. А. Анцупова как ученого-аграрника. Первые научные статьи начинающего ученого, сделавшего первые шаги в большую науку, были восприняты на должном уровне научной общественностью, получили положительные отзывы в центральных исторических журналах того времени – *История СССР* и *Вопросы истории*.

На начальном этапе своей научной карьеры И.А. Анцупов проявил себя и хорошим специалистом в области источниковедения. В сотрудничестве с К.П. Крыжановской им подготовлен и издан сборник документов¹, отражающих положение крестьян и крестьянское движение в дореформенное время, что наложило существенный положительный отпечаток на научно-творческую деятельность. Через всю свою жизнь он пронес любовь и трепетное отношение к историческим свидетельствам, уделяя первостепенное значение выявлению, сбору и обработке архивных и опубликованных документов. Научные труды И.А. Анцупова выделялись обилием документального материала, что придает им своеобразный источниковедческий облик.

На основе блестяще защищенной кандидатской диссертации «*Развитие производительных сил в селениях государственных крестьян Бессарабии (1812-1870 гг.)*», защита которой состоялась 21 октября 1964 г. на Ученом совете Кишиневского государственного университета, и опубликованных статей И.А. Анцупов подготовил и издал в 1966 г. первую свою монографическую работу, посвященную государ-

ственным крестьянам края², - крупное монографическое исследование, в котором впервые в молдавской историографии всесторонне и комплексно рассматривалось социально-экономическое положение одной из ведущих категорий крестьянства Бессарабии XIX в. Ее выход стал заметным явлением в научной жизни республики. Опираясь на труды своего учителя Я.С. Гросула³ и своих коллег⁴, на богатый документальный материал, автор раскрыл сложный процесс формирования государственных крестьян края, социально-правовое и экономическое положение и становление их в особый разряд крестьянства, осветил развитие важнейших отраслей его хозяйства и место в экономической жизни края.

Были прослежены также проявления таких технико-технологических и производственных процессов, как распространение более интенсивных систем земледелия, совершенных сельскохозяйственных орудий, специализация сельскохозяйственного производства. Особое место в книге занимало раскрытие процесса разложения феодальных и развития капиталистических отношений. Хотя по географическому району исследования и в определенной степени в тематическом плане работа имела локальный характер, ее значимость выходила за пределы указанных рамок. Содержащиеся в ней фактические материалы, теоретические осмысления и выводы способствовали более глубокому пониманию характера и сущности происходивших социально-экономических и типологических сдвигов в дореформенном бессарабском обществе.

В 70-е годы XX в. в центре внимания историков-аграрников был целый ряд вопросов, ожидавших своего решения: становление и укрепление капиталистического способа производства и особенности его проявления в различных частях Бессарабии; более углубленное изучение некоторых категорий крестьянства, в частности, немецких колонистов и дунайских казаков; формирование торгового земледелия в дореформенные десятилетия, его место и значение в образовании капиталистического уклада в деревне; образование и рост крестьянского частного землевладения и его влияние на формирование типов аграрной эволюции крестьянских хозяйств; межотраслевая эволюция сельского хозяйства и др.

Исходя из понимания, что всестороннее и глубокое изучение аграрной эволюции Бессарабии невозможно без углубленных исследований в региональном масштабе, И.А. Анцупов поставил перед собой задачу изучить основные направления эволюции сельского хозяйства и развития капитализма на юге области; выяснить особенности социально-экономических отношений в условиях господства феодально-государственной земельной собственности; определить факторы, стимулиро-

вавшие и задержавшие капиталистическую эволюцию, перерастание товарного производства в капиталистическое производство, развитие и углубление имущественной и социальной дифференциации, а также пути капиталистической аграрной эволюции в южных уездах края. Эти и другие проблемы нашли свое отражение в монографическом исследовании, посвященном аграрным отношениям на юге Бессарабии в дореформенные годы⁵.

Оригинальность и новизна этой работы заключались не только в новой постановке вопросов и их трактовке, но и в попытках, довольно удачных, уточнить ряд принципиальных теоретических положений, важных для оценки происходивших в бессарабском обществе процессов. В монографии на основе архивных и опубликованных источников исследован процесс сельскохозяйственного освоения южной части Бессарабской области; устройство и социально-экономическое положение различных категорий крестьянства, расселенных на казенных землях; межотраслевая эволюция сельскохозяйственного производства в дореформенный период; земельно-арендные отношения; имущественное и социальное расслоение крестьянства и пути развития капитализма в аграрном секторе. Особенно значимы заключения И.А. Анцупова о том, что ускоренное заселение юга области явилось важным, но, добавим мы от себя, не единственным условием в эволюции сельскохозяйственного производства от экстенсивного животноводства к торговому земледелию, которая происходила в крестьянских хозяйствах в конце 40-х - начале 50-х годов XIX в., а в помещичьих имениях этот перелом передвинулся на 70-е годы⁶.

Остро дискуссионным был в молдавской историографии советского периода вопрос о времени становления капиталистического уклада в бессарабской экономике⁷ и путях развития аграрного капитализма – американского или прусского. Большая заслуга в изучении и решении данного вопроса принадлежит И.А. Анцупову. Исследуя вопрос о тенденциях развития капитализма в сельском хозяйстве юга Бессарабии, который по сравнению с другими аграрными регионами области отличался сравнительно более высоким уровнем развития капиталистических отношений, а также факторы, влияющие на эволюцию этого процесса, И.А. Анцупов обосновано отмечал, что здесь «возможная тенденция развития капитализма приближалась к фермерскому типу», однако фактически «складывалась возможность лишь прусской тенденции капиталистического развития»⁸. В результате глубокого анализа огромного фактического материала автор пришел к выводу, что «формирование капиталистического уклада в сельском хозяйстве колонируемого юга Бессарабии происходило, главным образом, в период обострения кризиса феодально-крепостнической системы»⁹, который по времени относился к 30-60-м годам XIX в. Капиталистичес-

кую аграрную эволюцию крестьянских хозяйств юга Бессарабии И.А. Анцупов относил к грессбауэрскому типу сельского буржуа¹⁰, т.е. к прусскому пути. Сделанный им вывод имел и имеет большое значение для понимания характера и направления развития аграрного капитализма в крае.

Одной из наиболее значимых анцуповских работ того времени является фундаментальный труд, посвященный изучению процесса формирования бессарабского сельскохозяйственного рынка¹¹. Он проанализировал вопросы роста товарности сельскохозяйственного производства, углубления рыночных отношений в помещичьем и крестьянском хозяйствах, раскрыл процесс развития транспортной системы края. Выявлено расширение рыночных связей между хозяйственными зонами и отраслевыми рынками края, связанными с сельскохозяйственным производством, втягивание Бессарабии в систему формировавшегося всероссийского капиталистического рынка, а также при его посредстве и в европейский капиталистический рынок. На основе изучения развития внутренних рыночных связей и движения цен И.А. Анцуповым прослежен процесс перерастания товарного сельскохозяйственного рынка в капиталистический, определено время завершения формирования единого бессарабского сельскохозяйственного рынка – конец XIX в. Данный вывод является убедительным доказательством утверждения капитализма в Бессарабии к концу позапрошлого столетия.

Известно, что до 80–х годов XX столетия история Левобережного Поднепровья периода нового времени была наиболее слабо изученной, наши знания о ней были фрагментарными и неполными. В этом смысле оно представлялось перспективным регионом для исследования. Зная любовь И.А. Анцупова к неизведанным темам и районам, выбор очередной темы для исследования – крестьянство Левобережного Поднепровья в дореформенный период – не стал полной неожиданностью. В его опубликованной в 1990 г. одноименной монографической работе¹³ впервые в молдавской историографии рассмотрены вопросы формирования различных категорий крестьянства и их социально-экономического и правового положения в дореформенные десятилетия, социального расслоения крестьян и социального движения в левобережной деревне. Раскрыты социально-экономические предпосылки и процессы имущественного и социального расслоения в крестьянской среде, отмечены противоречивые исторические условия, в которых происходили эти явления. Большое внимание уделено освещению исторического процесса заселения и хозяйственного освоения восточных районов Молдовы, формирования здесь многообразного сословного и этнического состава сельского населения.

С переходом в Институт национальных меньшинств тематика научных изысканий И.А. Анцупова несколько изменилась, приобретая, с учетом специфики научной проблематики вновь созданного института, определенный этнический оттенок.

Крупным научным дебютом И.А. Анцупова в новом институте стал выход в свет крупного монографического исследования, посвященного истории русского населения Бессарабии и Левобережного Поднестровья¹⁴, изложенной в контексте исторического развития края. Богато документированная монография включает массу ценнейших статистических и описательных материалов и существенно дополняет совокупность установленных фактов о формировании и развитии русского населения Молдовы, о его вкладе в хозяйственное развитие Бессарабии и Левобережного Поднестровья. Раскрыты процесс, потоки, типы и формы миграции русских крестьян в Бессарабию и Левобережное Поднестровье, их деятельность в сельском хозяйстве, промышленности, торговле, транспортной системе, роль русских ученых в изучении флоры и фауны края.

В числе научных достижений И.А. Анцупова нельзя не упомянуть его последнюю изданную при жизни книгу – о российском казачестве Бессарабии и левобережья Днестра¹⁶. В работе получил освещение процесс складывания казачьих формирований на этих территориях, их структура, социально-экономическое положение, роль в хозяйственном освоении края, взаимоотношения между ними и местным населением, а также виды воинской службы. Большое внимание уделено этническому составу и политике царского правительства в отношении казачества.

Таким образом, научные труды И.А. Анцупова, базирующиеся на глубоком знании огромного массива разнообразнейших источников по аграрной истории Бессарабии и Левобережного Поднестровья, по вопросам социально-экономического развития края в XIX в., а также межэтнических отношений, представляют заметный вклад в развитие исторической науки Молдовы. Стремление ученого к научной объективности, использование огромного объема и разнообразного документального материала определяют научную значимость сформулированных им положений и выводов, многие из которых сохранили свою актуальность и сегодня.

Новые поколения историков оценят по достоинству изученные доктором исторических наук И.А. Анцуповым научные проблемы, подтвердив, дополнив или опровергнув его интерпретации и выводы. Хочется верить, что они не обойдут своим вниманием его научные достижения, достойно занимающие заслуженное место в молдавской историографии его времени

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: История Молдавии. Положение крестьян и крестьянское движение (1812-1861 годы). Документы и материалы. Т. III. Ч. 1. Кишинев, 1962; Ч. 2. Кишинев, 1969.

2. См.: *Анциупов И.А.* Государственная деревня Бессарабии в XIX веке (1812-1870). Кишинев, 1966.

3. См.: *Гросул Я.* Крестьяне Бессарабии (1812-1861 гг.). Кишинев, 1956.

4. См.: *Гросул Я., Будаки И.* Крестьянская реформа 60-70-х годов XIX века в Бессарабии. Кишинев, 1956; *Будаки И.Г.* Развитие капитализма в сельском хозяйстве Бессарабии в пореформенный период. Кишинев, 1954; *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. Т. 1. М.-Л., 1946; Т. 2. М., 1958; *Мещеряк И.И.* Переселение болгар в Южную Бессарабию 1828-1834 гг. Кишинев, 1965 и др.

5. См.: *Анциупов И.А.* Аграрные отношения на юге Бессарабии (1812-1870 гг.). Кишинев, 1978.

6. Там же. С. 55, 137. Отметим, что в молдавской историографии были высказаны и другие точки зрения. По мнению Я. Гросула и И. Будаки, перелом в пользу земледелия на юге Бессарабии произошел в 40-х гг. XIX в. (См.: *Гросул Я.С., Будаки И.Г.* Очерки истории народного хозяйства Бессарабии (1812-1861). Кишинев, 1967, с. 147, 148). Историк М. Мунтян считает, что в целом по области животноводство преобладало над земледелием и в 50-х гг. (См.: *Мунтян М.П.* Экономическое развитие дореформенной Бессарабии // Ученые записки Кишиневского университета. Т. 117 (исторический). Кишинев, 1971. С. 145-146.

7. По мнению В. Жукова, становление в Бессарабии капиталистического уклада произошло не раньше, чем в 40-50-е гг. XIX в., который к исходу дореформенного периода достиг фазы мануфактурного развития при сохранении господствующего феодального базиса. (См.: *Жуков В.И.* Формирование и развитие буржуазии и пролетариата Бессарабии (1812-1900). Кишинев, 1982. С. 46).

8. *Анциупов И.А.* Аграрные отношения на юге Бессарабии (1812-1870 гг.). С. 150.

9. Там же. С. 204.

10. Там же. С. 205.

11. *Анциупов И.А.* Сельскохозяйственный рынок Бессарабии в XIX в. Кишинев, 1981.

12. Там же. С. 205.

13. *Анциупов И.А.* Крестьяне Левобережного Поднестровья в дореформенный период. Кишинев, 1990.

14. *Анциупов И.А.* Русское население Бессарабии и Левобережья Поднестровья в конце XVIII-XIX в. (социально-экономический очерк). Кишинев, 1996.

15. *Анциупов И.А.* Казачество российское между Бугом и Дунаем. Кишинев, 2000.

Иван ГРЕК

УЧЕНЫЙ, ЧЕЛОВЕК, ГРАЖДАНИН

Иван Антонович Анцупов – мой Учитель. Когда я познакомился с ним, мне было около 35 лет. В таком возрасте многие уже сами являются учителями. И чтобы в таком возрасте признать кого-то своим воспитателем, требуется, чтобы наличествовал масштаб личности учителя в его истинном человеческом измерении: отношение к людям, природный интеллект, накопленные знания, жизненный опыт и многое другое.

Должен признаться: между Учителем и мною было довольно продолжительное во времени непонимание. Оно было связано с тем, что ему казалось или его убедили, что при обсуждении одной рукописи у меня по отношению к ее автору проявился субъективизм, в основе которого лежала межличностная мотивация. Мои научно обоснованные аргументы, которые не могли быть опровергнуты Учителем, тем не менее, не принимались им во внимание. **Как человек-гуманист Иван Антонович не мог допустить несправедливости к другому человеку, и он защищал его работу, как ему казалось, от несправедливых нападок.** Еще при жизни мой Учитель убедился, что ничего межличностного в моей позиции не было, и он об этом открыто говорил со мной. **И в этом также проявилось его величие, величие человека, честно и объективно оценивавшего себя перед учеником, к которому он уже, естественно, относился как к равному себе.** Что не означает, что ученик относился к Ивану Антоновичу как к равному себе. Для меня он всегда был недостижимой величиной, примером для подражания в жизни.

Анцупов–ученый. Иван Антонович был всего-навсего кандидатом исторических наук, старшим научным сотрудником АН МССР, впоследствии АН РМ. Но это как раз тот случай, когда научная степень и научная должность ничего не говорят о том вкладе, который внес Учитель в изучение истории нашей страны, в историческую науку не только Молдовы, но и Украины, в понимание исторических процессов социально-экономического, политического и демографического характера в этом уголке Российского государства в XIX в. Иван Антонович участвовал в подготовке и издании 2-х томов 5-томной *Истории Молдавии* в документах и материалах, опубликовал шесть индивидуальных монографий: *Государственные крестьяне Бессарабии в XIX в.*, *Аграр-*

ные отношения на юге Бессарабии (1812–1870 гг.), Сельскохозяйственный рынок Бессарабии в XIX в., Русское население Бессарабии и левобережного Поднепрорья в конце XVIII – XIX в., Казачество российское между Бугом и Дунаем, Крестьяне левобережного Поднепрорья в дореформенный период. Он был соавтором десятка коллективных трудов по истории Бессарабии и Приднестрорья, участвовал в подготовке и издании обобщающих работ по истории Молдавии, опубликовал множество научных статей. Особо следует отметить его вклад в изучение истории русского, гагаузского, болгарского, немецкого, цыганского населения Молдовы. Одна из последних прижизненных его работ в соавторстве вышла в августе 2004 г., за два месяца до кончины – это история немецкой колонии Тарутино. Поражает феноменальная работоспособность Ивана Антоновича. С 1990 г., когда ему исполнилось 70 лет, и до 2000 г. он издал три последние из указанных выше монографий, брошюру по истории гагаузов, а также множество разделов коллективных трудов по истории Приднестрорья, очерков Гагаузии и отдельных научных статей. Хотел бы предложить организаторам первых анцуповских чтений подготовить к следующим чтениям Библиографию И.А. Анцупова. Тем самым мы увековечим его память.

Выше я привел данные, характеризующие количественные параметры научной деятельности Ивана Антоновича. По этим показателям с ним не может сравниться ни один доктор хабилитат исторических наук, ни один член-корреспондент, ни один академик республиканской академии, получивший свой титул за вклад в историческую науку Молдовы. Но для нас более важна содержательная сторона исследовательских работ ученого. Если очень кратко сказать об этом, то ее можно вместить в следующую формулу: все, что выходит из печати по проблемам, которые исследовал Иван Антонович Анцупов, не имеет научной ценности, если в них не использованы его разработки. Трудно себе представить современный уровень освещения истории полиэтнического народа Молдовы в XIX в. по таким проблемам, как аграрные отношения, межотраслевая эволюция, сельскохозяйственный рынок, демографические особенности различных регионов Молдовы, политика России в Бессарабии, крестьянское движение, если исследователь не знает работы Анцупова, либо он проигнорировал их.

В работах Ивана Антоновича впечатляет, прежде всего, архивная и документальная их фондируемость. На территории бывшего Советского Союза не было архивохранилища, в котором имелись документы по его тематике, и в котором бы он не работал и не извлек неизвестные ранее документы по истории нашего края. Но ему этого было недостаточно. Как исследователь по своей натуре он был не только

документалистом, но и историографом. Всякий, кто изучает его работы, не может не обратить внимание на то, что его исследования опираются на обширнейший пласт научных разработок предшественников. По части знания исторической литературы о Молдове, в целом, и по проблемам, его интересующим, в частности, Ивану Антоновичу не было равных среди коллег-историков. При этом хочу подчеркнуть такую его особенность ученого-исследователя: для него не существовал языковой барьер, если труд того или иного автора, предшественника или современника, представлял для него интерес. Вот как он преодолел этот языковой барьер, для меня осталось загадкой.

Иван Антонович Анцупов был **своеобразным** воспитанником советской исторической науки, методология которой обуславливалась марксистско-ленинской идеологией. Были «ученые», спекулировавшие на историческом материализме, что позволяло им создавать себе научную и служебную карьеру. Беспартийный Анцупов к ним не относился. Возьмите любую его индивидуальную монографию, научную статью за его подписью и увидите, что в них ссылки на классиков марксизма-ленинизма либо присутствуют по минимуму, либо вовсе отсутствуют. Иногда работы классиков используются в качестве литературного источника наряду с другими. Иван Антонович в своих исследованиях опирался на факты, на обусловленный исторический процесс – это было главное для его научных выводов. Работы классиков зачастую использовались для подтверждения выводов автора, а не наоборот, когда научное исследование призвано было подтвердить глубину взглядов и знаний классиков и универсальность их теории. Его независимый от методологии взгляд на социально-экономическую историю Молдовы периода позднего феодализма и раннего капитализма отражен в исследовании им хронологии межотраслевой эволюции в животноводстве и земледелии Бессарабии, в выяснении специфики аграрных отношений в крестьянских сословиях края на государственных землях, в изучении особенности становления здесь сельскохозяйственного рынка и т. д.

По этим и другим научным проблемам он занимал особую позицию, отличную от той, на которой стояли его коллеги по производственному цеху, в частности Я.С. Гросул, М.П. Мунтян, И.И. Мещерюк, И.Г. Будак. Как ученый Иван Антонович был принципиальным, и отстаивал свой взгляд как при обсуждении рукописей коллег-историков, так и в своих работах. При этом он оставался в русле формационной методологии в исторической науке, считал, что она не исчерпала своих возможностей. К цивилизационному методу, которому он посвятил специальную статью, Иван Антонович относился с критическим уважением и осторожностью.

Очень специфично было влияние И.А. Анцупова на молодых исследователей, только вступивших на научную стезю. Трудно ответить на вопрос, была ли создана Анцуповская школа в исторической науке Молдовы в обычном понимании таковой школы: сколько у него было аспирантов, сколько из них защитили кандидатские диссертации и т.д. Трудно потому, что Иван Антонович как очень скромный, тихий и непубличный человек никогда не занимался созданием такой школы. Организаторская жилка у него напрочь отсутствовала. Но то, что такая Анцуповская школа объективно существовала, вне зависимости даже от того, кто **сегодня** готов признать себя его учеником, не вызывает сомнений. Причем, она существует и теперь, пусть все еще в неорганизованной форме. Что дает мне право утверждать об особой Анцуповской школе как научно-общественном явлении в Молдове?

Прежде всего, то обстоятельство, что ни один аспирант, ни один молодой исследователь Института истории АН МССР, ни один из историков-сотрудников ИИМ АН РМ, занимавшихся изучением проблем истории Молдовы XVIII–XX вв., не преминул – по личной инициативе или по рекомендации ученых старшего поколения – обратиться за консультацией к Ивану Антоновичу. А в эти консультации входило: в каких архивах и в каких фондах имеется материал, какая литература опубликована по данной теме или по данному периоду, какие аспекты проблемы разработаны, на что необходимо обратить внимание при выявлении архивных и литературных источников. Многие начинающие исследователи обсуждали с ним также планы и структуры диссертаций или монографий. Скажу прямо, не всякий научный руководитель способен был дать своему аспиранту такую профессиональную консультацию. Естественно, такие консультации облегчали работу молодого исследователя, направляли его энергию в особое русло, влияли на качество конечного результата работы, будь то диссертация, монография или научная статья. При этом Иван Антонович давал эти консультации абсолютно бескорыстно.

С теми, для кого Анцупов был определен Ученым Советом института научным руководителем, либо научным консультантом, он работал особенно тщательно. Это имело место как в ходе сбора материала, написания работы, ее обсуждения на заседаниях отдела или сектора института, так и при подготовке рукописи к публикации. Иван Антонович не только делал замечания, подсказывал, в каком направлении следует раскрывать тему, но на заключительном этапе приступал к научному редактированию. А оно носило характер соавторства. Даже в том случае, если его фамилия отсутствовала на титульной странице монографии.

И в том, что профессионализм историков АН МССР и ИИМ АН РМ, занимавшихся проблемами истории Молдовы XIX в., был на очень высоком уровне, немалая заслуга Ивана Антоновича.

Анцупов - человек. В ходе вышеизложенного обращалось внимание на такие человеческие качества Ивана Антоновича, как предрасположенность к оказанию бескорыстной помощи коллегам, необычайное трудолюбие и работоспособность, мудрость и терпеливость, обязательность и ответственность, принципиальность в науке, открытость.

Здесь остановлюсь на других его личных качествах, делавших его Человеком с большой буквы, с одной стороны, и позволявших недобрым людям использовать их в своих интересах и во вред Ивану Антоновичу, с другой. Прежде всего, он был неимоверно доверчивым человеком. Это обратная сторона медали, на которой выбиты его обязательность и честность по отношению к другим людям, в том числе и к коллегам. Приведу лишь два примера. Иван Антонович написал для издания в виде небольшой брошюры текст по истории бессарабских гагаузов. Каково было его удивление, когда он в опубликованном виде увидел на титульной странице фамилию еще одного автора, причем Иван Антонович шел вторым порядковым номером. Несмотря на то, что первая буква фамилии «соавтора» находится в конце русского алфавита. И при этом Анцупову очень долго не давали на руки вышедшее издание. В конце концов, насколько мне известно, ему вручили только один экземпляр.

Другой случай связан с тем, что Иван Антонович официально был назначен научным редактором одной монографии. Выше говорилось, что научное редактирование Анцупова приобретало характер соавторства, на фиксирование чего он никогда не претендовал. Говорю об этом, чтобы подчеркнуть высокую степень его ответственности к научному редактированию. И как он был **обескуражен** – он не умел возмущаться человеческой подлостью, во всяком случае, автор таким его не видел, – когда до него дошла молва о том, что его фамилия научного редактора снята с титульного листа, и там появилась совсем другая фамилия. Он был беззащитным перед теми, кто использовал его знания в своих интересах, кого не останавливали высокие моральные качества Ивана Антоновича. Справедливость по отношению к Учителю была восстановлена. К сожалению, это произошло уже после его смерти. Он ушел в мир иной **обескураженным**.

Когда автор употребляет в тексте выражение «человеческая подлость» по отношению к Ивану Антоновичу Анцупову, то он имеет ввиду, прежде всего, поступок, связанный с его увольнением из ИИМ АН РМ. Иван Антонович не мыслил свою жизнь вне науки и вне академического учреждения. Это продлевало ему жизнь. Но его уволили. При-

чем смелости не хватило сказать ему об этом. И Иван Антонович целый месяц ходил еще на работу, пока ему не сказал об увольнении человек, которому поручили такую «миссию». Но вот что еще поражало и изумляло в поведении Анцупова – человека. Несмотря на то, что знал, как с ним поступил данный конкретный человек, он не менял свое отношение к нему, оказывал ему необходимую помощь, давал ему консультацию. На такое способен не всякий.

Уважение к чужому мнению было характерной чертой Ивана Антоновича, притом, что он был концептуально принципиальным ученым. Как ученик Анцупова могу сказать, что у меня был свой взгляд на некоторые вопросы из истории аграрных отношений и общественной жизни болгар и гагаузов Бессарабии. Убедил ли я его в своей правоте, трудно сказать. Этика не позволяла спросить его об этом. Но, будучи научным редактором моей первой монографии, а до этого и научным консультантом при подготовке и защите диссертации, Иван Антонович сохранил мое видение, мою позицию в тексте диссертации и монографии. И я ему безмерно благодарен за это.

Анцупов – гражданин. Иван Антонович родился и вырос в Советском Союзе. Он защищал свою Родину на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Он познавал ее историю со всеми ее плюсами и минусами и доносил свои познания до тех, кто в них нуждался. Он был патриотом-государственником великой страны и потому не принял, как мне представляется, все то, что произошло с ней в конце прошлого столетия. У него не было, не могло быть великодержавности, а была глубокая боль за ее развал и глубокое сострадание к людям, на которых этот развал обрушился.

Иван Антонович был одним из самых объективных исследователей проблемы прогрессивного значения присоединения Бессарабии к России. Объективного в том смысле, что он не приукрашивал дореформенную и пореформенную бессарабскую реальность, но вместе с тем видел преимущества вхождения Бессарабии в состав России, выражавшиеся как в специфике ее социально-экономического и демографического развития, так и в роли и значении нашего края в геополитических процессах в Юго-Восточной Европе. Исходя из посылки «Большое видится на расстоянии», мы можем сказать, что в трудах И.А. Анцупова нашли отражение такие объективные процессы социально-экономического характера, которые обусловили сохранение молдавской идентичности в Пруто-Днестровском междуречье и на левом берегу Днестра. Что бы ни говорили недруги молдавского этноса на правом берегу Днестра, за Прутом или где-либо еще, но правда состоит в том, что молдавская идентичность сохранилась именно в границах современной Республики Молдова на 1 января 1990 г. При всех

этноязыковых и этнокультурных издержках российского и советского периодов ее истории они не были фатальными ни для молдавского этноса, ни для молдавской государственности.

Как гражданин И.А. Анцупов особо проявил себя именно тогда, когда гражданская позиция человека не была в почете, когда за нее приходилось дорого платить. У Ивана Антоновича была одна Родина – СССР. Он не принял ее распада. Живя в Кишиневе, имея родственников в Бендерах, будучи уроженцем Липецкой области России, Иван Антонович смотрел на происходящее с его Великой Родиной после 1989 г. глазами солдата Отечественной войны 1941–1945 гг. Он не особо любил рассказывать об этой войне из-за своей скромности и из-за тяжелых воспоминаний. Он был скромным офицером-артиллеристом, и мало кто знал о его военной судьбе. Мне порой казалось, что именно война сформировала его лучшие черты характера. Одной из таких черт было делать свою работу хорошо и ответственно, невзирая на происходящее вокруг. Так он поступал и в 15 последних лет своей жизни.

Иван Антонович понимал, что постсоветское пространство охвачено глобальными геополитическими процессами, опоясавшими в том числе и Республику Молдова. Они уничтожают многовековую ментальность ее граждан, разрушают прежний межэтнический климат доверия и добрососедства между людьми различных национальностей, меняют геополитические ориентиры государств. И страдают от этого простые люди, волею судьбы оказавшиеся заложниками геополитического переустройства мира. Но больше всего и больше всех страдания выпали на долю тех, кто оказался в положении миноритариев. И в этой ситуации Учитель выбирает единственно доступное ему оружие защиты государственности Республики Молдова – написание истории тех, кого с 90-х гг. XX в. причислили в Молдове к национальным меньшинствам.

Об этом свидетельствуют три последние его монографии по истории русского населения Бессарабии и Поднепровья, крестьянства Левобережья Днестра дореформенного периода и казачества от Буга до Дуная, а также его публикации по истории гагаузского, славянского и цыганского населения Молдовы. Защищая таким образом 36% населения республики, он обосновал их право считать себя аборигенами на этой земле, аргументированно доказал их право называть эту землю своей Родиной, недвусмысленно защищал эту землю от посягательств из-за Прута. И, как не покажется кому-то странным, посредством такой защиты миноритарного населения Молдовы Иван Антонович объективно отстаивал право этнических молдаван на отдельную от запрутских соседей государственность. Как мудрый человек, обладающий огромными научными познаниями, он понимал, что толь-

ко в единстве народа Молдовы можно сохранить политический суверенитет этого участка земли в Юго-Восточной Европе и российское геополитическое присутствие на нем.

Историческая наука, которой Иван Антонович посвятил без малого шестьдесят лет своей жизни, – это наука, освещающая для народа дорогу в будущее посредством познания его прошлого. Труды Ивана Антоновича Анцупова имеют именно такое значение.

Низкий поклон И. А. Анцупову за такое понимание объективного предназначения исторической науки. Безграничная благодарность Учителю за науку познания исторических процессов. Пусть земля будет ему вечным пухом.

Николай БАБИЛУНГА

КОЛЛЕГА И.А. АНЦУПОВ, КАКИМ Я ЕГО ЗНАЛ

С Иваном Антоновичем Анцуповым я познакомился в первые дни своей работы в Институте истории АН МССР, куда я пришел лаборантом из краеведческого музея в 1974 году. В стенах этого института мы вместе проработали более пятнадцати лет, но наши творческие связи не прерывались и после того, как в 1991 году я переехал в Тирасполь для работы на историческом факультете создаваемого тогда Приднестровского госуниверситета, для написания истории Приднестровья и создания почти с нуля приднестровской исторической школы.

В первые же минуты знакомства с И.А. Анцуповым у меня возникли к нему очень теплые чувства доверия и дружеского расположения, которые затем, пожалуй, только усиливались. Подкупали в нем прежде всего естественность и добропорядочность, полное отсутствие какой-либо напыженности и рисовки, глубокая внутренняя интеллигентность старой, я бы даже сказал, дореволюционной школы и в то же время достоинство и самодостаточность, которые, по-видимому, помогали ему преодолевать всякого рода бури и невзгоды, которых в нашей жизни оказалось предостаточно. Я никогда не слышал от И.А. Анцупова хоть одного слова, сказанного на повышенных тонах, в раздражении или грубой форме.

Моим научным руководителем с первых дней работы в институте был В.И. Жуков, и я знал о его, мягко говоря, неприязненном отноше-

нии к Анцупову. Не знаю до сих пор, какая кошка между ними пробежала, но меня это никоим образом не касалось, и с Иваном Антоновичем мы всегда, несмотря на разницу в возрасте, дружили. Более того, как молодому, только формирующемуся исследователю-историку, Анцупов дал мне неизмеримо больше, чем мой официальный руководитель, да простит он мне эти слова.

Говоря об И.А. Анцупове как исследователе, я должен, прежде всего, отметить его фантастическую работоспособность и необычайную научную порядочность. Он никогда не спешил с выводами, часто даже создавалось впечатление, что он не любит делать выводы. Он рылся, рылся и рылся в архивах, он копался в документах и чувствовал себя в этой среде как рыба в воде. Он был великолепным знатоком архивов, и это, пожалуй, была его стихия, его естественная среда. В.И. Жуков даже однажды то ли с уважением, то ли с пренебрежением сказал об Анцупове: «Он думает, что сумеет переписать все архивы и создать у себя дома один объединенный архив! Станный человек». Но страсть Ивана Антоновича к историческим источникам, его уважительное, можно сказать, любовное к ним отношение была очевидной и общеизвестной.

С другой стороны, не менее очевидной была и осторожность Анцупова-исследователя, его настороженность к всякого рода обобщениям, теориям, концепциям, учениям. В самый разгул «застоя» ни единого раза, ни в одной своей работе не привел Анцупов ни слова из речей Брежнева, Бодюла и других политических деятелей, да и на классиков марксизма (это уж вовсе не было зазорно и для порядочных, вполне уважаемых исследователей) И.А. Анцупов почти не ссылался. Я знаю множество коллег, которые писали исторические сочинения, больше напоминающие цитатники Мао Цзэ Дуна времен культурной революции, чем исторические исследования. С первой до последней страницы сплошные ссылки на «выдающихся продолжателей» и «верных ленинцев». Впоследствии все они *in cogroge*, в полном составе, одновременно, будто сговорившись, перебежали в лагерь антикоммунистов и стали столь же яростно орать, бить себя в грудь и доказывать всем и каждому, что они самые стойкие ненавистники марксизма, что они всегда были и будут националистами (потом, когда национализм немного вышел из моды, – демократами, европейцами, либералами, консерваторами и еще Бог знает кем).

Иван Антонович в этом отношении являлся исключением, и к подобным людишкам он относился внешне безразлично, а внутренне – с презрением и брезгливостью. И в советскую, и в постсоветскую эпоху. Всякая возня по политическим поводам вызывала у него лишь чувства, противоположные вроде бы всеобщему бредовому умопомеша-

тельству. Помнится, уже в горбачевскую эпоху, когда была начата очередная кампания лихорадочного пароксизма, – это была борьба с пьянством и за здоровый образ жизни, – институт впал в очередной приступ демонстративной эпилепсии, а некий секретарь профкома на собрании даже кричал о необходимости покончить, наконец, «с этими чаепитиями» (в горячке он и чаепитие в обеденное время приравнял к пьянке). Так вот, после собрания Иван Антонович подошел ко мне и предложил выпить у него рюмочку хорошей настойки. Я был удивлен, ибо знал его всегда как человека очень трезвого, непьющего, не усматривающего в этом действе никаких положительных для себя эмоций. И я понял, что это просто был его тихий протест против очередной вакханалии борьбы с ведьмами.

Но я был бы не прав, если бы сказал только о молчащем Анцупове. Ведь я видел его и другим. В начале 80-х годов я вернулся из Ленинграда, где около двух лет проходил стажировку в Ленинградском отделении Института истории СССР Академии наук СССР. Меня, еще переполненного впечатлениями и накачанного ленинградской академической школой исторических исследований, тяготила обстановка нашего провинциального академического болотца. И вдруг блеснул светлый луч в туманной и зловонной атмосфере брежневско-бодюловских политесов исторической науки со всеми их «приоритетами» вроде «развитого социализма», «советского образа жизни», «советского народа как новой общности людей», «выдающейся роли Коммунистической партии» и т. д., и т. п. Выступает на методологическом семинаре института И.А. Анцупов с каким-то докладом о положении государственных крестьян в XIX в. Я по обыкновению читал какую-то книгу, но постепенно все больше и больше стал прислушиваться к докладчику, а затем и вовсе внимательно углубился в его речь. А говорил он не вполне обычные вещи.

Речь шла о том, что в действительности отношение правительства и в целом господствующих классов России к крестьянам было не вполне таким, как его обычно представляют. Анцупов рассказывал о мерах по поддержке правительством крестьянских общин, о льготах государственным крестьянам Бессарабии, о благополучии местных крестьян по сравнению с крестьянами других губерний и о том, что наш край не только не являлся какой-либо колонией или аграрно-сырьевым придатком России, а по большинству социально-экономических показателей опередил «метрополию». Такие выступления с осторожными, но четкими и убедительными аргументами обобщающего плана были не очень характерны для И.А. Анцупова, и я мысленно аплодировал ему. Я был вдохновлен его докладом и выступил в прениях. Я говорил, что пора отказаться от примитивных схем «Краткого курса

истории ВКП(б)», следует объективно изучать историческое прошлое своей страны, а Россию называть Россией без обязательных приставок «царская», «самодержавная», «крепостническая» и проч. После меня в поддержку Анцупова выступили В.И. Жуков, И.О. Князький, А.В. Хейстер, кто-то еще. Но были и резкие выступления «против». Гициу, Параска и прочие защитники чистоты марксистско-ленинской идеологии, ревностные охранители классового подхода при анализе исторических явлений, большевистской непримиримости и партийности с рычанием набросились на «диссидентствующую» молодежь, посмевавшуюся замахнуться на святая святых, на учение классиков и марксистско-ленинскую методологию исторических исследований. Страсти накалялись, я и мои единомышленники пытались возражать, Анцупов сидел спокойно и слушал.

В конце концов, ведущий методсеминара директор института В.И. Царанов, который всегда избегал такого рода напряжений, прикрыл дискуссию и остудил накалившиеся страсти, сказав в заключительном слове, что наша методология была и остается классовой, и никакие покушения на ее основы в этом деле недопустимы. Однако наука развивается, и остановить это развитие невозможно. Следует чутко прислушиваться... и в таком духе. Методсеминар был закрыт, но его отзвуки в дальнейшем еще звучали. В 1984 году меня, Князького и Хейстера стали тягать на допросы в КГБ, проводить «профилактику», как это тогда у них называлось. Зачитывали различные обвинения из доносов коллег и знакомых, требовали письменных объяснений по каждому из них. В числе прочих было и обвинение в «монархизме». Меня, конечно, внутренне смешили эти жалкие погуги «сшить» политическое дело, тем более, что обвинения в «монархизме» сочетались у обвинителей со столь же серьезными обвинениями в «троцкизме».

Но тогда нам было не до смеха. И как мне потом рассказывали, многие в институте ожидали, что вслед за нами потянут на допросы И.А. Анцупова, П.В. Советова, С.А. Мадиевского, И.Э. Левита и других историков-профессионалов высшего класса, которых так ненавидели доморощенные националисты, впоследствии по заданию своих шефов из КГБ составившие костяк Народного фронта. Тогда они боролись с «антисоветчиной» путем регулярного отстукивания «боевому отряду нашей партии» сведений о том, что говорят, пишут и думают коллеги.

Анцупов все это понимал. Еще за два года до этого мудрый Иван Антонович взял меня за локоток после той дискуссии, вывел из библиотеки в фойе академии и сказал: «Дорогой Николай Вадимович! Уходите отсюда. Вы человек талантливый, и вам этого не простят. Здесь работает зверье. Поймите, они будут вас бить, клевать, рвать в клочья.

Они вам жить не дадут и не успокоятся, пока не втопчут в грязь!». Сколько времени прошло, а помню его слова как сейчас. И говорил он это со слезами на глазах, основываясь, как я понимал, на своем богатом, но горьком опыте.

А потом началась вакханалия конца 80-х годов, агония так называемой «перестройки». Бывшие несгибаемые ленинцы вдруг стали неразгибаемо злобными и крикливыми националистами. Выскочив из партии, они тут же шумной галдящей толпой приземлились на платформе неонацистского Народного фронта. Вновь понеслись обвинения, но уже как бы с других позиций – во всем виноваты русские и евреи. Это они отняли у нас нашу историю, наш язык и нашу душу. Это они постоянно унижают и оскорбляют наш гостеприимный добрый народ, они запретили «правильное название» нашего древнего румынского рода... и в таком духе до хрипоты в голосе. Анцупова называли «русским держимордой».

И.А. Анцупов из партии не вышел. Просто потому, что он, как и я, никогда в ней и не состоял. Я больше чем уверен, что если бы он был коммунистом, то и остался бы им, несмотря ни на что. Другое дело, что самой партии такие люди, видимо, были не нужны – оттого она, болезненная, и померла. Но его, человека, много в жизни видевшего и много понявшего, опытного и мудрого, потрясал до глубины души этот шабаш, свидетелем которого ему довелось стать. Верные ленинцы неожиданно превращались в пещерных антикоммунистов, в мизантропов откровенно фашистского толка, глумящихся над всем, что было свято и дорого для нормальной незашоренной, незакомплексованной личности. В конце 80-х годов наэлектризованные толпы фронтистов выбрали (или им приказали это кукловоды) маршрут по кишиневской улице Ленина от памятника Стефану III до Академии наук, где с криками «Жос Жученко!» и «Чемодан! Вокзал! Россия!» они били стекла, глумились над памятником воину-освободителю, бесновались, хулиганили, избивали людей.

Толпы темных субъектов, не прочитавших в жизни ни одной книжки, стали врывать в Институт истории, заполнять актовЫй зал, требовать от ученых обсуждения с ними проблем истории. Потрясенный Иван Антонович в своей обычной спокойной манере, не повышая голоса, пытался объяснить беснующемуся залу, что есть такая наука – история. И она изучает прошлое каждого народа по документам, по архивным источникам. Она требует к себе очень бережного отношения. Мифы и легенды – это не наука, это фольклор. Сказочки могут быть красивыми и очень нравиться кому-то, но они все равно остаются сказочками, мифами, легендами без всякой доказательности. Толь-

ко факты составляют научную доказательную основу знания. А факты надо искать, находить, факты надо знать...

Да что там! Ни с Анцуповым, и ни с кем другим истеричная толпа на языке фактов разговаривать не желала и не могла. Какая-то полусумасшедшая дама в домашних тапках и халате бежала к сцене и истошным голосом вопила на ломанном русском: «Убирайтесь к себе домой! Мы вас ненавидим! Ной сынтема акасэ! Вон отсюда, оккупанты! Жос! Жос! Жос!». Я помню, как Иван Антонович отошел от края сцены, где под свирепое одобрение зала размахивала руками эта женщина, пытаясь схватить его за брюки и стащить со сцены. Он молча и печально смотрел на неистовство толпы, и я не знаю, о чем он думал в эти минуты.

Но я знаю, что, ощущая трагическое бессилие перед негодьями, уничтожающими на его глазах дело его жизни, И.А. Анцупов целиком ушел в работу. Он стал работать с утроенной, с удесятенной энергией, пытаясь противопоставить мутному потоку лжи, клеветы, вульгарного невежества и сознательных подтасовок все новые и новые исторические исследования, глубоко доказательные и объективные. Создавалось впечатление, что в эпоху, когда одна часть историков включилась в омерзительную оргию мракобесия, а другая часть разъехалась в разные стороны света, Анцупов остался в Кишиневе, чтобы строить плотину для спасения науки, народного сознания от потока грязи и нечистот. Я сказал бы, что это было решение сильной личности, но героя-одиночки. Он никогда не был в толпе, он никогда не был частичкой массы. Ни в советские времена, ни в постсоветские. Удивительнее всего, по крайней мере, для меня, было то, что он в 90-е годы после распада Советского Союза стал увлекаться коммунистической литературой. Он охотно обсуждал при встречах со мной борьбу российской компартии против Ельцина и возрождение после запрета компартии Молдавии. Он увлеченно пересказывал мне книги Зюганова, которые где-то доставал и с удовольствием читал. Помню его фразу: «А вы знаете, Николай Вадимович, голубчик, и среди коммунистов есть очень толковые люди!»

Но больше всего при встречах мы обсуждали проблемы создания приднестровской государственности. Его чрезвычайно интересовала эта тематика. Он хотел знать все подробности до мелочей. Он восхищался стойкостью и мужеством народа Приднестровья. Несмотря на болезнь и преклонные годы, он приезжал к нам, участвовал в научных конференциях, читал лекции студентам, выступал перед историками и краеведами. Вообще к Левобережному Приднестровью у И.А. Анцупова всегда лежала душа. Эта территория была не только включена в круг его научных интересов, но, как мне кажется, была у него в сер-

дце. С какой радостью он принимал моих студентов, рецензировал их дипломные работы, давал многочасовые самые подробные консультации по истории казачества, по истории заселения этих земель, по самым разнообразным вопросам, которыми занимались наши ученые и студенты.

С особым удовольствием сотрудничал И.А. Анцупов с Приднестровским университетом и, в частности, с научно-исследовательской лабораторией «История Приднестровья», в которой он работал со дня ее основания в 1991 году и до своих последних дней. При написании нами трехтомной «Истории Приднестровской Молдавской Республики» фактически весь XIX век находился в ведении И.А. Анцупова. С энтузиазмом и ответственностью работал он над главами этого издания. По мере написания он выделял отдельные сюжеты в статьи и передавал для напечатания в «Ежегодный исторический альманах Приднестровья», каждый номер которого он зачитывал, что называется, до дыр. Приезжая из Тирасполя в Кишинев, встречаясь с И.А. Анцуповым и проводя с ним время в многочасовых беседах в его гостеприимном доме, я подчас даже удивлялся, как внимательно он прочитывал все публикации нашего журнала, ибо он давал очень профессиональные советы, замечания и пожелания даже по тем публикациям, которые не очень вписывались в рамки интересующей его тематики.

Когда вышел в свет наш трехтомник, И.А. Анцупов был удостоен звания «Лауреат государственной премии ПМР» за достижения в области науки в 2002 г. Мне он тогда сказал, что никогда в жизни не отказался бы ни от одной своей работы, ни от одного слова, написанного им. Но этот трехтомник – работа совершенно особая, и он рад, что ему посчастливилось стать одним из ее создателей. Я знаю, что Анцупов никогда не произносил напыщенных фраз и громких речей. Поэтому я оценил эти слова не как серебро, а как золото. Они очень дорого стоят для меня.

В последние годы жизни здоровье все чаще подводило И.А. Анцупова, а встречались мы с ним, к сожалению, все реже. Но он постоянно горел желанием приехать к нам в университет, и мы с ним обсуждали спецкурс, который он прочел бы нашим студентам. Иван Антонович убеждал меня, что здоровье его обязательно поправится, и он непременно к нам приедет. Увы, судьбе было угодно все устроить по-другому. В октябрьскую ночь 2004 г., когда земля под Кишиневом в очередной раз затряслась, И.А. Анцупова не стало.

Он ушел из жизни не сломленным, не побежденным. Солдатом-победителем, ученым и человеком он остался в моей памяти навсегда. И не только в моей, но и в памяти всех, кто его знал. Думаю, даже в памяти его врагов.

Татьяна МЛЕЧКО

МЫ МНОГИМ ОБЯЗАНЫ ИВАНУ АНТОНОВИЧУ

В начале 90–х в Академии наук РМ было сформировано новое исследовательское подразделение – Институт национальных меньшинств, а в его структуре – Отдел истории, языка и культуры русского населения Молдовы. Именно здесь впервые началось комплексное изучение русской диаспоры – русского мира в пределах Молдавии.

В тот период, в пору негации всего русского, неоднозначного отношения в обществе к «русскому присутствию», требовалась особая объективность констатаций и особая корректность выводов. От каждого специалиста в отделе зависела его репутация в научных кругах и в обществе, расколотом, политизированном, взрывоопасном. К чести коллектива отдела, тональность участия в диалоге по национальному вопросу была выбрана верно. Во многом этим мы обязаны Ивану Антоновичу Анцупову.

В отделе, которым мне доверено было руководить с 1991 по 2001 год, постоянно обсуждались не только разделы исследований, но и текущие события. Мы все страдали от дилетантизма отдельных политиков и от лукавства исследователей-конформистов, которые «вбрасывали» в общественное сознание псевдонаучную информацию. Позиция И.А. Анцупова, компетентного историка и мудрого человека, заставляла если даже не принять, то хотя бы понять причинно-следственные связи в происходящем, установить зависимость между событиями прошлого и настоящего. Иван Антонович призывал нас оперировать достоверными фактами. Именно поэтому в боли и страсти наших суждений и споров не тонул разум. Всегда побеждал «цивилизационный подход» – конек И.А. Анцупова, а потому всегда находился цивилизованный выход. Как мы себя ощущали? Примерно так, как об этом у И.Бродского:

**«Человек второсортной эпохи гордо
Признаю я товаром второго сорта
Свои лучшие мысли.
И дням грядущим**

Я дарю их как способ борьбы с удушьем.

Я сижу в темноте. И она не хуже

В комнате, чем темнота снаружи».

Мы все обязаны Ивану Антоновичу. Рядом с ним стыдно было быть неубедительными в науке, нескромными – в жизни, «рыхлыми, пафосными и зыбкими» – в любых делах и отношениях.

Рядом с ним было легко: он всех нас любил и был великодушен в оценке каждого из нас. Мы это знали, ценили. Мы это с признательностью помним!

Петр ШОРНИКОВ

ПАТРИАРХ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

В 80-х годах XX века в Молдавии имелаcь сильная, быстро развивающаяся научная школа историков, и видным ее представителем являлся Иван Антонович Анцупов.

В 1968-1969 годах мне довелось слушать курс Анцупова в Кишиневском университете. Нам преподавали хорошие профессора и доценты, настоящие ученые, некоторые из них – член-корреспондент АН МССР Н.М. Мохов, член-корреспондент АН МССР И.Г. Будак, профессор А.М. Лисецкий, доцент Р.Ю. Энгельгардт – читали особо любимые студентами специальные курсы. Но даже в этой когорте Анцупов выделялся глубоким знанием своей темы – истории крестьянства. В отличие от большинства других наших преподавателей-ветеранов войны, он даже по случаю торжеств не любил надевать боевые награды; о своем ранении на Днестре в сентябре 1941 года и пребывании в Румынии в 1944-м рассказал только много лет спустя, когда мы уже были коллегами. Читая курс, он запоминал большинство студентов. Меня он выделил не за прилежание в учебе, а как председателя Студенческого научного общества. На заседания СНО Иван Антонович часто приводил студентов младших курсов и организовывал обсуждение их докладов, что, собственно, являлось моей обязанностью, но мне нравилось. Поиск талантов вряд ли являлся его мерой по формированию собственной школы, но его устремленность на достижение общественно-значимых целей не вызывала сомнений.

Научные школы обычно складываются вокруг администраторов науки. Но Анцупов никогда не обладал административной властью и

не стремился к ней. Рассматривая КПМ как некий административный предбанник, он, фронтовик, защищавший Родину с оружием в руках, так и не вступил в партию. Однако в 1980 году, когда мне потребовался доступ в архив Института истории КПМ, он посоветовал: «Подайте заявление!». Мой научный руководитель профессор И.Э. Левит предсказал, что результата это не даст, и оказался прав, но тут важна позиция Анцупова. Осуждая его за отказ от использования партийной позиции, я не удержался от вопроса: «А вы-то, Иван Антонович, почему не подали?». Для него партийность не являлась условием успеха его научной работы, и он ответил честно: «Мне этого не надо!».

Существующий порядок защиты докторских диссертаций внушал Анцупову такое отвращение, а материальные блага, от этого проистекающие, он ценил так мало, что, располагая публикациями, достаточными для защиты нескольких диссертаций, предпочел заниматься наукой, а не оформлением высшей ученой степени. Это не сказалось на его научном авторитете. В 1977 году, когда я начал работать в Институте истории Академии наук Молдавии, его сотрудник Г.Н. Топузлу, впоследствии ректор Комратского университета, разъяснил мне: кроме докторов и кандидатов наук, в институте имеются также ученые: Советов, Анцупов, Левит. Кто бы по их следам ни прошел, разъяснил коллега, не найдет ни сучка, ни задоринки. Вскоре я убедился, что список ученых следует расширить, но, поместив Ивана Антоновича между членом-корреспондентом АН МССР и еще одним доктором наук, Топузлу раскрыл место Анцупова в неформальной научной иерархии. Сам Топузлу, также будучи кандидатом наук, ученым не числился.

Иван Антонович был счастливым человеком. У него имелся надежный семейный тыл, совершенно необходимый ученому для успешной работы. Он любил жену и детей, занимался любимым делом. Его недостатком являлся избыток скромности. Никогда не просил он отрецензировать свои книги, то есть не принимал должных мер по приданию своим трудам заслуженного ими общественного звучания. В духе традиций старой русской интеллигенции он помогал всем. Студентов пытался приохотить к самостоятельному поиску истины. Начинающих – и не только их – сотрудников Института истории консультировал по вопросам источниковедения, историографии и методики, прививая им культуру исследовательской работы. Свои мысли он передавал молодым коллегам в дискуссиях на научные темы в кулуарах Института. Редактировал чужие книги и всегда, независимо от исходного состояния, доводил их «до ума». Правил рукописи, чьими официальными редакторами были другие сотрудники института. По поводу одного из таких эпизодов я намекнул: а ведь он помогает закрепиться в Институте сотруднику, к науке явно неспособному. «Да, – признал Иван Ан-

тонович, – от него все редакторы стонут. Но материал он все-таки собрал. Пусть хоть эта работа получится приличной!». При всей его отзвучивости Анцупов служил науке, а не ее служителям. А научные исследования вел в интересах Родины. В этом он видел свою миссию, и это придавало его работе высший смысл.

Собственно, в чем заключался «анцуповский» метод исследований? Анцупов увлеченно работал в архивах. Он был патриотом, но обладал собственным пониманием национальных и государственных интересов. Административно расчленив Россию после революции 1917 года, большевики, полагал он, разобшили ее народы и поставили их под контроль национально-бюрократических клик. Анцупов осуждал гиперкритицизм по отношению к российской государственности, со времен Радищева утвердившийся в русской литературе и исторической науке, расценивая его как отклонение от научной объективности. Он не желал видеть в прошлом родной страны черное пятно, для него история представляла собой картину труда и борьбы предков. Его возмущала псевдопартийная установка на очернение дореволюционной российской истории под видом критики «царизма». Когда мы обсуждали с ним знаменитый заочный спор Пушкина с Радищевым, Иван Антонович безоговорочно выступил на стороне Пушкина. Его мысли о том, почему книгу революционера, желчную и скучную, знают все, а блистательную новеллу гения русской литературы – только специалисты, я излагаю студентам.

Анцупов сознавал ограниченность классового подхода и в своих работах использовал элементы структурно-системного анализа. Научные выводы не подгонял под положения классиков, наоборот, использовал ссылки на них для обоснования собственных суждений. Как ученый, он творил новые фрагменты картины истории, полагая, однако, что делать это следует тихо, без деклараций. Но в начале 80-х годов он раскрыл свою позицию на методологическом семинаре, на фактах показав несостоятельность тезисов об «антикрестьянском», исключительно продворянском характере политики российского правительства в Бессарабии в XIX столетии и якобы имевшем место национальном угнетении молдаван. Исследователи, знакомые с документацией той эпохи, знали, что Анцупов прав. С восторгом поддержал его Н.В. Бабилунга, в ту пору младший научный сотрудник. Но идеологические начетчики, находившие в нападках на «царизм» выход своему абсурдному, не имеющему оснований ни в прошлом, ни в тех временах, антирусскому шовинизму, обвинили Ивана Антоновича едва ли не в антисоветизме. Анцупов, заявили они, отступает от партийных оценок царизма, изменяет историческому материализму.

Однако политический подтекст спора был ясен. Заместитель директора института В.И. Жуков, к Анцупову относившийся неприязненно, тем не менее, возразил его критикам: классовый подход не исключает научной объективности. В поддержку суждений Анцупова выступили еще несколько сотрудников. Однако ветераны института, помнящие идеологические проработки сталинских времен, сочли открытый разговор на эту тему нецелесообразным. П.В. Советов и И.Э. Левит постарались представить выступление Анцупова как рутинную научную дискуссию. Директор института член-корреспондент АН МССР В.И. Царанов замял опасную полемику. Но коллеги, видимо, попали на заметку КГБ. Во времена Андропова трое из выступавших на методологическом семинаре в поддержку Анцупова – Н.В. Бабилунга, А.В. Хейстер и И.О. Князький – стали жертвой политического доноса «научных» оппонентов. Довести дутое «дело» до суда его инициаторам не удалось, Анцупова и Жукова к следствию не привлекли, но оба они около года жили под дамокловым мечом. На научных позициях Анцупова эта история не сказалась. В его монографиях тех лет «Сельскохозяйственный рынок Бессарабии в XIX в.» (1981) и «Крестьяне Левобережного Поднестровья в дореформенный период» (1990), в написанных им главах обобщающих работ и научных статьях имелся достаточно жесткий разбор царской политики в Бессарабии, но места для голословного обличения «царизма» в них не нашлось.

На рубеже 90-х годов, когда Союз рушился, обличители Анцупова толпой перебежали на позиции румынизма. На митингах звучали крики о принадлежности молдаван к румынской нации, о «мигрантах» и «оккупантах», заполонивших Молдавию, о «лишаях» на ее теле, гагаузах. Курс молдавской истории в учебных заведениях был заменен мифологизированной «историей румын»; выпуск книг, призванных внедрить в массовое сознание мифологию румынизма, был поставлен на поток. В.И. Царанов, оставшийся молдаванином, был с поста директора смещен, а Институт истории как научное учреждение разгромлен в ходе политической чистки. Школа медиевистов, сложившаяся под руководством П.В. Советова, другие школы историков, казалось, перестали существовать. Однако для Анцупова его научная работа представляла собой не службу ради куска хлеба, а служение своему народу, и он не опустил до идеологической мимикрии. Иван Антонович вошел в довольно узкий (П.В. Советов, В.Я. Гросул, И.Э. Левит, Н.В. Бабилунга, И.Ф. Грек, Н.Н. Червенков, Н.Д. Руссев и некоторые другие) круг ученых, обсуждавших вопрос о том, что делать перед лицом разгула митинговой «науки». Мифам румынизма следовало противопоставить научный дискурс по истории молдаван, русских, болгар, гагаузов и других национальных сообществ Молдавии. Вопрос о

том, как создать огражденные от диктата унионистов научные учреждения и учебные заведения, они, естественно, ставили перед коллегами, избранными в парламент, – председателем Интердвижения Молдавии А.М. Лисецким и автором этих строк.

В парламенте мы были в меньшинстве. В октябре 1990 года многие деятели нашей организации были лишены депутатских мандатов, кто-то, не выдержав прессинга, вышел из нашей фракции. Тем не менее, в ноябре нам удалось провести постановление о создании Департамента национальных отношений. Под руководством сопредседателя Интердвижения профессора-юриста В.Н. Яковлева был учрежден университет в Тирасполе. Позднее были созданы университеты в Комрате и Тараклии. В 1991 году в структуре Академии наук был образован отдел, а затем институт, призванный изучать историю и культуры национальных меньшинств Молдавии. Вопросы утверждения капитализма в сельском хозяйстве Бессарабии XIX века уже не представляли общественного интереса. Но Ивана Антоновича, знающего этносоциальный контекст событий, пригласили туда работать. Обладая огромной эрудицией и домашним архивом, он на восьмом десятке лет сумел скорректировать тему исследований и создал фундаментальный труд «Русское население Бессарабии и Левобережного Поднестровья в конце XVIII-начале XX в.». Каналы государственного финансирования книгоиздания были заблокированы унионистами, предприниматели опасались спонсировать выпуск книг на русском языке, но в 1996 году работа все же была издана на средства Кишиневской общины россиян. Позднее таким же образом, а не на государственные средства, были изданы монографии И.А. Анцупова «Казачество российское между Бугом и Дунаем» (2000) и «Русские на Очаковской земле» (2003).

В отличие от большинства историков Молдавии Ивану Антоновичу тематическая переориентация далась легко. Отчасти поэтому его труды были написаны довольно быстро и заняли достойное место в контексте альтернативной, подлинно научной историографии Молдавии, представленной с начала 90-х годов брошюрами и статьями профессоров В.Я. Гросула и И.Д. Чобану, серией монографий В.Н. Стати, написанными под руководством В.И. Царанова коллективными работами «История Республики Молдова» (1997) и «Вехи молдавской государственности», его же книгами о событиях конца 40-х – 50-х годов, двухтомным трудом И.Э. Левита, посвященным молдавскому национальному движению 1917-1918 годов, исследованиям Л.Е. Репиды и некоторыми другими работами. Мои книги «Цена войны» (1994), где были рассмотрены этнодемографические процессы в Молдавии в 1941-1945 годах, и «Покушение на статус» (1997), написанные в контексте текущей политической борьбы, Анцупов также расценил как шаги к

выполнению долговременной программы исследований. Но самым значительным по объему и непревзойденным по глубине исследований стал его собственный вклад в создание истории русского населения Бессарабии и Новороссии. Благодаря выходу трех монографий и ряда обобщающих работ, в которых его перу принадлежали важные главы, а также десятков научных статей, посвященных истории немцев, гагаузов, болгар, цыган, Анцупов заслуженно обрел репутацию крупнейшего знатока истории национальных сообществ Молдавии.

Человек глубоко порядочный, Анцупов предполагал наличие таких же качеств у каждого из коллег, поэтому его особенно травмировало хищение авторских прав, навязывание соавторства, начальственное хамство. Но превыше личных обид были для Ивана Антоновича интересы дела. В 1993 году наш бывший коллега по Институту истории издал его работу, посвященную истории гагаузов. Все бы хорошо, но он приписал себе соавторство, причем поставил свою фамилию перед фамилией Учителя. Об этой проделке мне, в то время депутату, сообщил И.Ф. Грек и попросил принять меры. Анцупов, конечно, был уязвлен, но моему намерению разоблачить непрошеного соавтора/издателя через прессу воспротивился: «Оставьте его. Главное – книжка вышла и пойдет в школы!». Беседа наша закончилась неожиданно: Иван Антонович попросил добиться от руководства Гагаузии возмещения «соавтору» издательских расходов! Иначе тот не отдавал тираж. Жил Анцупов трудно, но о гонораре себе как автору не упомянул. Я выехал в Комрат, переговорил с бывшими депутатами молдавского парламента С.М. Топалом и М.В. Кендигеляном и выслушал их филиппики в адрес издателя, мной никак не заслуженные. Каждый из них поинтересовался отношением Анцупова к возмещению расходов на издание, и моя ссылка на просьбу Ивана Антоновича оказалась достаточно весомой. Хотя оба руководителя признались, что денег в бюджете нет, учителя и школьники вскоре получили учебное пособие, а издатель – исковую сумму.

Довольный, он зашел ко мне со словами благодарности. Но я высказал ему свое и друзей-историков мнение о его поступке. «Соавтор» выразил сожаление, уверен, искреннее: «Скажи Антонычу, пусть простит!». «Нет уж, – уклонился я, – покайся перед ним сам!». Так и произошло. Иван Антонович не держал на него зла. Через несколько лет этот человек серьезно заболел и попросил меня о содействии в назначении ему персональной пенсии. Дело было сложное. Анцупов, узнав о возникших проблемах, также попросил меня помочь: «У него жена и дочка!». Спасительная пенсия была коллеге назначена. О ходатайстве Анцупова я ему не сказал, тем не менее, в 1997 году на научной конференции «Человек труда, рабочий класс и современность», оказав-

шейся последней в его жизни, бывший наш коллега сидел рядом с Анцуповым. В другом случае попытку лишить Ивана Антоновича редакторских прав И.Ф. Грек, избранный к этому времени в парламент, предотвратил на стадии подготовки.

В трудах Анцупова, в его подходе к историческим исследованиям наглядно проявились традиции и приоритеты молдавской исторической школы, которую создали в 50-е – 60-е годы XX века Я.Гросул, Н.Мохов, И. Будак, Е. Руссев, П.Советов и другие ученые, включая Анцупова. Его опыт и вкус к сугубо научному, невзирая на табу, анализу исторических явлений усваивали молодые исследователи. В отличие от большинства других сотрудников Института истории, подверженных колебаниям политической конъюнктуры, ученики Ивана Антоновича сохранили верность научному методу. Н.В. Бабилунга написал хорошую публицистическую книжку «Население Молдавии в прошлом веке: миграция? ассимиляция? русификация?»; она была издана в бурном 1990 году, сыграла важную роль в идеологической борьбе. В 90-е годы Бабилунга возглавил в Тирасполе лабораторию исторических исследований и стал одним из создателей Приднестровской исторической школы. И.Ф. Грек и Н.Н. Червенков выпустили исследование о болгарях Молдавии и Украины, положив в Молдавии начало школе болгаристов. А.Ю. Скворцова и Н.В. Абакумова подготовили монографические работы по истории русского населения Молдавии, а Т.П. Млечко – книгу о функционировании русского языка в системе образования в 90-е годы. Н.Д. Руссев успешно исследует молдавское средневековье, а И.И. Жаркуцкий – социально-экономические процессы XIX столетия. Монографию об отношениях кочевников с населением Древней Руси издал в Коломне И.В. Князький. И, наконец, автор этих строк опубликовал более 80 научных статей, посвященных молдавской этнокультурной идентичности.

До последних своих дней сохранил И.А. Анцупов способность воспринимать новое. При его участии был разработан план коллективной монографии «И ... разошлись славяне по земле» (2002), в которой дан очерк этнической истории Карпато-Днестровских земель VI-XIII веков, и обсуждалась концепция следующей работы, посвященной истории русского населения Молдавского княжества. В конце 2002 года Иван Антонович, узнав о моей неудачной попытке привлечь к ее написанию виднейшего этнографа Молдавии члена-корреспондента АНМ В.С. Зеленчука, взялся склонить его подготовить хотя бы статьи об этнических процессах в Бессарабии в XIX – начале XX века. Их разговор состоялся на одной из презентаций в Доме национальностей. Когда я подошел к своим бывшим преподавателям, его итог уже определился. Зеленчук был занят другим проектом, и возвращаться к теме

своей монографии 1978 года вновь он отказался. Но Анцупов умел убеждать. Некоторое время спустя Валентин Степанович зашел ко мне в Департамент межэтнических отношений, и мы обговорили мое участие в написании коллективной работы «Молдаване». Хотя никаких ответных обещаний не требовалось, беседу он закончил так: «Мы вчера опять повстречались с Анцуповым... Когда будет текст сборника, я его посмотрю».

Несколько статей на эту тему были опубликованы в журнале «Мысль», сборниках материалов научных конференций, в газетах и сыграли свою роль в ее актуализации. Но в исследовании было слишком много пробелов, и тематический сборник не получился. Вопрос о написании очерка истории коренного русского населения Молдавского княжества удалось решить иным образом. Журналист и предприниматель С.Г. Суляк, русин по происхождению, подготовил монографическое исследование «Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии». Уже отредактированную рукопись прочел Иван Антонович. Презентация монографии состоялась 9 июня в том же зале Дома национальностей, стала мигом торжества и для Анцупова. Он взялся написать статью о русинах Молдавии XVIII столетия. Опубликовал статью «Кашубы», в которой раскрыл прежде неизвестную славянскую страницу этногенеза бессарабских немцев.

Востребованность в науке, участие в общественной жизни помогали Ивану Антоновичу преодолевать неизлечимый недуг, старость. Продолжая исследования, 23 октября он выступил на Славянских чтениях с обещанным докладом о русинах Буковины, а затем на фуршете пригубил рюмку коньяку. Кончина настигла его 28 октября 2004 года за рабочим столом. То обстоятельство, что он до последнего часа сохранил ясность мысли и способность творить, мы, его знавшие, расценили как милость судьбы. В июле 2006 года в книге «История и культура гагаузов» посмертно увидели свет пять написанных им разделов, посвященных истории гагаузов в XIX столетии. Символично, что составители забыли заключить его фамилию в траурную рамку: Анцупов жив!

Выполнил ли Анцупов свою общественную миссию? Его десятилетиями окружали научные единомышленники, что само по себе показательно. Почтение коллег-историков – русских, молдаван, болгар, гагаузов, евреев, – он, судя по его отзывам о них, ценил, но разговоров о своей научной школе не поддерживал, поэтому его мнение о его миссии мне неизвестно. Анцупов до конца оставался бодр, ироничен и полон замыслов. Со смехом утверждал, что занятия историей способствуют долголетию. Коллеги полагали, что тому способствует также его любовь к какао. Но вклад Анцупова в изучение истории русского

населения Бессарабии и Новороссии и ряда других национальных сообществ неоспорим. Его научное творчество стало фактом идеологической борьбы в Молдавии; он стоял на пороге новой фундаментальной научной темы и оценил ее значимость.

Некоторые историки, считающие себя учениками Анцупова, стали депутатами, «полными» докторами наук, возглавили научные и учебные учреждения, превзойдя его в статусном плане. Но все они, к их чести, безоговорочно признают интеллектуальный и нравственный авторитет Учителя и его благотворное влияние на их становление как исследователей. Что особенно показательно, высоко ставят Анцупова-ученого и бывшие коллеги, уступившие давлению политической конъюнктуры

То обстоятельство, что Анцупов не стал академиком, характеризует не его научные заслуги и не степень их общественного признания, а порядок избрания в Академию наук Молдавии и этнополитические взгляды ее членов. Но кто из них может надеяться, что именно его глазами будут смотреть на события своего прошлого, а значит, и на свое будущее целые национальные сообщества? Анцупова, а не кого-либо из академиков сегодня именуют патриархом исторической науки Молдавии. Имя Анцупова объединяет историков республики, сохранивших концептуальный суверенитет и верность научному методу. Анцуповская школа историков была, есть и продолжает развиваться.

Сергей СУЛЯК

ОН НАВСЕГДА ОСТАНЕТСЯ В НАШЕЙ ПАМЯТИ

Я познакомился с Иваном Антоновичем Анцуповым на научной конференции «Многообразие культур – духовное богатство народов Молдовы». Это мероприятие состоялось 9 октября. 2003 г. В то время я заканчивал многолетнюю работу над монографией «Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии».

Я выступил с докладом «Семиградская Русь». Это было мое второе выступление по русинской тематике. Первый мой доклад «Древнерусское население средневековой Молдавии» прозвучал 14 июня 2003 г. на конференции «Русская община Республики Молдова: становление

и пути развития», посвященной 10-летию Русской общины. Именно тогда я посчитал, что обладаю достаточным научным багажом для участия в научных мероприятиях. Я помню, как внимательно слушал Иван Антонович мое выступление.

22-23 октября наши пути снова пересеклись: мы участвовали в международной научно-практической конференции «Национальные образы мира: единство-разнообразие-справедливость». Перед началом конференции Иван Антонович подошел ко мне, горячо пожал руку и, глядя прямо в глаза, строго сказал: «Молодой человек, у вас интересная и нужная тема, не останавливайтесь, продолжайте свои изыскания».

В начале 2004 г., завершив работу над монографией, я набрался смелости и позвонил Ивану Антоновичу. Я просил его отрецензировать мою будущую книгу. Через несколько недель мы встретились на квартире Ивана Антоновича.

- Как вам моя работа? – спросил я его.

- Хорошая и очень нужная, - ответил И.А. Анцупов.

Никаких замечаний по работе Ивана Антонович не высказал, работа ему понравилась. Поправив ряд грамматических ошибок, пропущенных мною, он только порекомендовал мне снять статью "Бессарабская губерния", взятую из Энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона и помещенную мною в приложениях к монографии, или значительно переработать ее, т.к. в ней содержался ряд неточностей. Я решил данную статью снять.

Последний раз мы встретились с Иваном Антоновичем на «Славянских чтениях-3», которые традиционно проводит Славянский университет Республики Молдова. 22 октября 2004 г. мы участвовали в круглом столе историков. Иван Антонович выступил с докладом «Русское население Буковины в конце XIX – начале XX в.». Перед началом выступления он сделал оговорку: «Я расскажу только о части русского населения Буковины – липованах, староверах. О другом русском населении Буковины – руснаках расскажет Суляк Сергей Георгиевич».

В то время у меня уже созрел замысел создать международный исторический журнал "Русин", но я решил до выхода первого номера ничего не говорить об этом И.А. Анцупову. Я думал после выхода журнала встретиться с Иваном Антоновичем, показать ему первый номер, спросить его мнение о журнале и попросить войти в состав редколлегии. Позже П.М. Шорников сказал мне, что о нашем проекте он И.А. Анцупову рассказал, и у Ивана Антоновича идея встретила поддержку и он согласился стать членом нашей редколлегии.

Через несколько дней Ивана Антоновича не стало.

В нашей памяти И.А. Анцупов останется навсегда как принципиальный ученый, добрый и отзывчивый человек, всегда готовый прийти на помощь.

**СПИСОК
ОСНОВНЫХ РАБОТ И. А. АНЦУПОВА**

СБОРНИКИ ДОКУМЕНТОВ

1. История Молдавии. Документы и материалы. Т. 3, ч. 2. Положение крестьян и крестьянское движение в Бессарабии (1812 – 1861 годы) / Сост.: И.А. Анцупов, К.П. Крыжановская. – Кишинев. 1969.

МОНОГРАФИИ

Анцупов И.А. Государственная деревня Бессарабии в XIX веке (1812–1870 гг.). – Кишинев. 1966. – 262 с.

Анцупов И.А. Аграрные отношения на юге Бессарабии (1812–1870 гг.). – Кишинев. 1978. – 235 с.

Анцупов И. А. Сельскохозяйственный рынок Бессарабии в XIX в. – Кишинев. 1981. – 251 с.

Анцупов И.А. Крестьяне Левобережного Поднепровья в дореформенный период. – Кишинев. 1990. – 215 с.

Анцупов И.А. Русское население Бессарабии и Левобережного Поднепровья в конце XVIII – XIX в. (Социально-экономический очерк). – Кишинев. 1996. – 251 с.

Анцупов И.А. Казачество российское между Бугом и Дунаем. – Кишинев. 2000. – 287 с.

Анцупов И.А. Русские на Очаковской земле. Исторические очерки. – Кишинев. 2003. – 173 с.

ГЛАВЫ КОЛЛЕКТИВНЫХ ТРУДОВ

Ынсемнэтата историкэ а алипирий Басарабией ла Русия ын 1812 / И.А. Анцупов, А.И. Бабий, В.И. Жуков, Ю.Г. Иванов. – Кишинев. 1969. – 123 п.

Анул 1812 ын дестинеле попурулуй молдовенеск / И. Анцупов, А. Бабий, В. Жуков, Ю. Иванов. – Кишинев. 1972. – 196 п.

Исторические корни связей и дружбы украинского и молдавского народов / И.А. Анцупов, Е.Н. Дзюба, Н. В. Комаренко и др. – Киев, 1980.

Исторический акт 1812 года и его значение в судьбах молдавского народа / Редколлегия: И.А. Анцупов, Д. М. Драгнев, В.И. Жуков,

П.В. Советов. – Кишинев. 1982. – 232 с.

История Приднестровской Молдавской республики / И.А. Анцупов, Н.В. Бабилунга, В.Я. Гросул и др. – Тирасполь, 2000. – 592 с.

Тарутино: 190 лет (1814 – 2004) / И.А. Анцупов, А.С. Родичев, В.С. Кара, Н.Д. Глод. – Тарутино, 2004. – 18 с.

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

Анцупов И.А., Жуков В.И. Реформы в управлении Бессарабией с 1812 по 1828 гг. // Ученые записки КГУ: т. 26. – 1957. – С. 145–159.

Анцупов И. А. Народная колонизация Бессарабии в первой половине XIX века // Ученые записки КГУ: т. 35 (истор.). – 1958. – С. 3–29.

Анцупов И.А. О некоторых особенностях политики царского правительства в отношении государственных крестьян (1812 – 1869 гг.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1959. – М., 1961. – С. 228–242.

Анцупов И.А. Система управления государственными крестьянами Бессарабской области до реформы П. Д. Киселева (1812 – 1839 годы) // Труды Центрального государственного архива МССР. Т. 1. – Кишинев. 1962. – С. 137–148.

Анцупов И.А. Развитие торгового садоводства и виноградарства в селениях государственных крестьян и колонистов южных уездов Бессарабии в 30 – 60-х годах XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1961. – Рига, 1963. – С. 399–410.

Анцупов И.А. Земледельческий отход государственных крестьян Бессарабии (30 – 60 гг. XIX в.) // Изв. АН МССР. – 1964. – № 8. – С. 23–29.

Анцупов И.А. Система земледелия в южных уездах Бессарабии в первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964. – Кишинев. 1966. – С. 464–471.

Анцупов И.А. Борьба государственных крестьян Бессарабии за землю (1812 – 1870 годы) // Изв. АН МССР. Сер. общест. наук. – 1969. – № 2. – С. 3–18.

Анцупов И.А. Изменения в соотношении земледелия и животноводства на юге Бессарабии в дореформенный период // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965. – М., 1970. – С. 280–289.

Анцупов И.А. Промышленное предпринимательство в частновладельческих хозяйствах Бессарабии (70 – 90-е годы XIX в.) // Вопросы экономической истории Молдавии эпохи феодализма и капитализма. – Кишинев. 1972. – С. 168–205.

Анцупов И.А. Из истории иностранной колонизации в Бессарабии в XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1969. – Киев, 1979. – С. 126–131.

Анцупов И.А. Развитие сельскохозяйственной техники Бессарабии в XIX в. // Исторический акт 1812 года и его значение в судьбах молдавского народа. – Кишинев. 1982. – С. 37–59.

Анцупов И.А. Из переписки центральной и местной администрации по делу Тодора Тобултока // Проблемы источниковедения истории Молдавии периода феодализма и капитализма. – Кишинев. 1983. – С. 214–219.

Анцупов И.А. Славяне-переселенцы на территории Бессарабии и Левобережного Поднестровья в XIX в. // Славянские культуры в инонациональной среде. – Кишинев. 1995. – С. 87–94.

Анцупов И.А. Учитель // История и культура болгар и гагаузов Молдовы и Украины. (Сб. статей к 100-летию со дня рождения И.И. Мещерюка). – Кишинев. 1999. – С. 15–19.

Анцупов И.А. Цивилизационный подход: перспектива или тупик? // Мысль. – 2001. – № 1 (11). – С. 46–49.

Анцупов И.А. Переселенческое движение и устройство колонистов // История и культура гагаузов. – Кишинев. 2006. – С. 89–99.

Анцупов И.А. Буджак как природно-географическая среда // История и культура гагаузов. – Кишинев. 2006. – С. 127–133.

Анцупов И.А. Землепользование. Сельская община // История и культура гагаузов. – Кишинев. 2006. – С. 134–145.

Анцупов И.А. Крымская война. Отторжение Подунавья // История и культура гагаузов. – Кишинев. 2006. – С. 152–169.

Анцупов И.А. Имущественное и социальное расслоение // История и культура гагаузов. – Кишинев. 2006. – С. 170–184.

Анцупов И.А. Реформы 70-х годов // История и культура гагаузов. – Кишинев. 2006. – С. 185–191.

Составитель И. Грек

Ирина ИОНОВА

ТРУДЫ И.А. АНЦУПОВА КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Требования к научному стилю сформулированы в любом учебнике по функциональной стилистике: точность, логичность, последовательность изложения, объективный (неличный) характер представления информации, незэмоциональность (бесстрастность) выражения. Следовательно, и это очень важно подчеркнуть в связи с замыслом данной статьи, научный стиль не предполагает авторской индивидуализации речи.

В книге, примерами из которой мы будем оперировать (Русское население Левобережного Поднеэтровьѧ в конце XVIII-XIX вв. - Кишинев, 1996), есть безукоризненные, с точки зрения стиля, фрагменты, свидетельствующие, что автор прекрасно владел собственно техникой научного изложения.

«... политика царского правительства по отношению к беглым (с разных направлений) носила компромиссный характер: была явно репрессивна, но присущие ей по самой ее природе консервативные и реакционные тенденции в силу требований государственной необходимости (и внутреннего, и внешнеполитического порядка) сочетались с мероприятиями, благоприятными для крестьян». (Стр. 23)

«Устойчивое, продолжительное пребывание некрасовцев на Днестре служит конкретным проявлением их стремления к возвратной эмиграции». (Стр. 57)

Такие строки могли быть написаны любым историком: личная позиция, отношение к фактам здесь не просматриваются совершенно.

Естественно, что разные науки реализуют принципы научного стиля в разной степени. Например, математику легко быть не только точным, но и абсолютно бесстрастным; неслучайно здесь можно обойтись без словесных средств выражения, одними символами и формулами.

Объект исторического исследования, в конечном счете, - это судьбы людей. А живущие в Молдове потомки «объектов» научного рассмотрения историка И.А. Анцупова в 90-е годы прошлого века оказались в

сложной социально-политической ситуации. Поэтому книга, которая по жанру является, несомненно, научной монографией, «рассчитана, - как подчеркивается в аннотации, - на специалистов-историков, а также широкий круг читателей, интересующихся историческим прошлым русского населения». Тщательно документированная фактология книги (как и других трудов И.А. Анцупова) давала аргументы для научных дискуссий. Однако актуальные материалы монографии необходимо было донести именно до широкого круга читателей, то есть фактически всего населения республики - и тех, кто в «святой простоте» называл своих русских сограждан «мигрантами» и «оккупантами» (нейтральное слово «русскоязычный» употреблялось как ругательное), и до неосведомленных или дезинформированных инициаторов «клеймения», и до русских людей, тоже не всегда осведомленных, но униженных свалившейся на них несправедливостью. А «широкие круги», как известно, не обладают навыками чтения образцового научного текста. Лексика, необходимая для характеристики этнической ситуации в республике, черпалась не со страниц научных трудов, а из речей на митингах и средств массовой информации. Об этом пишет И.А. Анцупов во вводной части своей монографии, прибегая к несвойственному для него публицистическому стилю. Приведем этот фрагмент целиком.

«Нельзя пройти мимо современной политической журналистики. При острых спорах об историческом прошлом русского народонаселения в Республике Молдова обостренное внимание к проблеме миграции проявляют сторонники «переписывания истории». Миграция русских крестьян, рабочих, интеллигенции истолковывается ими как акты вторжения, оккупации земель чуждыми людьми. Прослеживается стремление таких публицистов перечеркнуть историческую память о тех отдаленных исторических событиях. Путем преднамеренного вольного обращения с историческими фактами выхолащивается история, доминирует крайне упрощенное представление об исторических процессах. На страницах газет и журналов с определенным уклоном оспариваются этнические и государственные границы, настойчиво нагнетается проблема «коренных жителей», беззастенчиво передергивается содержание документальных источников или публикуются надуманные факты, не поддающиеся проверке.

В наше напряженное время изучение миграционных процессов является сугубо актуальной задачей ученых. Нужны достаточно надежные, объективные источники, доскональное знание фактов, историческое обоснование, научный подход и анализ исторических событий прошлого, «чистые руки» исследователей. Нужна достоверная история». (Стр. 13)

Очевидно, что И.А. Анцупов прекрасно владеет публицистическим стилем. Владеет – но не пользуется им. Его книга – это монография с элементами популяризации, которые и делают научный текст не только доступным, но и занимательным для «широкого читателя».

У книги есть «герой» (русское население) со своим характером, у книги есть «сюжет» (судьба этого населения). Отдельные эпизоды в этой судьбе выписаны прямо таки художественно. Например, Иван Антонович пишет, что в Очаковской области «первоначальные обитатели - крестьяне - умирали не от старости. Исключение составляли некоторые поднепровские села, принадлежавшие непосредственно крымскому хану. Проходили годы, и новые поселенцы оседали среди могил и развалин». (Стр. 44)

Такие художественные вкрапления не воспринимаются как стилистически чуждые, стилеразрушающие. Выразительные средства художественного стиля органично сочетаются с общекнижными и научными, создавая авторский, анцуповский стиль. Еще характерный пример: «Известную роль в возникновении волн бегства играл побочный фактор - слухи. Во-первых, в них фигурировала «райская земля», придуманный мир, о котором «очевидцы» отзывались с возвышенной похвалой. Во-вторых, по их рассказам, в тех привлекательных местах царили благополучие, довольство, свобода. Это очень впечатляло, будило преувеличенные надежды на реальное обретение этих мест в самом скором времени; надо только успеть». (Стр. 14)

Читатель монографии погружается в атмосферу описываемых событий благодаря местным словам - экзотизмам, а также историзмам, профессионализмам, которые автор при необходимости объясняет:

«Помещицы и монастырские имения пользовались трудом царан, т.е. лично свободных крестьян...». (Стр. 9);

«Став *райлянами*, т.е. жителями турецких крепостных округов (райя), беглые чувствовали себя здесь свободными...». (Стр. 16)

Очевидно, что точность изложения без этих слов не пострадала бы. Сравните: «став жителями турецких крепостных округов, беглые чувствовали себя свободными». Однако они передают колорит места и времени, кроме того, расширяют кругозор читателя, и не только исторический, но и общекультурный. При слове «бурлаки» любой читатель мгновенно вспомнит картину Репина (по иллюстрации в школьном учебнике). После чтения монографии будет знать: «бурлаки» - это совершеннолетние несемейные одиночки.

Историзмы и профессионализмы, встреченные И.А. Анцуповым в документах, не всегда требуют объяснения, но они так колоритны, так образны, что ученый, похоже, просто не может отказать себе в удовольствии употребить их. Оказывается, огородников, выращивавших

чеснок, называли «чеснокарями». В селе Плоскове выращивали «грызовой» сорт подсолнечника - «на семечки» (добывать из него масло еще не научились). На взморье у Днестровского лимана вылавливали скумбрию («баламута»), отчего и заводы по переработке рыбы назывались «баламутными»). (Стр. 196)

Такие утраченные языком слова интересны для лингвиста и в семантическом, и в словообразовательном отношении, они будут украшением, изюминкой иллюстративного материала на лекциях или практических занятиях по лингвистическим дисциплинам.

Используя «забытые слова», И.А. Анцупов словно напоминает о богатстве русского языка, его наименовательных возможностях. От преследования бывшими помещиками и местной полицией оседлых беглых крестьян защищал брак с местной «жителькой». Предположим, что это украинизм: в современном украинском есть такое слово. Возможно, это намек на межнациональные браки, в значительной степени определяющие этническую специфику страны. А лингвист непременно заметит, что «жителька» - родовой коррелят к «житель», созданный по более древней и более продуктивной словообразовательной модели, чем слово современного русского языка («жительница»); сравним без учета семантических расхождений: «солдат» - «солдатка», «москвич» - «москвичка» и т.п.

Иногда создается впечатление, что автор отказывается от современных слов, предпочитая им архаические, от заимствованных - в пользу исконных. «Мелким крестьянским хозяйствам, - пишет И.А. Анцупов, - сподручнее были овцы простых, *многопользовательных* пород». (Стр. 109) Человек, менее чуткий к родному языку, написал бы «многоцелевых пород» или даже «полифункциональных». Употребленное же Иванов Антоновичем сложное прилагательное (вероятно, канцеляризм того времени) не только информативно, но и колоритно.

Вообще для И.А. Анцупова характерно стремление приблизить прошедшие времена к современному читателю, оживить и одушевить их, показать через слово реалии минувшего. Например, о рыбопромышленниках Вилково он пишет: «Термин «контора» вызывает ассоциацию со скоплением как бы прикованных к конторским столам чиновников. Все было наоборот: в этих очагах предпринимательства действовали энергичные деловые люди, а не столоначальники, писари и копиисты». (Стр. 193)

Особенностью авторской И.А. Анцупова можно считать употребление экспрессивных определений - эпитетов.

«Тяга к воле влекла в отдаленные уголки страны... Эта масса людей была очень подвижной, с *настойчивой* волей к жизни». (Стр. 14)

«Они (липоване - И.И.) пошли по скорбному пути, заплатив дорожную цену за свое конфессиональное своеобразие, много пережив на своем веку». (Стр. 37)

Такие определения воздействуют на эмоции читателя, заставляют его сопереживать «объекту научного исследования», как сопереживает ему автор. Нередко встречаются сдвоенные определения, которые и уточняют информацию, и усиливают экспрессию.

«... сюда *традиционными нелегкими* путями пробирались крестьяне и ремесленники-горожане из отдаленных мест». (Стр. 17)

«... русские крестьяне сталкивались с *сильной настойчивой* конкуренцией бывших немецких колонистов...» (Стр. 50)

Следует отметить, что для определения используются слова книжные, интеллектуальные, которые позволяют очень точно – и поэтому кратко - охарактеризовать понятие.

«В этой *тупиковой, архаической* суеверности бесследно исчезали талантливые люди...» (Стр. 36)

«Первопоселенцы... обзаводились хозяйством и начинали *прозаическую* жизнь в неведомом краю». (Стр. 41)

«... устройство переселенцев... проходило в условиях *символической* помощи государства». (Стр. 52)

«К этому надо прибавить политику *назойливого* «попечительства» Министерства государственных имуществ...» (Стр. 81)

В отношении И.А. Анцупова к функционально-стилевым ресурсам языка отчетливо прослеживается показательная закономерность. Говоря о судьбах народа, трудностях, которые приходилось преодолевать простым людям, о тяжелых условиях их жизни, он пользуется книжными, нередко даже высокими словами и оборотами речи. Ср. примеры, приведенные выше, и следующие.

«Во второй половине XVIII в. старообрядцы впадают в отчаяние... *стоически* переносили они тяжелые удары, преследования». (Стр. 27)

«Некрасовцы действовали размашисто, отличались на *ратном поле* в 1707-1708 гг.».

Говоря о неудачных действиях власти в отношении переселенцев, И.А. Анцупов как-то очень свободно и органично использует разговорную оценочную лексику.

«... организационные *накладки* в этих делах сохранились до конца 80-х гг.».

О крестьянских реформах в Румынии: «Но куда можно было перебраться? Опять власти действовали *невпопад*». (Стр. 52)

«Эту «перекачку» населения наиболее планомерно и настойчиво правительственные круги проводили в 80-х гг. XIX в.» (Стр. 54)

«Напомним, что ссуда русским и украинским государственным крестьянам на все потребности была определена в размере 23,5 руб. серебром на семью. Вот какие *перекосы* допускало царское правительство в денежном обеспечении иностранных и отечественных переселенцев».

«... рыбный промысел велся по принципу *«больше взять»*. (Стр. 163)

Особую экспрессию придают тексту фразеологизмы, иногда несколько трансформированные автором.

«... почти все жизненно важное для крестьян переселенческое дело было *пущено на самотек*». (Стр. 52)

«... особенно трудно было *«маленьким и стареньким»*. (Стр. 41)

«Русские люди столкнулись здесь со страшным бичом животноводства - эпизоотиями в таких масштабах, что можно *со счета сбиться*, определяя количество этих бедствий». (Стр. 42)

«... на дорогах черноземной полосы становилась такая распутица, что *«ни проехать, ни пройти»*». (Стр. 40)

В последних примерах стоит обратить внимание на следующее. Видимо, понимая иностилевой характер разговорных и образных средств языка, Иван Антонович иногда употребляет их в кавычках, словно несколько стесняясь своей эмоциональности.

Кавычки – знак коварный; многие авторы пользуются ими немотивированно. Однако вчитаемся в приведенные выше фрагменты. Очевидно, что у И.А. Анцупова «опасный знак» снимает стилевой диссонанс.

В целом же анализ текста монографии позволяет утверждать, что соединение в нем средств различных функциональных стилей - от строгих узкоспециальных терминов до экспрессивных разговорных единиц речи - не является стилеразрушающим, все это сочетается органично и выражает индивидуальность автора – как личности и ученого историка.

Здесь уместным будет отметить, что для популяризации научного изложения И.А. Анцупов не пользуется такими собственно писательскими приемами, как, например, метафора или художественное сравнение. Все-таки научный стиль - объективный и бесстрастный - не любит метафор. Не любит их и Иван Антонович. Его принцип - употребить слово стилистически окрашенное, равнодушно, но точно обозначающее понятие. Впрочем, несколько метафор в книге встречается. Похоже, Ивану Антоновичу нравился глагол «отпочковаться» в переносном (общезыковом) значении «выделиться из чего-либо целого». Он пишет, что от села Плоское *отпочковался* хутор Скиток, что группа селян *отпочковалась* от общины. О нелюбви к метафорам говорит, пожалуй, одна неправильность. Говоря о массовом переселе-

нии людей, И.А. Анцупов часто использует весьма подходящую для ситуации общезыковую метафору «волна» (а также связанные с ней: *прилив, отлив* населения). Однако эти слова для автора, видимо, не имеют образного смысла, и он пишет так: «*Вспышка новой волны бегства...*» (Стр. 23)

Очерк авторского стиля И.А. Анцупова будет неполным, если не обратить внимание на его синтаксис.

Неравнодушие к «объекту исследования» иногда выражается с помощью непрямого порядка слов в предложении: «К этому времени не осталось в Буджаке целины». (Стр. 108) Иногда автор сопровождает информацию сочувственным вопросом, словно предлагая читателю поставить себя на место того поселенца, возможно, предка: «... лишь некоторым удавалось привлечь к себе семьи. *Но как нелегально доставить жен, детей и родителей на большие расстояния, скажем, из Тамбовской, Орловской, Тульской и даже Костромской губерний?*» (Стр. 21).

Но, пожалуй, сугубо авторским, «анцуповским» способом нарушения беспристрастности научного изложения являются короткие эмоциональные резюме в виде предложений, словно оторванных от основного синтаксического каркаса.

«Исторический период, в который происходил ввод в хозяйственный оборот целинных земель, был сложным и изменчивым, что требовало от переселенцев не только большого напряжения сил, но и нестигаемой воли. *А рассчитывать приходилось только на свои силы.*» (Стр. 9)

Отношение И.А. Анцупова к переселенцам XVIII-XIX вв. выражается не только косвенно, использованием представленных выше языковых средств, но и прямой оценкой того, что сделали эти люди, их вклада в развитие означенных в названии книги земель. «... это, - пишет И.А. Анцупов, - не что иное, как повседневный, будничныи, трудный и маловознагражденный подвиг русских, украинских, болгарских, гагаузских крестьян». (Стр. 86). И – на следующей странице: «... некрикливый, будничныи подвиг людей земли еще ждет своих историков».

Это как раз один из тех нечастых случаев, когда ученый позволяет себе стать публицистом и открыто заявить о собственной гражданской позиции.

У Иосифа Бродского есть стихотворение с такими строками:

От всего человека вам остается часть
речи. Часть речи вообще. Часть речи.

«Часть речи», оставленная нам И.А. Анцуповым, - основательна, актуальна и внятна.

Михаил ГУБОГЛО

КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ПОЗНАНИИ ЭТНИЧЕСКОГО ФАКТОРА

1. В поисках общего языка в познании этнокультурных явлений

Продолжая многолетнее сотрудничество в изучении этнического фактора и этнических процессов, ученые постсоветского пространства не могут разговаривать, слушая друг друга вполуха или общаясь на таком двойном полуязычии, когда часть понятийно-терминологического вокабуляра осталась в прошлом, а другая, недавно народившаяся и пока еще не вышедшая из пеленок, не стала общим достоянием.

Между тем, задумываясь о состоянии методологии как общей теории, следует вместе с известными политологами и этносоциологами признать, что такой единой методологии нет ни на западе, ни в странах постсоветского пространства. В то время, как западные, позитивистски настроенные исследователи осознанно используют идеи из разных концептуальных систем, в российской и молдавской методологической базе доминирует бессознательное обращение к разным теориям от примордиализма до конструктивизма. После марксизма, переставшего служить доминирующей («руководящей») теорией, определить реальные методологические основы того или иного исследования, посвященного этногенетическим, этнокультурным и этнополитическим ситуациям и процессам, оказывается чрезвычайно затруднительным. Иными словами, рефлексия в отношении методологии, как отмечалось в политологическом дискурсе, встречается редко, а те или иные взгляды предьявляются читающей публике с некоей стыдливостью¹.

Нет сомнения в том, что, организовав масштабные по замыслу и актуальные по тематике «Чтения памяти И.А.Анцупова» как одного из выдающихся историков Молдавии, инициаторы научно-практической конференции, ориентированной на изучение этнокультурного многообразия Молдавии в истории и современности, имели в виду задачи по совершенствованию понятийно-терминологического аппарата в современных исследовательских практиках. Авторитет и опыт И.А.Анцупова как принципиального исследователя и честного мыслителя как нельзя лучше соответствовал этой цели.

2. Ответственность в понимании понятийно-терминологического аппарата

Нам, поколению, вступившему в сознательную жизнь и в общественно-производственную деятельность до распада Советского Союза и продолжающему ее сегодня, довелось быть свидетелем таких крутых перемен, которые сродни революциям и тектоническим сдвигам. На наших глазах меняется мир. Меняемся мы. Меняются наши представления о мире. И если раньше, в советские времена, мы были абсолютно уверены в том, что сознание лишь отражает реальность, сегодня мы убеждаемся в том, что сознание способно конструировать реальность. И пока все не успели привыкнуть к этой второй парадигме, подобно цунами навалившейся на Запад, мощная сила ее наката на глазах ослабевает. Тем не менее, перед нами по-прежнему остается задача классической логики и философии. Ее двойная суть состоит в адекватном понятийно-терминологическом отражении и конструировании реальности. Особое значение эта проблема сегодня приобретает для нынешней России. Наша страна находится в таком маргинальном состоянии, когда одни социально-экономические и политические структуры и культурные ценности ушли или уходят в прошлое, а другие, только народившиеся, еще не достигли устойчивости и зрелости. Такова, в частности, сфера этногосударственных и межэтнических отношений. Речь идет, с одной стороны, об отношениях между государством и народами, а с другой – между народами, точнее, между людьми, относящими себя к различным народам.

В понятийно-терминологическом отражении реальности в каждой из этих взаимосвязанных сфер сегодня обнаруживается немало проблем и пробелов. Сопоставительный анализ всей терминологической системы, употреблявшейся в советский и постсоветский период, требует специального исследования и особой монографии.

Советскую и постсоветскую совокупность понятий и терминов, касающихся этничности и этнической политики, вероятно, можно свести в 4 группы: сохранившуюся, употребляемую и в наши дни; исчезающую (малоупотребляемую) из общественно-политического дискурса; наполнившуюся вследствие переосмысления новым содержанием, что свидетельствует о заболеваемости и, следовательно, о непригодности, и, наконец, народившуюся вновь. К первой группе относятся такие, например, как языковая политика, двуязычие, этносмешанные браки, межэтнические отношения и др. Ко второй группе концепций, понятий и терминов относятся, например, такие, как «советский народ как новая историческая общность», «пролетарский интернационализм», «старший брат», «слияние наций», «окончательное решение

национального вопроса». Тихо, без шума, без митингов эти понятия уходят в небытие, остаются в прошлом. По крайней мере, их редко можно встретить на страницах новейших публикаций.

К третьей группе понятий и терминов, когда в старые меха разливается молодое вино, относятся такие понятия, как национальная политика, нация, национальные меньшинства, национально-культурная автономия и ряд других. Любой термин – явление консенсусное. В связи с этим возникла острая научная и общественная потребность обсудить их и договориться о том, какой смысл вкладывать в тот или иной маргинализированный термин.

К четвертой группе терминов относятся те, которых не было раньше, или же они случайно мелькали в историографии, или же употреблялись только в особых случаях. С этой точки зрения, к новой плеяде терминов можно относить такие, как «этническая мобилизация», «этнополитическая ситуация», «этногосударственные отношения», «Ассамблея народов России», съезды тех или иных народов России, «титовская нация», «статусная нация», «республикообразующий народ», «Общественный центр», «Народный конгресс» «Гагауз халкы», «Всемирный Конгресс гагаузов», «принудительный лингвизм» и т.д. и т.п.

3. Стартовые позиции в развитии интеллектуального пространства Молдовы в постсоветский период

Часть новейшей терминологии, особенно связанной с идентификацией, различными формами идентичности, проявляемой как на индивидуальном, так и на групповом уровнях, с нарастающей скоростью заполняет страницы новейших публикаций в Республике Молдова. Однако знакомство с некоторыми из новейших публикаций, в том числе посвященных этнокультурному многообразию Молдавии, свидетельствует об отсутствии ответственности авторов в понимании и пояснении смысловой нагрузки употребляемых терминов.

Пережив оцепенение от перестроечных явлений, от развала Советского Союза, от возникшего идеологического вакуума, молдавское общество настроивается на восстановление своего интеллектуального потенциала, избавляясь попутно от недавних идеологически ангажированных штампов и выходя на орбиту передовых течений европейского гуманитарного знания. При этом историографическая «копилка» современной молдавистики и ассоциированных с ней тюркологических научных направлений пополняется на рубеже первого и второго постсоветских десятилетий в условиях независимости страны, трудами и молдавских, и диаспоральных авторов. Вряд ли кому-

либо придет в голову отрицать поистине непреходящий интерес научной и политической общественности к событиям в Республике Молдова с ее определившимся курсом на европейскую интеграцию. Разительные изменения, происходящие в мировой политике и в современных социально-экономических ситуациях и процессах, оказывают в Республике Молдова, как и в других странах постсоветского пространства, заметное влияние и на интеллектуальное пространство².

В сфере общественного мнения и в области исторического сознания³ постепенно восстанавливается социально-воспитательная функция и программатика исторической и этнологической науки, их мобилизующий мировоззренческий потенциал, познавательная и практическая значимость.

Заметный вклад в развитие этнологической науки внесли сборник статей «Этнографические исследования в Республике Молдова»⁴, ряд индивидуальных и коллективных монографий в области молдаванистики и тюркологии, посвященных, в частности, идентичности молдавского⁵ и гагаузского⁶ народов, истории Османской империи⁷.

Видное место в обновлении и расширении проблематики этнологических исследований занимает, в частности, и «Ежегодник Института межэтнических исследований», шесть томов которого уже увидели свет. Взрывчатый характер имеет в этом журнале нарастающий, хотя и запоздалый, по крайней мере, на три десятка лет, интерес к проблематике, связанной с индивидуальной и групповой этнической идентичностью⁸.

4. От этнической принадлежности к этнической идентичности

На протяжении последних более чем 30 лет испытывая непреходящий интерес к проблемам этнической идентификации⁹, а также множеству идентичностей¹⁰, основанный на понимании культурного многообразия, проявляющегося на личностном и групповом уровнях, я, понятно, с особым энтузиазмом знакомился с новейшими трудами молдавских коллег, посвященными этническому самосознанию и идентичности, проявляемой с различной интенсивностью в разнообразных сферах жизни.

Так, например, в основе разрабатываемой О.С. Лукьянец концепции «кризиса идентичностей», лежит теория отражения, согласно которой не сознание конструирует реальные процессы и ситуации, а, напротив, политические страсти, изменения в сфере экономики, трансформации в культуре отражаются в индивидуальном и массовом сознании. Солидаризируясь в принципе с этим подходом, можно, пожалуй, от себя добавить, что корректнее было бы скорее говорить, во-первых, о двустороннем процессе взаимодействия сознания с внеш-

ней средой, а, во-вторых, о многотрудном развитии, а не о кризисе идентичности. Подлинный кризис идентичности, видимо, имеет место там, где человек теряет свое «Я»¹¹ и проявляет равнодушие к своей идентичности.

Кризис идентичности скорее проявляется у авторов, пытающихся анализировать непростые схемы и модели перехода в условиях культурного многообразия от множественной идентичности к множеству идентичностей и взаимоотношениям, возникающим при смещении приоритетов у значительных групп населения от одних комплексов культурных ценностей к другим. Экстраполяция комплекса собственной неполноценности имеет место и сегодня в тех случаях, когда некоторые молодые авторы, не имеющие базового этнологического образования и опыта профессиональных исследований в области социальной психологии, защитив с грехом пополам кандидатскую диссертацию, без каких-либо оснований пытаются расчлнить народы на малочисленные и многочисленные и вписать первым в вину (? – М.Г.) «стремление продемонстрировать свою этническую специфику»¹².

Создается впечатление, что автору приведенной цитаты неизвестно, что представителям многочисленных народов не в меньшей, если не в большей мере свойственно гордиться своей историей, языком и культурой, научными и техническими достижениями, т.е. всем тем, в чем проявляется «этническая специфика» и что служит основанием для этнокультурной и гражданской гордости¹³, достаточно хоть раз увидеть горящие глаза у американских туристов, с сакральным вдохновением прикасающихся к корпусам космических кораблей на мысе Канавералл, чтобы никогда не сомневаться в наличии «этнической спецификации» даже у такой, прошу прощения, «безэтничной» нации, какой является современная американская нация.

Перенесение «кризиса в умах исследователей» на «кризис идентичности» с особой наглядностью проявляется в тех случаях, когда предпринимаются попытки изучать одну из множества идентичностей, ассоциированных с той или иной социальной ролью или социальной позицией человека, без соотнесения ее с проявлениями других идентичностей.

5. О чем речь? О религиозной (ли?) идентичности?

Собрав из литературных источников немало сведений о «недостаточной степени религиозности крестьян» в среде гагаузского населения, сообщив, что «не только гагаузы, но и болгары почти не владели знаниями по истории религии», согласившись с сообщениями о том, что гагаузы как «народ коснел в религиозном невежестве», поверив

материалам архивных дел в том, что «многие из прихожан не знали необходимых молитв», Е. Квилинкова сделала в целом справедливый с источниковедческой точки зрения вывод о том, «что слабое посещение церквей, незнание необходимых молитв и др. можно классифицировать (*вероятно, автор хотела сказать «квалифицировать» – М.Г.*) как проявление некоторой религиозной индифферентности у гагаузов»¹⁴.

Однако, завершая обзор собранных свидетельств о «проявлении некоторой религиозной индифферентности» гагаузов, Е. Квилинкова неожиданно делает вывод, прямо противоположный вышеприведенному. «Приведенные нами материалы, - пишет она в той же статье, - а также имеющиеся в научной и религиозной литературе данные свидетельствуют о высокой степени религиозности гагаузов в исследуемый период и их глубокой приверженности христианству»¹⁵. Все становится на свое место: «Исследователь видит лишь то, чего она хочет видеть». Этот головоломный, с логической точки зрения, кульбит пондобился адепту «высокой степени религиозности гагаузов» для того, чтобы свести концы с концами в противоречивых сообщениях источников, сообщающих, с одной стороны, о «фанатичной приверженности» гагаузов именно к православию, (а не к «христианству» вообще, как думает Е. Квилинкова), а, с другой стороны, - весьма убедительно повествующих об их относительно слабой религиозной приверженности. Действительно, слабая выраженность религиозной идентичности гагаузов, особенно в связи с едва ли не полной неосведомленностью с православной догматикой, с далеко не деликатным отношением к священникам и «фанатичной приверженностью», требует серьезно концептуального осмысления.

Сам по себе опыт собранных фактов, тем более порой противоречащих друг другу, - это еще не этнология. Перефразируя Ральфа Дарендорфа, можно сказать, что этнология, как и социология, «начинается лишь с объяснения этих фактов или хотя бы с удивления, стремящегося к объяснению»¹⁶. Строго говоря, в духовной жизни народа нет религиозной идентичности в чистом виде, как самостоятельного феномена, подобного этнической, гендерной, сословно-имущественной и ряду других идентичностей, основанных на вполне объективированных «материальных» критериях, а не на слепой, хотя и вдохновляющей, а порой и спасающей от внешних невзгод вере в Бога.

Знаменателен в контексте приведенной парадигмы тот факт, что выдающийся знаток религиозных воззрений у народов мира профессор МГУ С.А. Токарев свои лекции для студентов старших курсов и аспирантов кафедры этнографии исторического факультета МГУ публиковал несколькими изданиями в виде фундаментальной моногра-

фии, дав ей более чем красноречивое название «Религия в истории народов мира»¹⁷. При этом С.А. Токарев настаивал, как помнится, на том, что у религии нет своей самостоятельной истории, а есть только ее разнообразные проявления в истории народов мира. В гагаузской религиозной идентичности никакой «квадратуры круга» на самом деле не существует. Дело заключается, как видимо, и в ряде других подобных случаев, в том, что религиозная идентичность выступает не автономной категорией и поэтому не имеет самостоятельного значения, а входит составной частью в структуру этнической идентичности, дополняя, оплодотворяя и усиливая последнюю. Аналоги этому бинарному «взаимодействию» легко обнаруживаются в некоторых других «парах» взаимосвязанных идентичностей. Такова, в частности, манифестация своей этнической идентичности у значительного большинства людей с помощью «родного языка». В ходе переписей населения многих стран мира язык, названный человеком «родным» добровольно, по собственному волеизъявлению, отражает не социолингвистическую реальность, т.е. выступает не показателем того, кто, когда, с кем, на каком языке и как часто разговаривает, читает, пишет, слушает, а служит такой этнопсихологической категорией, с помощью которой отражается степень устойчивости или размытости этнического самосознания и этнической идентичности. При этом не факт, что родной язык в обязательном порядке отражает социолингвистическую характеристику языковой жизни и судьбы человека, в т.ч. его речевого поведения.

Следовательно, можно думать, что «фанатическая» приверженность, точнее сказать, «фанатическая манифестация» православия в ментальности гагаузов в качестве религиозной идентичности при слабом уровне владения народными массами православной догматикой и негативном отношении к священникам выражает не столько религиозную идентичность человека, сколько его этническую идентичность, служа последней дополнительной подпиткой и подпоркой в соответствующих ситуациях и исторических условиях. Достаточно было Е. Квилинковой, стремящейся во что бы то ни стало найти «болгарский след» в истории гагаузов с тем, чтобы умалить значение самобытности народа, полистать хотя бы страницы энциклопедии, чтобы убедиться, что в истории болгар также имели случаи укрепления и «дополнения» этнического самосознания с помощью манифестации своей религиозности. Так, например, в первой половине XIX в. «формой национального движения (*этнической мобилизации* – М.Г.) была развернувшаяся в 40-60-е гг. борьба за самостоятельную национальную церковь, приведшая к созданию болгарского экзархата (1870) и способствовавшая росту национального самосознания»¹⁸.

К предметной области религиозной идентичности относится начатое еще в конце 1960-х годов изучение культа волка у гагаузов¹⁹, продолженное позднее в трудах ряда авторов (В.И. Сырф, С.С. Булгар, П.А. Чеботарь и др.). Особую настойчивость в этом плане проявляет Е.Н. Квилинкова, пытающаяся умалить оригинальное значение этого культа у гагаузов за счет поиска сходных проявлений в представлениях болгар и других народов Балканского полуострова и народов Юго-Восточной Европы. Безусловно, сам факт взрывного обращения к этой увлекательной теме, предполагающей синтез этнокультурной и интеллектуальной истории, заслуживает положительной оценки, так как ориентирует исследовательскую мысль на выявление взаимосвязей между явлениями духовной сферы и явлениями социально-хозяйственного опыта, исторически сложившейся ментальности и общих процессов этногенетической истории гагаузского народа.

6. Кому принадлежит «культ волка»?

Анализ представлений о культе волка и связанных с ним «Волчьих праздниках» в некоторых публикациях²⁰ отличается избирательностью и тенденциозностью в их освещении, вызванном не с восстановлением памяти и некоторых явлений, а конструированием новой памяти с определенно заданной целью, и тогда тексты этнологического исследования выступают, как иронично заметил однажды Клод Леви-Стросс, «не просто историей чего-то, но историей для чего-то»²¹.

На фоне успешно набирающей обороты тюркологии в рамках и в качестве составной части современной молдавистики в Республике Молдова, и болгаристики в Болгарии особенно академически неуклюжими выглядят попытки создания полемически заостренных текстов, в которых вместо внимательного анализа доброкачественного материала приводятся необоснованные обвинения путем приписывания оппонентам того, чего они не писали. Обвинение в односторонности освещения культа волка у гагаузов и других тюркских народов, якобы проводимое без учета проявлений аналогичного культа у народов Балкано-Дунайского ареала, не имеет под собой оснований. Позволю себе привести только два высказывания из недавней публикации, чтобы читатель смог сам судить о представленной позиции и о «доброкачественном» прочтении Е. Квилинковой текстов, с авторами которых она пытается полемизировать. В качестве исходной концептуальной предпосылки в изучении культа волка у гагаузов мною берется тезис о том, что «односторонность и прямолинейность вывода о наличии кочевого прошлого у предков современных гагаузов с помощью описания ритуалики и ритуалов, связанных с культом волка, нуждается в корректи-

ровке, т.к. накопленный материал ... свидетельствует скорее об универсальности этого культа в евразийском пространстве... чем об его исключительности у гагаузов»²². В какой полемический экстаз надо было впасть, чтобы, прочитав приведенное утверждение, приписать их автору односторонность в подходе к анализу культа волка у гагаузов? Судить читателю!

Вплетая в ткань своих рассуждений случайные сведения о проявлениях «Волчьих праздников» у болгар, без экспертной оценки их репрезентативности, она не сомневается в том, что приводит убедительные аргументы против теории оригинальной этничности гагаузов и их самобытной культуры. «Вирус болгаризации» гагаузов и их культуры, усердно внедряемый в общественное сознание, не позволяет ей сосредоточиться на истории межэтнических отношений балканских народов²³, на протяжении многих веков имевших тесные контакты с тюркским миром и почерпнувших немало из идеологического резервуара их духовной культуры. Мне думается, что наличие совпадающих элементов в цикле «Волчьих праздников» объясняется не тем, что гагаузы – якобы бывшие болгары, а тем, что средневековые предки самих современных болгар и гагаузов черпали сходные элементы из одного и того же тюркского источника. Так, например, в создании Первого Болгарского государства (680-1018 гг.) значительную роль сыграли тюркоязычные протоболгары (булгары), которые под предводительством хана Аспаруха (сына Кубрата) перешли Дунай, разбили выступившую им навстречу византийскую армию и расселились в районах Северо-Восточной Болгарии, в пределах между Дунаем, Черным морем и Старой Планиной. В новосозданном славяно-болгарском государстве, в котором лидирующее положение занимали тюркоязычные предводители, начался процесс взаимной этнокультурной адаптации, затянувшейся не менее чем на 3 столетия. Из синтеза исчезнувшего местного населения, состоявшего из фракийцев, и пришлого, сначала славянского, а затем протоболгарского, формировалось ядро нынешнего болгарского народа²⁴. Тюркоязычные протоболгары привнесли на Балканы общие для тюркоязычных образований и групп культы волка, собаки, зайца, которые почитались у кочевников в качестве священных животных. К числу наиболее древних верований у протоболгар, как и у всех тюркоязычных народов, исследователи относят культ небесного быка – Огуз хана²⁵.

Важной составной частью верований тюркских этнических групп, проникавших в Северо-Восточную Болгарию в периоды Первого и Второго Болгарских (1187–1396 гг.)²⁶ царств, был культ волка. У одного из вождей протоболгар Кубрата, отца хана Аспаруха, было прозвище Курт (Волк)²⁷. Религиозные верования как часть идеологии тюркс-

ких этнических групп оказали заметное влияние на искусство, что, в частности, нашло свое отражение в изображении волка, лошади и грифона на различного рода амулетах и других художественных изделиях, ставших в XIX–XX вв. «добычей» археологов. К IX–X вв. – тюркский язык постепенно исчезал, но тюркское слово «булгар», означавшее на заре Первого Болгарского государства политоним, приобрело новую смысловую нагрузку, став этнонимом болгарского народа.

Вместе с падением Первого Болгарского царства в 1018 г., когда оно окончательно попало в зависимость от Византии, и далее, в годы Второго Болгарского царства (конец XII – XIV вв.), на Балканский полуостров неоднократно переселялись различные кочевые тюркоязычные народы – печенеги, узы (торки), куманы (половцы) из южнорусских степей, Бессарабии, из пределов Киевской Руси²⁸. И хотя в болгарской историографии признается политическое господство руководителей из рядов тюркоязычных народов, не отрицается их роль в освобождении Болгарии от византийского господства, нет сколько-нибудь обстоятельных исследований идеологического и этнокультурного влияния средневековых тюркских народов на формирование ментальности болгарского и других балканских народов. Было бы глупо, по словам выдающегося румынского востоковеда М.П. Губоглу, из совпадения количества спиц в заднем колесе болгарской и гагаузской телеги, как это предлагал известный болгарский этнограф Васил Маринов, делать вывод о том, что нет гагаузского народа, а есть болгары, принявшие турецкий язык. Соответственно, не вызывают доверия и выводы, основанные на стыке сходств элементов духовной культуры двух народов, о том, что вообще нет самостоятельной гагаузской культуры, а есть лишь сплошные заимствования. Если средневековые предки привнесли на Балканы культ волка, из этого не следует, что гагаузы заимствовали этот культ из представлений местного населения.

В случае с Е. Квилинковой мы имеем пример, когда исследовательница, озабоченная поисками «болгарскости» в системе гагаузской ментальности, становится пленницей своего жанра. В самом деле, как недавно отмечалось, «тема явного или скрытого присутствия антрополога в тексте – тема давняя и не ставшая от этой давности менее сложной. Понятно, что и выбор информантов, и выбор документов для комментариев, и характер аргументации, и стилистика изложения отражают вполне конкретные индивидуальные – авторские – предпочтения»²⁹.

7. В чем «вина» этнической мобилизации?

Вызывает недоумение неуместное для академического текста заливчатое ерничанье, граничащее с оскорблением, которое позволяет себе

Е. Квилинкова по поводу теории «этнической мобилизации»³⁰. Эта теория, получившая широкое признание, рождалась на материале 125 книг, изданных ЦИМО ИЭА РАН и состоящих из документов, материалов, этнических движений, из индивидуальных и коллективных монографий, изданных в 1990-2006 гг. по плану проекта «Национальные движения в СССР и в постсоветском пространстве».

Обвинительные стрелы в адрес «значительной части гагаузской интеллигенции», якобы гиперболизирующей этноспецифические элементы культа волка у гагаузов или акцентирующей внимание на кочевом прошлом их предков, – эти и другие попытки молодого исследователя, охваченного страстью «болгаризировать» ментальность и этнокультурные особенности гагаузского народа, видимо, являются следствием звездной болезни, наступившей после защиты кандидатской диссертации в головном этнологическом институте РАН. На самом же деле, защита описательной в своей основе диссертационной работы, как и других трудов Е. Квилинковой, прошла успешно благодаря, во-первых, значительной поддержке сверхлояльно настроенных сотрудников Института этнологии и антропологии РАН, во-вторых, благодаря снисходительному голосованию членов Ученого Совета к представительнице «малочисленного народа», в-третьих, благодаря тому, что после первого обсуждения в ЦИМО ИЭА РАН из текста диссертационной работы были предусмотрительно исключены явно несостоятельные попытки болгаризировать гагаузский народный календарь.

Начиная одну из своих многочисленных статей в жанре газетной публикации с пассажа о том, что «В истории немало примеров, когда представители обычно малочисленного этноса, охваченные, вероятно, процессом «этнической мобилизации» и «горения», стремятся «продемонстрировать»³¹ свою этническую специфику, Е. Квилинкова в свою очередь не замечает собственную охваченность «религиозной мобилизацией». «На средства представителей греческого духовенства, – рассказывает Е. Квилинкова, – специально для гагаузов Молдовы было распечатано множество карточек-открыток с изображением различных христианских святых, на обороте которых были приведены на гагаузском языке отрывки текстов из Псалтыря. Меня, – наивно признается она далее, – попросили помочь в распространении их среди местного населения и дарить информаторам, с которыми я буду общаться»³².

На исходе XX в. этническая мобилизация, давшая веку определение «века этничности»³³, дополнилась религиозным ренессансом, сыгравшем побочную партию в симфоническом оркестре, где главная партия все же представляла этническую мелодию. И в этом, и в другом случае «этнические и религиозные мобилизаторы» преследовали определенные цели, в том числе боролись за власть во имя защиты

интересов своего народа или в связи с реализацией идентичности и религиозных институтов. Сегодня, когда гагаузская государственность, конституированная в форме автономно-территориального образования, находится на марше в деле наполнения символов и институтов государственности реальными полномочиями и достижениями, мне доставляет истинную радость и гордость тот факт, что в статьях Е. Квилинковой и молдавских радикал-националистов я удостоен чести быть зачисленным в ряды этнических мобилизаторов гагаузского народа. «Автор статьи Влад Прискару, – свидетельствует, в частности, Ф.А. Ангели, написавший интересную и важную книгу об этнической мобилизации гагаузов на основе данных текущей периодики, материалов спецслужб и личных наблюдений, – обрушился на депутатов Парламента Ф.А. Ангели и С.С. Курогло, профессора М.Н. Губогло и старшего научного сотрудника Отдела гагаузоведения АН ССР М.В. Маруневич, навешивая на них ярлыки «главных подстрекателей гагаузского народа»³⁴ (подчеркнуто мной – М.Г.).

Видит Бог, в разгар этнической мобилизации гагаузов в ходе их борьбы за этнополитическое самоопределение я, будучи в командировке в США, на митингах не выступал, голодовку не объявлял, агитационной деятельностью не занимался, никакие идеологические «реквизиты» мобилизации, типа «карточек с изображениями святых» или другой пропагандистской литературы, по гагаузским селам не раздавал. Как работник Российской Академии наук, я занимался своим делом. Тем не менее... Незадолго до горбачевской перестройки, специализируясь в области этносоциологии, на материалах похозяйственных книг нескольких гагаузских сел я написал статью о социально-профессиональном составе гагаузских сел³⁵. Из приведенных в ней данных со всей очевидностью обнаруживались результаты этнической дискриминации гагаузов, выражающейся в том, что в 1970-е годы наиболее продвинутые этажи социальной структуры гагаузского населения (председатели и парторги колхозов, директора школ и винзаводов, главные специалисты сельского хозяйства – агрономы, зоотехники, инженеры и др.) в значительной мере были заняты лицами не-гагаузской этнической принадлежности. Трудно сказать, почему у Е. Квилинковой вызывает раздражение деятельность представителей творческой гагаузской интеллигенции, работавшей над созданием символики для идеологического обоснования при конструировании гагаузской государственности, и она с нескрываемым удовлетворением и злорадством рассказывает о неудачах с использованием в этой символике культа волка³⁶.

И, поскольку церковь в Республике Молдова, как и других демократических странах, отделена от государства, резонно возникает вопрос: на каком основании страницы академического издания, в которой

Е. Квилинкова выступает одновременно и автором, и редактором сборника статей, предоставлены для освещения ее деятельности с целью пропаганды и поддержки религиозной мобилизации? Разве в функции Академии наук Республики Молдова входит оказывать поддержку церкви и ее слушателям в деле формирования религиозных убеждений у граждан светской, демократической страны?

Религия учит толерантности, что в переводе на русский язык означает и терпимость, и терпеливость. В принципе, в этой деятельности ничего плохого нет. Однако опыт первого постсоветского десятилетия проникновения религии в светскую жизнь показывает, что пока нравственность граждан не крепчает, криминал не сокращается, уровень жизни не растет, численность населения не возрастает. В отличие от религии, являющейся лишь искаженным отражением реальности, наука, школа и вся система образования готовят молодое поколение к реальной жизни, учат ее учиться и работать. Поэтому сегодня приоритетами в социальной политике государства выступает не заигрывание с церковью и не политика в строительстве храмов, мечетей и синагог, а ощутимая помощь науке, школе и всей системе образования, в том числе в оснащении ее новейшим оборудованием и высококвалифицированными кадрами. Чувство гражданской лояльности, межэтнической солидарности, державнического патриотизма воспитывает не церковь, а школа. И долг государства, в целях самосохранения, поддерживать не сферу религии, а сферу образования и науки.

Терминологические небрежности и неточности ведут к серьезному, порой крайне однобокому освещению национальных историй, национальной политики, исторической оценки отдельных лиц, событий, фактов. Так, например, в опубликованном накануне 2001 учебного года учебнике «История Узбекистана», написанном узбекскими историком Ж. Рахимовым на 316 страницах, термины «русские колонизаторы», «русские шпионы», «русские захватчики» употребляются 292 раза³⁷. Не соответствующими действительности являются термины «советские колонизаторы», «колониальная политика России вплоть до 1991 года». В протесте, направленном послом России в Узбекистане Д.Б. Рюриковым на имя министра образования Республики Узбекистан Р.Х. Джураева, выражено сожаление о том, что подобное терминологическое «хозяйство» не соответствует задачам формирования стратегического партнерства, развития взаимовыгодного сотрудничества, а скорее служит формированию русофобии среди узбекских учащихся и комплекса вины у русских учеников, что ведет в конечном счете если не к разжиганию межнациональных противоречий и конфликтов³⁸, то и, по крайней мере, к истощению толерантности и доверительности как составной части социального капитала.

8. Существует ли история без исторической памяти?

«Историческая память, – как свидетельствуют российские специалисты, профессионально работающие в сфере гуманитарного и антропологического знания, – мобилизуется и актуализируется в сложные периоды жизни общества или какой-либо социальной группы, когда перед ними встают новые трудные задачи или создается реальная угроза самому их существованию. Такие ситуации неоднократно возникали в истории каждой страны, этнической и социальной группы»³⁹.

Именно такой период переживали гагаузы в прошлом столетии, на рубеже 1980-1990-х годов, в том числе в период «горения», когда на Учредительном и Чрезвычайном съездах гагаузского народа определялись стратегия и тактика борьбы гагаузского народа за этнополитическое самоутверждение. Для рационально и эмоционально мыслящего человека нет сомнения в том, что сакральность этого периода в истории гагаузов со временем будет возрастать. И если Е. Квилинкова не испытывает уважения и благодарности к тем лидерам этнической мобилизации, которые, рискуя карьерой и жизнью, взяли на себя ответственность в борьбе за автономию, то это ее личное дело, но из этого вовсе не вытекает право на глумление над программатикой и символикой этнической мобилизации. Люди с разрушенным миром символов лишаются исторической памяти, теряют ясность представлений о своем месте в этом мире, утрачивают психологическую защиту против манипуляторов, посягающих на святыни народа⁴⁰. Иными словами, этнолог, как и историк, «способен также часто выступать мотильщиком наших исторических воспоминаний, как и восстановителем их»⁴¹.

Возникает вопрос: какой смысл мешать творческой интеллигенции гагаузского народа оберегать «историческую память» своего народа и принимать активное участие в этнической мобилизации под лозунгами и символами исторической памяти? Безответственное отношение к понятийно-терминологическому аппарату и неадекватное использование источников может служить не этнической мобилизации, самоутверждению, а уничтожению или искаженному представлению о своем менталитете, лишенном якобы самостоятельности и самобытности. Вызывает недоумение исследовательская манера автора, имеющего степень «доктора истории» и считающего себя «специалистом в области этнографии гагаузов». «Высказанный нами вывод о двойной самоидентификации гагаузов», – пишет Е. Квилинкова, переименовывающая, таким образом, свою гипотезу в свой вывод, т.е. ставя телегу впе-

реди лошади, и тут же выдвигает задачу о необходимости «рассмотрения некоторых моментов, связанных с вопросом их самоидентификации в современный период»⁴². Если называть вещи своими именами, перед нами такая методика написания научной работы, когда сначала задается вывод, а затем подбираются и подгоняются материалы с целью его доказательства, подобно тому, как нерадивые ученики по арифметике, обнаружив правильный ответ в конце учебника, затем подгоняют решение задачи.

Между тем, в историческом исследовании все обстоит ровным счетом наоборот. «Вывод» о двойной самоидентификации гагаузов, видимо, имеет свою логику. Цель состоит в том, чтобы лишний раз в угоду предвзятой («закадровой») позиции неперменной «болгаризации» этничности гагаузов лишить еще одним способом неотъемлемое право народа на самостоятельную этнопсихологическую идентификацию. В который раз не мытьем, так катанием протискивается излюбленная мысль о самодовлеющем болгарском компоненте в этнокультурной составляющей гагаузского народа. «По свидетельству полевых записей автора, – пишет Е. Квилинкова, – гагаузы Болгарии официально идентифицируют себя, главным образом, с болгарями». Если восстановить исходный смысл этого понятия, в ее толковании получается, что гагаузы Болгарии – суть болгары. Однако это противоречит сделанному выше, в первом же абзаце статьи своему же «выводу» о характерной для гагаузов «двойной самоидентификации». На самом деле, гагаузы Болгарии как граждане этой страны имеют полное право именовать себя болгарями по своей правовой (гражданской) принадлежности к Болгарскому государству, подобно тому, как татары и все остальные народы Российской Федерации вправе именовать себя россиянами, т.е. гражданами Российского государства.

Точно также гагаузы как граждане Республики Молдова могут именовать себя, например, не молдаванами, а молдовеянами или молдаванцами. Но это уже не этническая и не «двойная», а обычная гражданская идентичность. Во всем мире ею обладают подданные любого государства, а двойное гражданство – редкое исключение с неустоявшимися, с юридической точки зрения, правами и обязанностями. Следовательно, речь идет не о «двойной самоидентификации», о двух разных идентификациях. И в этом случае, пожалуй, не было бы большой беды, за исключением, разумеется, концептуальной неряшливости, допущенной при обсуждении разграничения этнической идентичности от гражданской.

Слово, особенно если оно наполнено закадровым смыслом, обладает магической силой. Поэтому придание бинарного характера этнической идентичности гагаузов несет в себе угрозу не извне, а изнутри.

Начиная свою статью не с постановки задач, как принято в научном исследовании, а с предвзятого «вывода» о «двойной самоидентификации», Е. Квилинкова не ставит перед собой задачи выявить смысл и содержание удвоения. Она, похоже, манипулируя словом, преследует цель представить гагаузов если не болгарами, то, по крайней мере, и гагаузами, и болгарами, т.е. этническими маргиналами. Означает ли новое понятие «двойную полуидентификацию», или речь идет о многочисленных комбинациях материализованных элементов из гагаузской и болгарской ментальности, создающих суммарно субъективную этнопсихологическую равнодействующую? Возможно, что подобно заслужившему в социолингвистике отрицательную характеристику «двойному полуязычию», когда человек подзабыл свой первый язык и не овладел в достойной степени вторым языком, в случае с «двойной самоидентификацией» гагаузов мы имеем некоторое переходное состояние, несущее в себе прогноз окончательного растворения этноминоритарной группы в составе мажоритарной этнической общности. Опрошенные Е. Квилинковой информаторы (*где, когда, сколько человек, кто они по полу, возрасту, занятиям, по какой методике? – М.Г.*) «идентифицировали себя следующим образом: «мы гагаузы, но мы также и болгары», или «мы болгары, но одновременно мы и гагаузы»⁴³. Как согласиться с подобным раздвоением или с логикой этнической идентичности на примере нескольких опрошенных человек, даже если они не бомжи⁴⁴, а тривиально маргиналы, чтобы не сломать при этом позвоночник гагаузской самобытности, т.е. этничности?

Неутомимые поиски сходств в менталитете и в исторической памяти различных народов, например, гагаузов и болгар, безусловно, важны и нужны. Однако, каждый найденный факт или явление ментальной жизни нуждается в тщательной экспертизе и в надежной «прописке» в социально-культурную ткань и в темпоральный контекст. В противном случае «обнаруженные» сходства могут «работать» не на сближение и взаимопонимание народов путем раскрытия общих цивилизованных критериев, а, напротив, на разъединение путем «вытеснения» или «подавления» памяти, а, следовательно, наносить психологический урон групповой этнической идентичности одних за счет других. Такое случается, когда с помощью произвольно подобранных фактов создаются маргинальные тексты о маргинальной идентичности, конечным результатом которых может выступать демифологизация прошлого, или – «контрпамять» как искаженное настоящее, формируемое искаженным прошлым. Народ или этническая группа не могут существовать и не иметь представления о себе вне времени и вне пространства. Жизнь каждого из них, включая некоторое состоявшееся прошлое, реально существующее настоящее и ожидаемое буду-

щее, представляет «собственную индивидуальную» историю, развертывающуюся в динамичном контексте социально-культурной и этнопсихологической жизни.

Поясним свои мысли на конкретном материале. Со сведениями, почерпнутыми из источника, можно соглашаться или не соглашаться, можно по-своему их толковать и интерпретировать. Это – право автора. Но нельзя их искажать. Там, где искажение источника имеет место, места для науки не остается. Обратимся к опыту Е.Н. Квилинковой, освещающей религиозность и ментальность гагаузов со ссылкой на авторитетный текст В.А. Мошкова. «Если религиозный фактор является одним из способов обособления гагаузов от близких по языку турок, то сохранение некоторых особенностей в области традиционного быта и национальной одежды и неприятие всего нового (?! – М.Г.) – рассуждает Е.Н. Квилинкова со ссылкой на авторитет В.А. Мошкова, – позволяло гагаузам поддерживать свою этническую обособленность»⁴⁵. Если внимательно вдуматься в приведенный пассаж, то получается, во-первых, что гагаузы стремятся не к сохранению своей этнической самобытности (идентичности), а к сохранению «этнической обособленности». Даже если перед нами редакционная шероховатость, что могло бы быть вполне простительным для начинающего исследователя, приходится согласиться с тем, что «стремление к обособленности» не возвышает национальное самосознание и не украшает идентичность ни отдельной личности, ни этнической группы, ни тем более целого народа. Беда в том, что ни этот, произвольно или надуманно навешенный ярлык, ни другой, не менее оскорбительный, относительно «неприятия гагаузами всего нового» не подтверждается тем самым источником, на который ссылается Е.Н. Квилинкова.

Надо было умудриться, чтобы одним росчерком пера нанести оскорбление целому народу, обвинив его в инфантильности и неспособности к прогрессу, и бросить тень на текст выдающегося классика научного гагаузоведения⁴⁶. Между тем, на той странице мошковского текста, на которую отсылает читателя Е. Квилинкова, скорее в философском, чем в конкретно-антропологическом смысле, говорится о силе и тяжком гнете общественного мнения «в изолированных группах», когда «все вольнодумное, свободомыслящее и так или иначе не могущее выдержать над собой ига общественного мнения отпадает от таких групп ...»⁴⁷. Чуть ниже, заземляя свои философские обобщения, В.А. Мошков проясняет свою мысль и указывает на то, что «гагаузы были в Турции когда-то преследуемой и презираемой группой, а потому в течение многих веков такого положения выработали у себя сильное общественное мнение, которое они не успели еще утратить за 80 с небольшим лет, прожитых в Бессарабии. Если в оное время громы и

молнии гагаузского общественного мнения были направлены на сохранение их обособленности в среде турок и чистоты их православной веры, то теперь (на рубеже XIX–XX вв. – М.Г.) они не имеют другого объекта, кроме новшеств последнего времени»⁴⁸.

Из приведенного отрывка о могуществе общественного мнения в бытовой культуре гагаузов никоим образом не вытекает возможность для того, чтобы обвинить гагаузский народ в «неприятии всего нового». Зато со всей очевидностью проясняется негативная позиция Е.Н. Квилинковой по отношению к гагаузам, которым она посвящает свои публикации.

Вместо заключения

Благодаря совместным усилиям отечественных и зарубежных тюркологов, концепт гагаузскости имеет вполне убедительную консистенцию, синтезирующую кочевое прошлое и оседлое настоящее. Гагаузскость в современном ее виде формировалась благодаря более чем двухвековому адаптационному процессу народа на Буджакской земле и в цивилизационном пространстве евразийства. Имеет ли смысл стремиться к психотерапевтическому разрушению гагаузскости, вольно или невольно запутывая вопрос о религиозной идентичности и призывая к этому увлекательному, но отнюдь не достойному занятию массы неискушенных читателей? Нужна ли гагаузам еще одна психологическая контузия в дополнение к уже испытанным ранее коллективным травмам?

Следовательно, отдавая должное творческому наследию И.А. Анцупова, его безупречной аккуратности в использовании понятийно-терминологического аппарата, мы должны признавать, что совершенствование терминологии, связанной с этнокультурной проблематикой, наряду с синхронными и диахронными аспектами ее применения имеет важное геополитическое значение. Ее согласование, уточнение, обсуждение не только «между собой», но и с коллегами из соседних стран имеет исключительно важное значение. Здесь нужны двухсторонние и многосторонние встречи специалистов, которые могут достичь позитивных итогов только на основе взаимного уважения самобытности и национальных интересов тех стран и народов, которые в советские времена явно или скрытно подразделялись на «старших» и «младших» братьев.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. подробнее: *Шестопал Е.Б.* Мировая политология в российском контексте // Политическая наука: новые направления. М., 1999. С. 15.

2. История и память. Историческая культура Европы до начала Нового времени. М., 2006. С. 5.
3. *Савельева И.М., Полетаев А.Е.* Знание о прошлом: теория и история. В двух томах. Том 2. Образы прошлого. СПб., 2006.
4. Этнографические исследования в Республике Молдова (История и современность). Кишинев, 2006.
5. *Стати В.* История Молдовы. Кишинев, 2002; Его же: Штефан Великий – воевода Молдавии. Кишинев, 2004.
6. *Ангели Ф.* Гагаузская автономия. Люди и факты. (1989–2005 гг.). Кишинев, 2006; *Никогло Д.Е., Чимпоеш Л.С.* Элементы этнической идентификации в гагаузской поэзии (К постановке проблемы). Ежегодник Института межэтнических исследований. Т VI. Кишинев, 2006. С. 94-92.
7. *Посол Ф., Ангели А.* Страницы истории Османской Империи. Кишинев, 2002.
8. См., например: Ежегодник Института межэтнических исследований. Глав. ред. И.Г. Бодрут. Том VI. Кишинев, 2006. С. 84-104.
9. *Губогло М.Н.* Этническая принадлежность гагаузов // Советская этнография, 1967. №3; Его же: Элементы этнической идентификации. М., 1973.
10. *Губогло М.Н.* Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. М., 2003; См. также: *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004.
11. См. подробнее: *Лэнг Р.* Расколотое «Я». М., 1995.
12. *Квилинкова Е.* Цикл «Волчьих праздников» у гагаузов в сравнении с другими народами // Этнографические исследования в Республике Молдова. С. 364.
13. См., например: *Ципко А.* Россию пора доверить русским. Критика национального нигилизма российских либералов. М., 2003; *Кожин В.* О русском национальном сознании. М., 2004; Его же. Грех и святость русской истории. М., 2006.
14. *Квилинкова Е.* Религиозность гагаузов и формы проявления религиозной идентичности (по этнографическим и архивным материалам XIX – первой половины XX вв.) // Этнографические исследования в Республике Молдова. С. 350.
15. Там же. С. 357.
16. *Дрендорф Р.* Тропы из утопии. Работы по теории и истории социологии. Перевод с немецкого Б.Скуратова и В.Близнекова. М., 2002. С. 67.
17. *Токарев С.А.* Религия в истории народов мира. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. М., 1976.
18. БСЭ. Т. 3. 3-е издание. М., 1970. С. 479 (1425).
19. *Губогло М.Н.* Этнокультурные данные о кочевом прошлом гагаузов // Археология, этнография и искусствоведение Молдавии. Кишинев, 1968. С. 57-60.

20. См., например: *Квилинкова Е.* Цикл «Волчьих праздников» у гагаузов в сравнении с другими народами // Этнографические исследования в Республике Молдова. Кишинев, 2006. С. 364-404.

21. См. подробнее: *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М., 2001.

22. *Губогло М.Н.* Культ волка у гагаузов. Этнокультурные параллели в тюркском мире // Русский язык в тюрко-славянских этнокультурных взаимодействиях. Этнологические очерки. Москва, 2005. С. 408-409.

23. *Бибиков М.В.* Исторический опыт межэтнических отношений на евразийском пространстве.

24. «От исчезналите (прабългарски и тракийски) се запазили обаче известни следи, от които личи, че българската народност е образуват след сложен обединителен и асимилиционен процес при участието на разнородни етнически групи. См.: История на България. Том 2. Първа Българска държава. София, 1981. С.16.

25. «Общите за всички прабългари тотема – вълкът, кучето, заекът и др. Към старите тотемистични вяраване може да бъде отнесен и культът към небесния бик – Огуз хан, – почитан от всички тюркски народи». См.: История на България. С. 82.

26. История на България. Том 3. Втора Българска държава. София, 1982. С.479-481.

27. История на България. Том 2. С.69.

28. *Расовский Д.А.* Роль половцев в войнах Асений с Византийской и Латинской империей в 1186-1207 годах // Списание на Българската Академия на науките. Кн. 59. София, 1939. С. 202-211; См. также: *Мургулия М.П., Шушарин В.П.* Половцы, Грузия, Русь и Венгрия в XII–XIII веках. М., 1998.

29. *Ушакин С.А.* Пленники жанров: оптимистическая трагедия? // ЭО. 2006. № 5. С.35.

30. *Квилинкова Е.* Цикл «Волчьих праздников» у гагаузов в сравнении с другими народами // Этнографические исследования в Республике Молдова. С. 364.

31. Там же.

32. *Квилинкова Е.* Религиозность гагаузов и формы проявления религиозной идентичности // Этнографические исследования в Республике Молдова. С. 344.

33. См. подробнее: *Губогло М.* Может ли двуглавый орел летать с одним крылом? Размышления о законотворчестве в сфере этногосударственных отношений. М., 2002.

34. *Ангели Ф.* Гагаузская автономия. Люди и факты. (1989–2005 гг.). Кишинев, 2006. С. 29.

35. *Губогло М.Н.* Социально-культурное развитие гагаузов (Программа исследования и некоторые вопросы методики). Известия Академии наук МССР, Серия общественных наук. Кишинев, 1977. № 5.

36. *Квилинкова Е.* Цикл «волчьих праздников» у гагаузов в сравнении с другими народами. С. 364-365.
37. *Рахимов Ж.* История Узбекистана (вторая половина XIX века - начало XX века). Учебник для 9 класса. Ташкент, 2001.
38. Цит. по: История: проблемы объективности и реальности. (Материалы научной реальности). Ташкент, 2003. С. 4-7.
39. *Репина Л.П.* Память и историописание // История и память. Историческая культура Европы до начала Нового времени. Под. ред. Л.П.Репиной. М., 2006. С. 38.
40. *Кара-Мурза С.* Манипуляция сознанием. М., 2001. С. 524.
41. *Розениток-Хюсси О.* Артикулированные периоды и координированная память // Дискурс. 1997. №3-4. С. 59.
42. *Квилинкова Е.* Некоторые вопросы идентификации и идентичности гагаузов // Ежегодник ИМЭН. Т. VI. Кишинев, 2006. С. 99.
43. Там же. С. 99.
44. Аббревиатура **человек «без определенного места жительства».**
45. *Квилинкова Е.* Религиозность гагаузов и формы проявления религиозной идентичности ... С. 359.
46. *Курогло С.* Валентин Александрович Мошков и истоки гагаузоведческой науки // В.А.Мошков. Гагаузы Бендерского уезда (Этнографические очерки и материалы). Кишинев, 2004. С. 469-477; *Решетов А.М.* В.А. Мошков как ученый. Там же. С. 453-458. .
47. *Мошков В..А.* Гагаузы Бендерского уезда. Кишинев, 2004. С. 190.
48. Там же.

Единая РУСЬ

<http://www.edrus.org/>

Сайт создан в 1999 г. для противостояния ставшей официальной националистической версии истории на Украине. Содержит материалы по истории украинского раскола, создания искусственной "мовы" и гонений на общерусский язык, размышления о культуре и геополитике, аналитические статьи и архивные документы.

На сайте можно найти классику полемики с украинофилами (Н. Ульянов, Л. Волконский, князь Трубецкой и др.) и современных критиков украинской идеи (С. Сидоренко).

Роман РАБИНОВИЧ

К ВОПРОСУ О ПОЛИЭТНИЧНОСТИ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ МОЛДОВЕ

Сегодня в Республике Молдова, в отличие от совсем еще недавнего прошлого – первого десятилетия ее государственной независимости, высшее руководство страны обращает пристальное внимание на существующее этническое и культурное многообразие нашего региона и позиционирует его как важный положительный фактор современной истории Молдовы. Акценты делаются на полиэтничность страны как ее историческое достояние, доставшееся от прошлого, как источник культурного развития в перспективе и в перспективе же как ресурс для успешного экономического развития. Последнее видится сквозь призму развития туристической отрасли.

Безусловно, необходимо использовать как очень привлекательный ресурс полиэтничность и мультикультурность современной Молдовы. Но это не должно стать временной кампанией - в обществе надолго должно быть сформировано представление о том, что сегодняшняя ситуация в Молдове вовсе не уникальна для этого края. Даже более того, в его постоянной, прослеживаемой на протяжении всех зримых исторических эпох поликультурности и полиэтничности и состоит уникальность этого региона и его жизнеспособность.

Для демонстрации положения [полиэтничность – как неотъемлемая постоянная черта в развитии региона] хотелось бы совершить небольшой исторический экскурс и привести в качестве примера эпоху раннего средневековья в истории Молдовы. Например, период, хронологически ограниченный двумя великими нашествиями, затронувшими вместе с остальной Европой и наш регион, – гуннским [конец IV-V века] и монгольским [XIII век]. Но прежде необходимо оговорить несколько предварительных условий.

Во-первых, вероятная дискуссионность некоторых рассматриваемых положений, которую я, безусловно, сознаю. Но в такого жанра работах уровень приближения к той или иной проблеме не позволяет подойти к ее решению с той необходимой степенью глубины, которая возможна только при специальном рассмотрении отдельно взятой проблемы. Как говорил П. Флоренский, стремясь к широте, невольно становишься поверхностным.

Во-вторых, кажется совершенно очевидным, что полиэтничность и поликультурность в Карпато-Днестровских землях всегда являлись результатом взаимодействия окружающих активных в культурно- и этногенетическом планах культурно-исторических миров. Другими словами, подобная полиэтничность и поликультурность – продукт своеобразного географического расположения Молдовы в пограничье Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы. Теперь можно перейти непосредственно к изложению.

Культурно-историческая ситуация VI-VII вв.

Последняя четверть V в., время падения Западной Римской империи, как традиционная для историков дата начала эпохи европейского средневековья, вряд ли застала в Карпато-Днестровских землях хоть сколько-нибудь значительное оседлое население. Предлагающиеся ныне датировки Черняховской культуры это подтверждают. Сметенные гуннским нашествием готы и другие носители этой культуры в нашем регионе ушли за Дунай, и даже если находиться на позициях восточно-романского континуитета в территориальных границах между Прутом и Днестром, все равно неизбежным на сегодняшний день является вопрос о культурной и хронологической лакуне второй половины V в.

Первые данные письменных и археологических источников относительно оседлого населения в Карпато-Днестровских землях, на территории исторической Молдовы, касаются так называемых склавинов и антов применительно к VI в.

Согласно авторам VI в. Иордану и Прокопию Кесарийскому, территория современной Молдовы входила в этот период в область расселения обоих народов – и антов, и склавинов. Практически бесспорно с этими народами в историографии связываются две археологические культуры – Пеньковка и Корчак. Их памятники на территории современной Молдовы распространены достаточно равномерно и, что весьма важно, чересполосно, что свидетельствует о смешанном расселении их обеих в этом регионе. Мирный характер взаимоотношений и взаимное проникновение их культур также аргументируются археологическими данными.

В этническом плане склавины практически бесспорно в историографии интерпретируются как раннеисторические славяне. А вот вопрос о происхождении антов далек от разрешения, по крайней мере, значительная часть исследователей [М.И. Артамонов, И.П. Русанова, В.В. Седов, Р.А. Рабинович и др.] не признают славянское или чисто славянское происхождение антов. Аргументами являются и сам по себе

неславянский этноним «анты», и быстрое его исчезновение из употребления, и разнородность элементов принадлежащей антам Пеньковской культуры. О собирательности этнонима и этнической разнородности этой общности свидетельствуют и данные недавно опубликованных болгарских летописей. В последней антами называется смешанное население, состоящее из славян, болгаро-тюрков и ульчийцев - будущих уличей русской летописи [Бахши Иман 1993:24]. Итак, за антами, согласно данным письменных и вещественных источников и мнению исследователей, могут стоять не только славяне, но и иранское [сармато-аланское] население, тюрко-болгары, уличи, этническое происхождение которых само по себе представляет сложную научную проблему.

Однако мы пока говорили только об оседлом населении на территории Молдовы в указанный период. А ведь, по данным целой группы источников, здесь фиксируется и ряд кочевых народов. Известно, что во второй половине V века после смерти Аттилы и распада его «империи» часть гунно-болгарских орд откочевала в северо-причерноморские степи. С конца V, в VI-VII вв. южная часть Карпато-Днестровских земель, примыкающая к Дунаю, контролировалась различными протоболгарскими кочевыми народами и объединениями.

Происхождение протоболгар само по себе представляет остродискуссионную научную проблему, компонентами которой являются столь же дискуссионные вопросы о происхождении физического типа, языка, имен, титулатуры и правящих династий протоболгарских народов [Артамонов, 1962]. Среди народов, возможно, только мигрировавших через территорию Молдовы в указанный период, можно отметить таких, как сарагуры, уроги, савиры. А вот пребывание протоболгар-кутригуров в VI в., по крайней мере, в южной части Пруто-Днестровья можно считать практически доказанным благодаря многочисленным данным письменных источников, неоднократно отмечавших их походы за Дунай на территорию Империи. С кутригурами связано и краткосрочное пребывание с 558 по 568 год в Нижнем Поднестровье авар, которых кутригуры принимали у себя, перед тем, как авары перешли в Паннонию и вместе с лангобардами ее отвоевали у гепидов.

В VII в. свою власть во всем степном Северном Причерноморье усиливают болгары-оногуры. Это связано и с возникновением в 635 г. государственного объединения «Великая Болгария» во главе с вождем оногуров ханом Кубратом. Как известно, после смерти Кубрата «Великая Болгария» распалась на орды, возглавляемые его сыновьями. Под давлением усиливающего свое влияние в Северном Причерноморье Хазарского каганата орды четырех сыновей Кубрата изменили район локализации и мигрировали в разных направлениях.

Для Юго-Восточной Европы кардинальное значение имела миграция на запад орды оногуров во главе с Аспарухом. Перед овладением византийскими землями на Нижнедунайском правобережье [будущей Дунайской Болгарией] он обосновался в Нижнем Поднестровье в Онглосе-Буджаке, что подтверждается совокупными сведениями независимых друг от друга византийских и восточных источников. Среди последних особенно важно известие болгарской летописи Гази-Бараджа, освещающее этнический состав населения, подвластного Аспаруху в Онглосе: Аспарух, по мнению Гази-Бараджа, выступал здесь «в качестве бека своих болгар, местных ульчийцев [уличей] и улагцев [волохов] [Бахши Иман 1993: 22; Рабинович 2003: 294].

Имеет значение и тот момент, что после победы Аспаруха над императором Константином Погонатом и перемещением его за Дунай какая-то часть тюрко-болгарского населения осталась здесь же, что нашло отражение в очень представительных археологических материалах.

Таким образом, применительно ко времени VI-VIII веков мы можем говорить об очень разнообразном в этническом и культурном отношении населении на территории современной Молдовы.

Культурно-историческая ситуация VIII-X вв.

Этот период в истории Молдовы несколько слабее освещен в письменных источниках, особенно византийских, вследствие чего мы располагаем относительно меньшим количеством достоверных этнонимов и информацией этнодемографического характера. Однако этот недостаток вполне компенсируется информацией древнерусских и восточных письменных источников и данными археологии.

Рассмотрим сначала, как и в предшествующем случае, ситуацию с оседлым населением. В VIII - начале X вв. территорию современной Молдовы в основном занимали две археологические культуры – Лука-Райковецкая [в северной и центральной части Пруто-Днестровья] и Балкано-Дунайская в южной части междуречья.

Балкано-Дунайская культура, распространенная в основном в Северо-Восточной Болгарии и Добрудже, в нашем регионе связывается большинством исследователей с распространением власти Первого Болгарского царства в IX - первой трети X веков. Однако характер древностей в нашем регионе позволяет видеть в них не просто свидетельство распространения здесь административной власти, а непосредственное проживание значительного массива южнославянского населения – дунайских болгар.

Лука-Райковецкая культура была распространена на обширном пространстве от Карпат до Днестра и отождествляется абсолютным боль-

шинством исследователей с восточнославянскими племенами Восточной Европы. Этнонимы последних нам известны по сообщению древнейшей летописи «Повесть временных лет» [ПВЛ 1950]. Среди славянских народов, упоминаемых этим источником, для нас особенно важны уличи и тиверцы, так как именно их «Повесть временных лет» знает как население на территории современной Молдовы.

Применительно к Молдове часть исследователей [Г.Б. Федоров, Г.Ф. Чеботаренко, Н.П. Тельнов] отождествляют Лука-Райковецкую культуру с летописными тиверцами, другие [И.Г. Хынку, Р.А. Рабинович] – с уличами. Сторонники тиверской версии полагают, что на территории современной Молдовы проживали именно тиверцы, а уличи обитали уже за Днестром – в современных Черновицкой, Винницкой областях Украины. Мы же полагаем, что в молдавском Поднестровье проживали и тиверцы, и уличи, но с тиверцами связываем не древности Лука-Райковецкой культуры, а памятники культурной группы IX-XI вв. Екимауцы-Алчедар. В отличие от местных древностей Лука-Райковецкой культуры, имеющих типичный для Восточной Европы восточнославянский характер, памятники типа Екимауцы-Алчедар содержат полный набор не распространенных здесь раньше западнославянских культурных элементов [фортификация круглых городищ, домостроительство, погребальная обрядность, вещевой инвентарь, керамика и т.д.]. На этом основании мы можем вполне обоснованно предполагать миграцию в наш регион во второй половине IX в. значительной группы населения западнославянского происхождения [Рабинович. 1997; 2005]. Данная гипотеза не покажется надуманной, если обратить внимание на то, что в этот период на всей территории Восточной Европы ощущается мощный прилив западнославянского населения [Рабинович, Рябцева. 1997].

Мы сейчас умышленно не обращаем внимание на аргументированные суждения исследователей о предыстории появления уличей и тиверцев на страницах русских летописей и на неславянские элементы в контексте их этнического происхождения вообще и неславянского происхождения их этнонимов в частности. В период, когда их знает начальная русская летопись, они представлялись летописцам хоть и чужими, но все же, по всей видимости, народами славянского происхождения.

Итак, населяющих в IX-X вв. территорию Молдовы уличей и тиверцев можно на основании принадлежащих им археологических древностей разделить по этнокультурному признаку на восточных и западных славян. Если также учитывать присутствие в южной части региона выходцев из Дунайской Болгарии, можно констатировать наличие на территории современной Молдовы в указанный период славян-

ского населения, относящегося по происхождению и культуре ко всем трем ветвям славянства – восточной, западной и южной.

Однако не только со славянами связано происхождение оседлого населения на территории Молдовы в указанный период. В центральной части Пруто-Днестровского междуречья в X-XII вв. распространены очень своеобразные культурные группы, известные под названием древности типа Петруха-Лукашевка и типа Ханска. В культуре этих памятников присутствует наряду со славянским очень мощный инородный компонент, связанный происхождением с культурой Хазарского каганата – Салтово-Маяцкой археологической культурой. Носителями последней были хазары, тюрко-болгары и аланы. О том, что местные памятники в центральной зоне Молдовы отражают не просто влияние Салтово-Маяцкой культуры, а непосредственное переселение в наш регион их носителей, свидетельствуют данные антропологического исследования погребенных в могильниках Лимбарь и Кэпрэрие. М.В. Великанова уверенно говорит о том, что антропологический облик погребенных говорит о недавнем смешении славянского и тюрко-болгарского этнических компонентов. Последние она выводит именно с территории Хазарского каганата [Великанова 1983]. И опять же, как и в случае с западнославянским переселением, можно увидеть зримые следы переселения населения Хазарского каганата в VIII-X веках на более обширных территориях, расположенных, и к западу, и к востоку от современной Молдовы.

Для того чтобы обрисовать этническую палитру на территории Молдовы в рассматриваемый период, нужно обратить внимание не только на оседлое население, но и на кочевое.

По данным письменных и археологических источников известно, что во второй половине IX в. происходило так называемое «обретение Родины венграми». В конце 80-х - начале 90-х годов IX в. венгры, двигавшиеся с востока, с территории современной Башкирии, оказались в так называемой Этелькузе. Границы последней традиционно определяются на востоке по Днепру, а на западе по румынскому Сирету, однако, исходя из географической номенклатуры и особенностей исторической обстановки, нельзя не заметить, что территория Южной Молдовы в районе Нижнего Днестра и Нижнего Дуная, крупных рек, впадающих в Дунай и Черное море, как нельзя лучше отвечает этимологии названия Этелькуза – «место, где соединяются пять рек». О том, что венгры не просто контролировали, но и кочевали, непосредственно обитали или на территории Молдовы, или в непосредственной близости от нее, свидетельствуют данные о политической борьбе Киевско-Русского княжества с уличами и тиверцами. Эти племена оказались подчинены Киеву только после того, как венгры ушли в Паннонию.

Следом за венграми в конце IX в. в северо-причерноморских степях объявились и печенеги. Со временем печенеги вытеснили из Южной Молдовы дунайских болгар и образовали здесь, согласно данным византийских и германских письменных источников, одно из печенежских колен.

Таким образом, и применительно ко времени VIII-X вв. мы можем говорить об очень разнообразном в этническом и культурном отношении населении на территории современной Молдовы.

Культурно-историческая ситуация в предмонгольскую эпоху

О населении на территории Молдовы в предмонгольскую эпоху у нас значительно меньше данных, причем как письменных, так и археологических источников, чем в предшествующее время. Население этого региона в этот период в целом значительно менее многочисленно по сравнению с прошлым временем, но также демонстрирует значительное разнообразие и в этническом плане, и в плане распространения хозяйственно-культурных типов.

К сожалению, письменные источники практически не оставили нам указаний на названия конкретных этнонимов. Если говорить об оседлом или полуседлом населении, то мы располагаем только четырьмя терминами, напоминающими этнонимы: бродники, галицкие выгонцы, берладники и волохи. Только последнее название «волохи» мы можем бесспорно воспринимать как этноним, хотя при более глубоком обращении к проблеме может возникнуть и другой смысловой контекст – не чисто этнический, а хозяйственно-культурный [вспомним трактовку знаменитого выражения Анны Комниной – «кочевники, в просторечии именуемые волохами» [Анна Комнина 1965].

О волохах непосредственно на территории Молдовы в данный период указывают такие источники, как Никита Хониат и Грамота папы Григория 1234 года. При этом именно эти документы, равно как и другие источники по ранним волохам, не дают возможность однозначно судить ни об этническом происхождении волохов, ни об их языке и конфессиональной принадлежности [Рабинович 2000].

Кстати, именно три другие группы населения – бродников, берладников и галицких выгонцев некоторые ученые, в основном румынские, связывают с волошским восточнороманским населением. С другой стороны, большинство русских исследователей видит в них славянское по происхождению, вольное по социальному статусу население – предтечу будущего казачества [Тельнов, Степанов, Русев, Рабинович 2002]. С нашей точки зрения, например, можно теоретически допустить, что такая группа, как галицкие выгонцы, могла соотноситься

с волохами, но такое допущение никак не свидетельствует об обязательно восточнороманском происхождении самих галицких выгонцев или их языка. Но, предполагая в галицких выгонцах, бродниках и берладниках «дунайскую вольницу», неминуемо придется предположить и полиэтничный в целом характер этого населения, подобно тому, как это присутствовало в подунайских городах.

Трудно судить по тем сведениям, что мы располагаем, насколько глубока была оседлость или значительна мобильность указанных групп населения Молдовы того времени, но тот момент, что в регионе проживало хоть и редкое, но все же полностью оседлое население, подтверждают данные археологических исследований.

Что касается чисто кочевого населения региона, то к печенегам в XI-XII веках присоединились новые группы евразийских кочевников – торки, а затем и половцы. Все три группы кочевников оставили значительное количество погребальных памятников, но археологически данными подтверждено, что основным кочевым населением на территории Пруто-Днестровья в предмонгольское, а затем и в золотоордынское время было печенежско-торчское население. Возможно, в западной части региона – в Восточном Прикарпатье среди кочевого населения заметно большую роль играли половцы, ведь именно для них королевская власть Венгрии и папская курия основали так называемую Куманскую епископию. У нас нет бесспорных данных, насколько глубоким было смешивание кочевого населения с оседлым, или как далеко зашел процесс оседания кочевников на землю, но то обстоятельство, что кочевое тюркское население составляло важный компонент в этнической палитре раннесредневековой Молдовы, вряд ли оспоримо.

Выводы: Рассмотрение этнической и культурной ситуации в раннесредневековой Молдове показывает, что в эту эпоху этническая и культурная палитра населения чрезвычайно пестра и разнообразна. Если будет выглядеть корректным подобное сопоставление, то надо признать, что значительно более пестра и разнообразна, чем мы видим сегодня. Таким образом, с одной стороны, мы подтверждаем тезис о полиэтничности и поликультурности населения Молдовы как уникальном и постоянном факторе исторической жизни региона, с другой – следует вывод, касающийся чисто практической государственно-политической деятельности, - полиэтничность как генотипичный фактор нуждается сегодня не только в констатации и позиционировании, но и в государственной поддержке.

ЛИТЕРАТУРА

Артамонов М.И. 1962. История хазар. Л.

Бахши Иман 1993. Джагфар тарихы. Том I. Свод болгарских летописей 1680 год. Изложение текста «Джагфар тарихы» на русском языке, сделанное И. М.-К. Нигматуллиним в 1939 году. Оренбург.

Великанова М.С. 1983. Итоги и перспективы палеоантропологических исследований в Днестровско-Прутском междуречье // Славяно-молдавские связи и ранние этапы этнической истории молдаван. Кишинев. С. 20-31.

Комнина Анна 1965. Алексиада. Вступительная статья, перевод, комментарий Я.Н. Любарского. М.

ПВЛ 1950. Повесть временных лет, 1950. Ч. I, II. Подготовка текста, статьи и комментарии Д.С. Лихачева. М.-Л., Издательство АН СССР.

Рабинович Р. А. 1997. Карпато-Днестровские земли во второй половине IX – первой половине XIII в. Историко-археологическое исследование. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. СПб.

Рабинович Р.А. 2000. Искушение «волошским орехом», или Балканские волохи и русские волхвы // *Stratum Plus*, № 5. С. 262-390.

Рабинович Р.А. 2003. От ултинзуров к уличам, или Предыстория одного летописного племени // *Stratum Plus*, 2001-2002, № 5. С. 282-299.

Рабинович Р.А. 2005: О культурном и хронологическом соотношении Алчедарского и Брэнештского могильников. *Revista Arheologică S.N.* 1, Nr. 1, 2005, 120-132.

Рабинович Р.А., Рябцева С.С. 1997. Ювелирные украшения с зернью из Карпато-Поднестровья в контексте культурно-исторических процессов X-XI вв. В сб. «Stratum» + Петербургский археологический вестник [СПб. – Кишинев 1997], 236-245.

Тельнов Н.П., Степанов В.П., Руссев Н.Д., Рабинович Р.А. 2002. «...И разошлись славяне по земле...». Кишинев.

Сайт подкарпатского общества

имени Кирилла и Мефодия

<http://karpatorusyns.org>

Я русинь быль, есмь и буду... *А.Духнович*

Николай РУССЕВ

СЛАВЯНСКИЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ МОЛДАВИИ

Изучение роли славянского фактора в истории восточных романцев является «заботой» как политиков, так и политиканов уже не одно десятилетие. Однако это вовсе не способствовало достижению учеными консенсуса, который и теперь все еще не просматривается даже на горизонте. Между тем, источниковедческая база темы уже давно пребывает в состоянии стабилизации. Как ни странно, несовпадающие, а нередко и взаимоисключающие выводы возвышаются на первичных свидетельствах одного круга. К сожалению, приходится говорить о массовом стремлении увидеть прошлое в свете партийных установок сегодняшнего дня, несмотря на то, что в условиях захлеб декларируемой евроинтеграции они выглядят наследием «юрского периода». Его можно преодолеть только одним путем: систематически и строго научно излагая для широкой общественности свое понимание проблемы.

В полемике об участии славян в развитии восточнороманской общности сломано много копий. На одном полюсе – точка зрения, сводящая итоги расселения славян к грабежу коренных жителей. О воздействии на устройство общества говорится, что «славяне не могли оказать на местное население никакого влияния, ибо ... у них были только зачаточные формы социальной организации жизни» [ИРДМ 1992: 183]. Противоположное утверждение заключается в том, что тесные контакты славян с романизированными обитателями Подунавья в эпоху «Великого переселения народов» привели к появлению «волохов», у разных групп которых была своя судьба. Оказавшиеся в Карпато-Днестровских землях вторично испытали мощное воздействие теперь уже восточных славян и к XIV в. преобразовались в народность молдаван [Мохов 1978: 6-7 и др.]. Срединное положение занимает мнение, согласно которому неолатинские народы (итальянцы, испанцы, португальцы, французы) сложились в результате взаимодействия трех элементов – автохтонов, римлян и варваров-германцев. Подобным образом появились и румыны, предками которых являются не только фракийцы и римские колонисты, но также и вмешавшиеся в процесс этногенеза «славянские варвары» [Панаитеску 1992: 6-7; ИР 2001: 32].

Все эти построения выглядят упрощенными схемами, хотя бы потому, что давняя и богатая история славянства в Молдавии продолжается донныне. Со времени выхода славянских племен к дунайской границе Византийской империи в VI в. их этнокультурное присутствие приобрело в регионе непрерывный характер. Роль славян в течение последовавших пятнадцати веков многократно видоизменялась, но всегда оставалась здесь существенной. Моя задача - наметить основные причины жизнестойкости славянской составной социального развития Карпато-Днестровских земель в средние века.

Славянская общность уже в раннем средневековье охватывала огромные пространства от Прибалтики до Балкан. Поэтому, прежде всего, следует говорить об этнокультурном присутствии и его особенностях. Оно засвидетельствовано археологически и в Молдавии, заселение которой славянами было сложным и длительным с участием других народов [Рафалович 1972: 10-13 и др. Рис. 1; Тельнов, Степанов, Руссев, Рабинович 2002]. В первую очередь надо иметь в виду волохов и тюрков [см. Рабинович 2000: 372-382; Руссев 2005: 93-105]. Однако об особенностях трех взаимодействовавших этнических ареалов на юго-востоке средневековой Европы можно сказать: **Тюркская река впадала в Славянское море, в котором находились Волошские острова.**

Такого рода этническая ситуация складывалась еще до завоевания края монголами (см. доклад Р.А. Рабиновича). Арабские авторы отметили на рубеже XIII-XIV вв. в Восточном Прикарпатье «страну валахов и русских», которая соответствует понятиям «Россовлахия» и «Молдославия» из документов византийской церкви [Коновалова 1991: 73-75, 91-92; Гюзелев 1994: 215-216, 227, 231-235]. Действительно, на юго-западе современной Черновицкой области Украины с XIV в., а то и раньше существовала «этнически смешанная полоса поселений, где рядом со славянскими возникали и волошские села» [Тимошук 1969: 137-138, 143-181]. В молдавской летописи Григоре Уреке эта реальность объяснена тем, что старик-пасечник Ецко одновременно [условная дата 1359 г.] с Драгошем привел из «Земли Ляшской» своих соплеменников, и с тех пор «много русских» поселилось вверх по реке Сучава и по Сирету со стороны Ботошань [Уреке 1971: 65-66]. Русинский след прослеживается и в истории с переселением из-за Карпат воеводы Богдана [Руссев 2005: 97-98].

Есть основания полагать, что социальная структура раннефеодального молдавского общества формировалась главным образом на волошко-русинской основе. Среди приближенных к господарю людей значатся Байко, Ходко, Цудко. В южнорусском происхождении этих антропонимов трудно усомниться. По данным грамот Молдавии за 1384-1457 гг. наиболее распространенным в верхушке общества было

имя «Иоанн» – 88 человек. Однако людей, названных календарной формой с производными, всего 26, тогда как носителей имени «Ион» с его вариантами было 36, а «Иван» – 22 боярина. Аналогичная картина складывается и при рассмотрении второго по популярности имени «Георгий». Канонической формой из 56 человек названы только два. Зато обладателями имени «Журж» выступают 33, Юрий – 14, а Юга – 4 лица [См.: DRHA 1975, 1976]. Это может означать, что не менее четверти молдавской знати представляли выходцы из русинов. Совпадающие результаты дало и исследование сельской ойконимики, определившее долю восточных славян в 26,5 % всех жителей Молдавии первой четверти XV в. [Полевой 1979: 113. Табл. 9].

На то, откуда и как пополнялось количество славян в стране, указывают и другие источники. Одни из них связаны с многотысячным войском то ли молдаванина, то ли русина Мухи, действовавшем около 1490 г. в пограничных с Молдавией польских владениях. Хотя в его рядах было много простолюдинов, вряд ли их рейды были народным восстанием [Ср.: Мохов 1964: 146-150]. Отряды опытного в военном искусстве Мухи не просто опустошали «земли Польши и Руси», но уводили с собой «толпы людей». При этом Тевтонская хроника утверждала, что молдавский господарь «ежегодно причинял большой вред, брал добычу людьми, скотом, лошадьми и добром» [ИС 1965: 67, 296].

Литовский посол в Москве сообщал, что в 1494 г. Стефан «приславши люди тайно, город наш Бряславль жжог, и люди многии головами в полон повел. В ответ Иван III разьяснял, что «захотели к нему бряславцы сами ити на жытье в Волошскую землю». Согласно его версии, молдаванам пришлось вступить в сражение с татарами, которые взяли город и пленили его жителей. В итоге «бряславцов у них всех отняли и пришли с ними на житье в Волошскую землю и з женами и з детми» [ИС 1965: 71-72, 298]. Летописец Григорий Уреке, утверждавший в первой половине XVII в., что из жителей Молдавии «почти треть говорит по-русски», полагал, что такая этноязыковая картина возникла в результате действий Стефана. По его данным, в 1498 г. господарь угнал из Подолья и Галицкой земли более 100 тыс. человек [Уреке 1971: 110-111].

В ноябре 1502 г. польский сейм получил сообщение: Стефан «объявил, что хочет завоевать крепости королевства, и в особенности Галич, Бучач, Чирвоный Язловец и Каменец». Заодно с молдавскими войсками действовали отряды «рачей», т.е. сербов. Особенно опасным для короны было то, что земли Подолья «под влиянием событий начинают волноваться и отпадать к Валаху» [ИС 1965: 87-88]. Именно тогда «часть русской шляхты с удовлетворением приняла молдавскую власть» [Сперальский 2001: 56]. Симпатии и настроения не были сию-

минутными. Во время похода Богдана 1509 г. в Покутье «почти все рутены убегали к нему и отдавали ему себя в подданство, а тот охотно их принимал; тех же, кто римской религии, приказывал убивать» [ИС 1965: 305]. Чтобы пресечь шпионаж православных священников в пользу единоверцев, король Сигизмунд в 1511 г. потребовал рукополагать их в Польше. Его возмущало то, что «русинские попы ради возведения в сан, как у них принято, обращаются в Молдавию» [ИС 1965: 91]. Согласно молдавско-польской летописи, в 1527 г. Петр Рареш совершил поход против венгров и после победы на реке Муреш «большие сокровища и людей, сербов [czaklow] и саксонцев пригнал оттуда в Молдавию» [СМЛ 1976: 122].

Значительные группы населения, перемещавшиеся в молдавские пределы по разным причинам, в особенности из соседних владений Польши, обеспечивали долговременность и устойчивость славянского присутствия. Его наличие отметили и побывавшие в Молдавии иностранцы. Анонимное описание Молдавии 1528 г. сообщает, что «здешний народ» представляют люди «различных верований и сект, такие как рутены, сербы и армяне, болгары и татары и даже достаточно большое количество саксов католиков». Аналогичная информация содержится в «Хронографии Молдавии» 1541 г. [CS 1968: 192-193, 196]. К этому году относится и одно из первых известий о выступлении молдаван с казаками. Тогда «некоторые разбойники из молдавских подданных» в сговоре людьми из польских земель опустошили «многие села в окрестностях Белгорода и Тигины», а затем скрылись в пределах Молдавии [ИС 1965: 117].

Заодно с Иоанном Лютым, поднявшим Молдавию на войну против османов, сражались также казаки [см. Мохов 1961: 45-52]. Поражение восставших не прервало эти связи. Уже в ноябре 1577 г., «сговорившись с местными боярами», в Яссы вошел приверженный «малорусскому обычаю» Иван Подкова, назвавшийся братом погибшего господаря. Два-три месяца спустя отряды казаков, поляков, чехов и молдаван возглавил его «брат» Александр [ИС 1965: 146, 149, 153, 154, 158-160]. В том же 1578 г. объявился новый претендент на престол, сказавшийся сыном Александра Лэпушняну. С ним было около 400 «малоустойчивых людей», к которым потом присоединились 7-8 тысяч «борисфенских разбойников». Польский король утверждал: «В Молдавии они более всего имеют пристанище, откуда им поставляется оружие, одежда и провиант» [ИС 1965: 165-166]. Вскоре из Львова сбежал сын Стефана Лакусты Константин, живший там после убийства отца. «Собрав вокруг себя немало разбойников и своевольных людей», он направился в Молдавию, чтобы «вызвать волнения». Корона обратилась с призывом к «украинским старостам» не помогать вероломному «во-

лоху» [ИС 1965: 173-174]. О глубинных причинах сплочения мятежных людей великий визирь писал в конце 1576 г.: «Нужда объединила молдаван, валахов и русских с ворами и злоумышленниками» [ИС 1965: 318].

Направлявшийся зимой 1585-1586 гг. в Литву французский барон отметил, что в трудном пути из Аккермана в Яссы его спутникам помогал слуга, немного говоривший по-славянски [CS 1970: 180-181]. Несколько позднее тесные отношения восточных романцев и славян попытались использовать католические правители. В одном из документов прямо говорится, что участие Валахии и Молдавии в борьбе с османами очень желательно, «в особенности, если бы они были в союзе с казаками». Действительно, Арон Тиран находился с ними «в соглашении». В 1595 г. он присягнул императору Рудольфу II и предложил казакам соединить силы. Однако после неудачной попытки взять Тигину господарем провозгласил себя венгерский гетман Рэзван. Казаки легендарного Наливайко не смогли освободить Арона, а новый правитель пообещал «всему рыцарству казачьему» за службу «платить, как и другим воинам, которые служат нам: венгры, сербы и казаки». Однако в Молдавию неожиданно пришли поляки и казаки. Они посадили на трон Иеремию Мовилу [ИС 1965: 199, 201, 204, 207, 209-211, 214].

Из документов следует, что рост численности рядового населения страны за счет славян происходил и другим путем. За 1585-1623 гг. сохранилось 13 грамот, которыми господари разрешали землевладельцам привлекать в свои имения иностранных поселенцев, освободив их на некоторое время [до 5 лет] от уплаты налогов [DIRA XVI-III: 288, 370-371; IV: 154-155; XVII-I: 31, 39, 77, 248; II: 8-9, 43-44; IV: 255-256, 257-258; V: 87, 198-199; МЭФ 1961: 141; ИС 1965: 260-261, 325]. Вот типичная для этих грамот формула: «Люди ... от иншии земли или русин, или москвитин, или мунтенин, или влах, или буди кто за языка будут, ... они да имают от нас слобождение: не робити нам ни жадной нашу работу, ни у воиско ходити... на три лету» [ИС 1965: 261].

Появление таких стандартных фраз в делопроизводстве конца XVI – первой четверти XVII в. вовсе не случайность. Их смысл отражал давнюю практику освоения редко заселенных земель Молдавии. Она документально засвидетельствована грамотой от 23 февраля 1453 г., которой господарь Александрел дал разрешение Яцкову монастырю «осадить село» близ Сучавы. С этой целью предполагалось привлечь разноплеменных поселенцев – «или русин, или гръчин, или буд какыи язык» [ИС 1965: 50-51].

Русины упоминаются в 12 грамотах из 13 [см. таблицу], тогда как представители других народностей называются от 1 до 10 раз. Кроме того, в списке возможных переселенцев они значатся исключительно

на 1 или 2 местах. Важное место среди новых поселенцев занимали и сербы, отмеченные в 9 из 13 случаев. В перечне они, как правило, помещены на 3-4 местах. Даже если за каждым из приведенных названий иногда стоят географические, а не этнические характеристики, значение славянской волны очень велико – она составляла около половины всего переселенческого потока. Независимо от происхождения прибывавших людей их размещали в разных районах – от Сорокской волости на северо-востоке до Нижнего Припутья на юге.

Упоминания разноэтничных новоприходцев в грамотах 1585-1623 гг.

№	Датировка грамот	Народы* и очередность их упоминания								
		1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	3.09. 1585	-	1	3	-	2	4	-	-	-
2	3.01. 1588	1	-	2	-	-	3	-	-	-
3	1.07. 1589	1	-	3	6	2	4	-	5	-
4	13.01. 1597	2	6	3	5	-	4	1	-	-
5	13.01. 1602	2	6	3	5	-	4	1	-	-
6	17.04. 1602	1	3	4	-	6	5	2	-	-
7	27.03. 1603	1	3	4	5	2	-	-	-	-
8	15.06. 1605	2	4	-	1	3	-	-	-	-
9	25.02. 1606	2	3	-	-	4	-	-	1	-
10	19.05. 1606	1	-	-	4	3	-	-	2	-
11	1.04. 1618	1	4	3	-	-	-	-	-	2
12	2.01. 1622	1	3	4	5	-	-	2	-	-
13	20.03. 1623	1	3	-	4	-	-	2	-	-
Всего упоминаний		12	10	9	8	7	6	5	3	1

* Народы, упомянутые в грамотах: 1 – русины; 2 – венгры, 3 – сербы, 4 – влахи, 5 – мунтяне, 6 – греки, 7 – «ляхи», 8 – «московиты», 9 – турки.

«Правдивая информация о Молдавии» 1620 г. итальянца, служившего господарским секретарем, свидетельствует, что для местных жителей характерен «ломаный латинский, итальянский и русский язык» [CS 1972: 438-439]. Венгерский иезуит в 1644 г. отметил в числе 10000 разноплеменных молдавских куртян русских и болгар. Двумя годами позже католик-босниец называл среди жителей страны болгар, поляков, «рутенгов» и «московитов» [CS 1973: 280, 328].

Именно славяноязычие значительного количества населения позволяло «московским престолонаследникам» находить себе приют в Молдавии. В 1639 г. здесь задержали 26-летнего «вора» Симеона, выдававшего себя за сына Василия Шуйского. Этот человек якобы находился в польском плену «от младенчества его». Однако господарь Василий Лупу был уверен – самозванец пришел «творити развращение и нестроение в христианех» [ИС 1968: 39, 41]. В 1649 г. совершавший паломничество на Афон старец Троице-Сергиева монастыря Арсений Суханов узнал в Молдавии от русского купца еще об одном царевиче, который жил в ските «под Венгерскими горами». Его говоривший по-сербски слуга показывал долговую расписку хозяина, составленную на русском языке и заверенную печатью с легендой «Иван Васильевич Шуйской» [ИС 1968: 218-220].

Хорошо известно о тесных взаимоотношениях между молдаванами, казаками, «московитами» и поляками во времена Богдана Хмельницкого [см. Мохов 1961: 93-101]. Так, в 1654 г. русский посол сообщал о выступлении молдаван на стороне поляков «под черкасскими городами». Господарь Георгий Стефан оправдывался, что «те волохи пошли к ляхом на помочь самовольством» без его ведома, поскольку «они люди вольные, домов у себя не имеют и ходят-де в войну из найму, где похотят» [ИС 1968: 251].

Когда спустя полвека в Подольском воеводстве восстали крестьяне, им на помощь пришли «перебежчики с молдавской стороны, а также и из-за Днепра». Великий коронный гетман писал господарю Константину Дуке в феврале 1703 г.: «Бунт казаков в основном уже усмирён, и теперь те люди из Молдавской земли, которые были основательно замешаны в этом бунте, бегут назад за Днестр и прячутся там» [ИС 1970: 171, 192].

В 1702 г. в Москву поступила докладная записка, в которой сообщалось, что «волошанин» Константин Туркулец «обещался со всеми волохами, которые служат в Польше», стать на сторону русского царя. Из документов 1707 г. следует, что при содействии этого молдавского полковника в «волоского народу конницу» при войске Петра I было привлечено более 300 человек [ИС 1970: 183, 250, 257, 264]. Уже в 1709 г. К. Туркулец получил следующую характеристику: «Он немного полячитца» [ИС 1970: 315].

Приведенные факты разноплановых контактов, несомненно, отражали специфику этнического облика населения Молдавии и, в свою очередь, оказывали непосредственное влияние на его состояние. В какой-то мере этническую карту второй половины XVII в. конкретизировал Мирон Костин, указав, что русины занимали «Черновцы, Хо-

тин и всю область Днестра, цинуты Орхей, Сорока и на Пруте половину цинута Ясс, а также половину цинута Сучавы». Эти люди названы им потомками жителей Покутья и Подолья, расселенных здесь легендарным Драгошем [см. Полевой 1979: 112]. Димитрий Кантемир также пишет о славянском населении страны. По его сообщению, «Рутенская провинция Кымпулунг» пользовалась самоуправлением. В «Описания Молдавии» также говорится, что после того, как Болгария и Сербия оказались под властью турок, «многие потомки знатных родов этих государств ушли в Молдавию, как в общее прибежище того времени, и там благодаря своей верной службе приобрели права местных жителей и звания бояр». В другом месте сказано: «Сербы и болгары живут свободно и занимаются отчасти торговлей, отчасти служат в войске господаря на жаловании» [Кантемир 1973: 7, 38, 140, 147, 151-152].

Восточные романцы веками находились под мощным влиянием славянских государств. До создания в XIV в. Валахии и Молдавии это были Первое Болгарское царство, Киевская Русь, Галицко-Волынское княжество, Второе Болгарское царство. Затем им на смену пришли Сербия, Польское королевство, Великое княжество Литовское, Московское царство и, наконец, Российская империя. Прямое воздействие этих стран проявлялось в разных сферах жизни: торгово-экономической, социально-политической и этно-конфессиональной. При этом отношения на всех уровнях наиболее полно могут быть описаны понятием «**взаимопроникновение**». Доказательств данному утверждению очень много.

Памятники письменности Молдавии до второй половины XVII в. в подавляющем большинстве славяноязычны. Кроме произведений религиозного характера, речь идет о нескольких категориях исторических источников, в частности, летописях, повествующих о деяниях XV-XVI вв. [СМЛ 1976], а также тысячах памятников эпиграфики – строительные надписи, эпитафии, памятные гравировки на предметах культа, легенды на господарских и боярских печатях [См.: Bogdan 1913; РМОА 1958; DRHA 1975; 1976; 1980]. Это обилие не может быть объяснено утверждением школьного учебника: «Славянский язык сыграл в культуре румынских стран ту же роль, что латынь в странах Западной и Центральной Европы. На славянском языке была создана богатая литература церковного и светского содержания. Но грамотных людей было очень мало, даже в среде господарей, бояр и купцов. Поэтому славянский язык знал ограниченный круг людей» [ИСВ 1999: 269]. Мягко говоря, это не совсем так.

Вплоть до XVII в. государственная канцелярия Молдавии работала главным образом на славянском языке. Она выпустила тысячи грамот,

так или иначе касавшихся вопросов землевладения. Господарские акты, обычно называемые «листами», сообщают в совокупности о сотнях поселений, составлявших вместе с угодьями т.н. «хотар». В грамотах говорится о принадлежности имения определенному лицу, часто о способе приобретения собственности и ее стоимости; имеются сведения о наличии пашни, сенокосов, пастбищ, озер, мельниц и т.п. Нередко в них по зрительным ориентирам очерчиваются границы имений. Грамоты перечисляют присутствовавших при их составлении членов господарского совета. Иной раз в документах фигурируют одновременно несколько десятков человек. Трудно поверить, чтобы в содержании таких жизненно важных записей не умели самостоятельно разобраться заинтересованные в них люди, ведь в стране действовал неизменный принцип: «нет сельского хотара без документа» [Советов 1972: 61-62]. Именно к ним апеллировала утвердившаяся в практике составления акта формула: «всем, кто его увидит или же его, читая, услышит» [DRHA 1975; 1976; 1980]. Следует согласиться с тем, что она касается обширного круга лиц, владевших славянским языком, и включавшего, по меньшей мере, землевладельцев [Городенко 2005: 90].

Около столетия назад установлено, что составители актовых записей Молдавии XIV-XVII вв. наряду с официальным западнорусским языком широко использовали «живой галицко-волинский говор» [Яцимирский 1909]. Дальнейшее изучение лингвистических особенностей молдавских грамот XV в., включая системы склонений и форм деепричастий, выявило заметное диалектное влияние с характерными архаичными чертами буковинско-гуцульских и покутско-буковинских говоров. Наличие в текстах молдовенизмов, а также специфических ошибок свидетельствует о билингвизме авторов. Причем не только в грамотах, но и в летописях (к примеру, т.н. Бистрицкой) обнаруживаются четкие следы «воздействия стихии разговорного славянского языка» [Веневцева 1965а: 129-135; 1965б: 100-107; Рацеева 1998: 243-248]. Такие речевые конструкции могли появиться только в условиях продолжительного существования славяно-молдавского двуязычия.

Славянским наречием, конечно, владели господа Молдавии XIV-XVI вв. Стефан Великий, возможно, выучил язык, когда в ранней молодости воспитывался в Немецком монастыре [Ешану 1983: 14]. Однако он пользовался им и в каждодневном общении, а не только в качестве официального. Достоинно внимания письмо дочери господаря, жены московского престолонаследника Ивана Ивановича Молодого. Послание полно нежности Елены к отцу: «Ниское челобитие и верная и сердечная любовь от любимой дщери господства... Наш милои и ласковой господине, и драги родителю, просячи милость Бога, рады быхом были, по си часы слышали о вашей милости, о добром животе

и здравии, занеже мы слышали о вашей милости о добром животе и здравии добре, о том милосердному богу хвали даем, а сердечно ся радуем и тем весели бываем...» [ИС 1965: 57]. Невозможно представить, чтобы письмо радующейся дочери было составлено по-славянски, чтобы затем обратно быть переведенным на молдавский язык.

Большой интерес вызывает составленный в Черновцах в ноябре 1503 г. протокол переговоров молдаван с представителем Польши, кардиналом Фредериком. В одном из абзацев латиноязычного документа приведена прямая речь Стефана. На уговоры покинуть Покутье господарь ответил, что спорная земля должна остаться в его владении: «Vzyaly esmi tu bucato zemlye, hoczu stobi my szya ney dostalо». Опубликовавший памятник румынский славист увидел в этой фразе свидетельство того, что Стефан говорил по-русски. В протокольной записи речи молдавского посла Луки, обращенной к полякам в том же месяце, вновь узнаваемо звучат слова самого господаря. Для него Покутье – «буката земли, што оть Галицкого буковины долу межи Днестром и Планинами, што из века прыслухало ку Молдавской земли, из силоу отлучена от молдавское земли от давных часов» [Bogdan 1913: 472-496]. Очевидна одна и та же стилистика высказываний, совпадающая и с текстом письма Елены Волошанки.

Таким образом, славянство было живой и постоянно обновлявшейся материей средневековой Молдавии. В ряде районов страны славянским этносам принадлежало подавляющее большинство или значительная часть жителей. Культурное многообразие Молдавии обусловило сложение двуязычных романско-славянских массивов населения. Есть основания думать, что правящие слои молдавского общества говорили по-славянски. Это явление, надо полагать, особенно широко было распространено во времена независимости Молдавии – до 1538 г. Когда же с установлением османского господства традиционные социальные структуры оказались подвержены сильной деформации, двуязычие стало постепенно исчезать, сохраняясь только в виде отдельных территориальных очагов и во второй половине XVII в. [Полевой 1979: 112]. В «верхушечной части» общества (двор, знать, административный аппарат, служители культа) оно бытовало вплоть до XVI-XVII вв. [Борщ 1967: 57-61].

В Европе XVI в. была высказана мысль о том, что активным «мужским началом» всякого языка является письменность, ибо «она одна содержит в себе истину». Устное слово (как женская составная) считалось олицетворением «пассивного интеллекта» народа. Он, очевидно, характеризовал степень адаптации традиции к реальным условиям существования этноса [См. Фуко 1994: 75]. Актуализируя эти идеи, надо сказать, что в славянском языке средневековой Молдавии сосу-

ществовали оба его компонента. С одной стороны, население молдавских земель регулярно пополнялось за счет восточных и южных славян. Одних из них приглашали как свободных поселенцев, других приводили силой, третьи сами находили здесь свою судьбу. Именно сохранявшееся долгое время двуязычие явно способствовало успешному привлечению новых поселенцев из славянских стран.

С другой стороны, славянский язык стал очевидным атрибутом субкультуры духовной и светской знати, не зависившим прямо от этнического происхождения ее представителей. Люди, в то время обучавшиеся грамоте, получали возможность читать Библию, лично постигать высшие истины закона божьего, который православному населению Молдавии до XVII в. был доступен только в славянской редакции. Славянский язык не только приобщил нашу страну к православию, но открыл молдавским господам путь в колонну предводителей восточного христианства. Молдавия стала проводником православных ценностей с Балкан в литовские и московские земли, а равно и обратно. Сочетание двух порядков прочных связей, пронизывавших молдавское средневековое общество, на века определило позитивный характер молдавско-славянских отношений внутри страны и за ее пределами.

ЛИТЕРАТУРА

Борщ А.Т. 1967. Старославянский язык как компонент славяно-романского двуязычия // Восточнославяно-молдавские языковые взаимоотношения. Часть II. Кишинев. С. 56-64.

Венецьева Л.В. 1965а. Форми дієслів у молдавських грамотах XV ст. / Вісник Харківського університету. Вип. 1. С. 129-135.

Венецьева Л.В. 1965б. До характеристики морфологічних особливостей мови молдавських грамот XV ст. // Вісник Харківського університету. Вип. 4. С. 100-107.

Городенко А.П. 2005. Галицко-волошские связи в XIII-XIV веках // Русин. № 2. С. 86-92.

Гюзелев В. 1994. Извори за средновековната история на България [VII-XV вв.] в австрийските ръкописни сборки и архиви. Т. 1. София.

Ешану А.И. 1983. Школа и просвещение в Молдавии [XV – начало XVIII в.]. Кишинев.

ИР 2001. История румын с древнейших времен до наших дней. Кишинэу.

ИРДМ 1992. История румын. Древний мир. Кишинэу, Яшь.

ИС 1965, 1968, 1970. Исторические связи народов СССР и Румынии в XV – начале XVIII в. Документы и материалы. Т. I-III. М.

ИСВ 1999. Драгнев Д., Гонца Г. История румын. Средние века. Кишинэу.

Кантемир Д. 1973. Описание Молдавии. Кишинев.

Коновалова И.Г. 1991. Арабские источники XII-XIV вв. по истории Карпато-Днестровских земель // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1990 год. М. С. 5-115.

Мохов Н.А. 1961. Очерки истории молдавско-русско-украинских связей [с древнейших времен до начала XIX века]. Кишинев.

Мохов Н.А. 1964. Молдавия эпохи феодализма. Кишинев.

Мохов Н.А. 1978. Очерки истории формирования молдавского народа. Кишинев.

МЭФ 1961. Молдавия в эпоху феодализма. Т. 1. Кишинев.

Панаитеску П.П. 1992. История румын. Кишинев.

Полевой Л.Л. 1979. Очерки исторической географии Молдавии XIII-XV вв. Кишинев.

Рабинович Р.А. 2000. Искушение «волошским орехом», или Балканские волохи и русские волхвы // *Stratum plus*. № 5. С. 262-390.

Рафалович И.А. 1972. Славяне VI-IX веков в Молдавии. Кишинев.

Рацеева Е.В. 1998. К вопросу о языке славяно-молдавских летописей XV-XVI вв. [элементы румынско-славянской интерференции] // *Relațiile moldo-bulgare în epoca medie și moderna*. Chișinău. С. 243-248.

Руссев Н.Д. 2005. Волохи, русские и татары в социальной истории средневековой Молдавии // *Русин*. № 2. С. 93-105.

СМЛ 1976. Славяно-молдавские летописи XV-XVI вв. М.

Советов П.В. 1972. Исследования по истории феодализма в Молдавии. Т. 1: Очерки истории землевладения в XV-XVIII вв. Кишинев.

Сперальский З. 2001. Молдавские авантюры. Бэлць.

Тельнов Н.П., Степанов В.П., Руссев Н.Д., Рабинович Р.А. 2002. «И... разошлись славяне по земле. Из истории Карпато-Днестровских земель VI-XIII вв. Кишинев.

Тимошук Б. 1969. Північна Буковина – земля слов'янська. Ужгород.

Уреке Г. 1971. Летописецул Цэрий Молдовой. Кишинэу.

Фуко М. 1994. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.

Яцимирский А.И. 1909. Язык славянских грамот молдавского происхождения // Сборник по славяноведению. Т. III. [Отдельный оттиск].

Bogdan I. 1913. Documentele lui Ștefan cel Mare. Vol. I-II. București.

CS 1968, 1970, 1972, 1973, 1983. Călători străini despre Țările Române. București. Vol. I, III-V, VIII.

DIRA. Documente privind istoria României. A. Moldova. Veacul XVI. Vol. III [1571-1590]. 1951; IV [1591-1600]. 1952; Veacul XVII. Vol. I [1601-1605]. 1952; II [1606-1610]. 1953; IV [1616-1620]. 1956; V [1621-1625]. 1957. București.

DRHA 1975, 1976, 1980. Documenta Romaniae Historica. A. Moldova. Vol. I-III. București.

Александр БУЛГАКОВ

РУССКИЕ ЛЮДИ В БОЯРСКОМ СОВЕТЕ СТЕФАНА ВЕЛИКОГО (1457-1504 гг.)

Молдавское княжество изначально было полиэтничным. В нем проживали потомки семиградских волохов, потомки семиградских и местных русинов, а также группы венгров, болгар, татар, цыган, поляков, греков, армян, евреев, саксов (трансильванских немцев). Согласно данным ойконимики, с середины XIV в. до первой трети XV в. абсолютная численность восточных славян в Молдавии, возможно, не сократилась, но их доля среди населения княжества уменьшилась с 39,5 до 26,5%¹. Этот период в основном совпадает с периодом правления Стефана Великого (1457-1504 гг.). Тема нашего сообщения – представительство восточнославянского населения княжества в правительстве Молдавии тех времен – Боярском Совете.

Как ни спорен в данном случае способ определения этнической принадлежности по данным ономастики, можно предположить, что восточными славянами, то есть русинами, русскими людьми², были упоминаемые в господарских грамотах между 1457 и 1482 гг. бояре Михайло, логофет; Петр, пыркалаб; Ходко Крецевич; Стецко Даленкушевич; Иоанн, комис; Оловяник; Ходко Шибор, Иоанн Грома, Петр Якимович, Ивашко, Ивашко от Сереча, Иоанн; Роман; Кости Дамович; Андрейко, Писар; Иван, вистерник; Юрий; Стецко, писарь, Пашко, постельник, Лука, Игнат, поп Федор, Яцко, жупан Иоанн; Яцко Домакуш; Максим Худич; Иванко Владыч; Ивашка Хринкович; Пашко Килийский; Дажбог, чашник; Петр, стольник; Еремея, постельник; Иоанн (брат Луки); пан Андрейка³.

Имена некоторых бояр упоминаются в грамотах в течение одного или двух лет, например, имя Оловяника. Но большинство упомянутых были постоянными членами Боярского Совета. Так, долгое время среди самых приближенных людей Стефана Великого упоминается боярин по имени Яцко, из чего можно сделать вывод, что он был одним из ближайших и доверенных сподвижников Стефана III. Одну из первых грамот Стефана Великого заверили русины: пыркалаб Петр, Ходко Крецевич, Стецко Даленкушевич и комис Иоанн.

Вышеперечисленные бояре были не только членами Совета, но и занимали должности в государственном аппарате. Петр был наместником господаря в одном из цинутов княжества, боярин Иоанн был конюшим Стефана Великого, следовательно, частично отвечал за боеспособность его гвардии, так как ее основу составляла конница. В дальнейшем русины упоминаются в грамотах в качестве различных должностных лиц. Так, боярин Ивашко упоминается как пыркалаб Сирета (12. VI. 1459 г.) и Килии (5. VI. 1468 г.)⁴, важной крепости на Дунае. Встречается в господарских грамотах и упоминание о логофете Михаиле (13. II. 1458 г.)⁵. Он исполнял обязанности одного из двоих помощников великого логофета Тудора. Еще один русин по имени Иван упоминается 5 декабря 1460 г. как вистерник, хранитель господарской казны. Среди великих сановников были также постельник Пашко (15. V. 1462 г.) и стольник Лука (28. IV. 1468 г.). Оба были приближенными к Стефану III лицами: один из них отвечал за личные покои господаря, а другой ведал снабжением продуктами господарского стола. В дальнейшем в качестве постельников упоминаются Еремей (15. X. 1481 г.) и Петр, в 1480 г. ставший стольником. Боярин Дажбог с 1471 г. был назначен чашником. В его обязанности входило снабжение господарского стола вином⁶.

Однако Стефан III не оставлял долго бояр в одной должности и часто менял место их службы. Так, постельничий Пашко с 1469 г. упоминается как пыркалаб Килии, стольник Лука в дальнейшем стал членом Боярского Совета, боярин Иоанн, бывший комисом, с 70-х гг. также член рады⁷. К «долгожителям» Рады Стефана III можно отнести таких бояр, как Петр Екимович (1458-1470 гг.), Яцко Худич (с 1467 по 1492 г., с небольшими перерывами в 1477 и 1485 гг.), пыркалаб Ивашка (с 1470 и до 1499 г. с перерывами в 1477 и 1485 гг.), Лука (с 1464 по 1476 г.), Дажбог (с 1470 по 1484 г. с перерывами в 1477 и 1485 гг.), Ивашко Хринкович (с 1466 по 1478 г., с перерывом в 1477 г.), Еремей (с 1480 по 1503 г. с перерывом в 1485 г.). Из 96 бояр, более двух лет служивших в Боярском Совете Стефана Великого, 14, т.е. каждый шестой, были русинами⁸.

Язык делопроизводства господарской канцелярии, славянский, был близок к разговорному языку русинов⁹, поэтому можно предположить, что доля русинов среди писарей и дьяков господарской канцелярии была еще выше. В грамотах упоминаются Роман, Стецко, Андрейка, Иоанн, брат Луки. Из этого можно сделать вывод, что в канцелярии господарей было много славян, т.к. чаще всего упоминаются вышеозначенные имена как имена лиц, писавших грамоты¹⁰. Впоследствии некоторые из них вошли в состав Боярской Рады, например: Стецко Дэмэтуш и Андрейка Чорторойский, по-видимому, польского происхождения.

Пока мы не можем определить, в какой степени этническое сознание соответствовало русинскому имени его носителя. Но имена русинов часто писались с отчеством, например: Ходко Крецевич, Петр Екимович и др. Все отчества пишутся с характерным старославянским и современным русским суффиксом – вич. Иногда имена бояр писались в официальной форме например: «Иоанн сын Михаила оунук Василе» По ней можно проследить часть родословной бояр. Также по именам бояр можно определить, кто из них являлся представителем аристократии, а кто был незнатного происхождения. Например, имя Дажбог было распространено среди знатных славян (русинов) в Речи Посполитой. Люди простого происхождения, как и на Руси, писали свои имена в уменьшительной форме¹¹.

Одним из самых распространенных было имя Иоанн. Мы не можем утверждать, что все или хотя бы большинство упомянутых в грамотах Иоаннов являлись русинами. Но в рассмотренном нами комплекте документов XIV - первой четверти XVI в. оно упоминается 88 раз. Имя Иван упоминается 22 раза, Георгий – 2, Юрий – 14. По нашим подсчетам, русинами являлись 25% членов Боярского Совета¹². При этом можно отметить закономерность: в начале правления Стефана Великого доля русинов в Раде была небольшой, однако со второй половины его правления она возрастает. Так, в последние десятилетия правления Стефана Великого бояре-русины составляли примерно треть членов Боярского Совета.

Тому, полагают историки, есть две основные причины. Первая – это стабилизация состава аппарата управления, так как Стефан Великий удалил из Рады своих политических противников и приблизил лишь наиболее верных из числа малых бояр, среди которых было много русинов. И вторая – это переход многих шляхтичей-русинов на службу к Стефану Великому во время его походов в Галицкую Русь и особенно после присоединения к Молдавскому княжеству территории Покутья. Как отмечают источники, русины активно участвовали в походах молдавского господаря и уходили в пределы Молдавии, спасаясь от преследований польских магнатов и шляхты.

Не отрицая справедливости этих суждений, выдвинем еще одну версию. В 1476 г. во время неудачной для молдаван битвы в Белой долине часть молдавских бояр погибла, а некоторые еще до битвы и после нее изменили господарю. Новое войско Стефану Великому пришлось формировать на севере княжества, на Буковине, где большинство населения составляли русины. Войну удалось выиграть, но ситуация во многом повторилась во время турецкого нашествия 1485 г., увенчанного победой Стефана III над турками, татарами и валахами при Катлабуге. Но обе войны вызвали значительные изменения в составе правяще-

го класса и Боярского Совета в пользу представителей менее пострадавшего от нашествий севера Молдавского княжества. Поэтому представительство русинов в Боярском Совете возрастало, несмотря на сокращение их доли среди населения княжества.

Таким образом, во времена Стефана Великого среди «вершителей судьбы» Молдавского княжества были и особо приближенные к господарю русские люди – русины. Учитывая, что Стефан III был человеком дальновидным и патриотом своей страны, можно предположить, что бояре также являлись людьми достойными, податать правителю. Отсутствие в грамотах ссылок на этническую принадлежность русинов (в отличие от венгров, саксов, цыган, татар) свидетельствует о высокой степени этнополитической, да и, учитывая официальный статус славянского, по существу – русинского языка, также этнокультурной сплоченности русинского и молдавского (волошского) населения средневековой Молдавии. Тема участия русских людей в политической жизни Молдавского княжества требует дальнейшего исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Полевой Л.Л.* Очерки исторической географии Молдавии XIII-XV вв. Кишинев. Штиинца. 1979. С. 113.

2. *Суляк С.Г.* Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии. Кишинев. 2004. С. 69-81; *Шорников П.* Русские люди Молдавского княжества. Русин [Кишинев]. 2005. № 1 (1).

3. *Documenta romaniae historica. A. Moldova. Vol. 1. București, 1975. P. 213-410.*

4. *Documenta romaniae historica. A. Moldova. Vol. 2. București, 1976. P. 213. Там же. С. 222.*

6. *Стати В.* Стефан Великий. Кишинев, 2004. С. 118-120.

7. *Documenta romaniae historica. A. Moldova. Vol. 2. București, 1976. P. 376.*

8. *Руссев Н.Д., Кройтор Ж.Б., Лазо Ю.В.* Стефан Великий в обстоятельствах времени (антропологические эскизы) // *Stratum plus. 2003-2004. № 6.* Санкт-Петербург, Кишинев, Одесса, Бухарест. 2005. С. 43-47.

9. *Шорников П.* Русский язык в Молдавском княжестве. 1359-1859 // *Русский альбом. [Кишинев]. 2001. № 3; Его же. Официальный язык Молдавского княжества. 1359-1859 // Общественная мысль Приднестровья. 2006. № 1 (2).*

10. *Documenta romaniae historica. A. Moldova. Vol. 2. București, 1976. P. 213, 215, 311, 326.*

11. *Ibid., P. 306-307; Шелер Д.Н.* Ордена, звания и мундиры. М., 1998. С. 123-125.

12. *Руссев Н.* Волохи, русские татары в социальной истории средневековой Молдавии // *Русин. [Кишинев]. 2005. № 2. С. 99.*

Петр ШОРНИКОВ

СЛАВЯНО-МОЛДАВСКИЙ ЭТНО- КУЛЬТУРНЫЙ СИНТЕЗ. XIV-XVII ВВ.

Со второй половины 50-х гг. XX в. то обстоятельство, что в XIV-XVIII вв. значительную часть населения Молдавии составляли восточные славяне – потомки древнерусского населения Карпато-Днестровских земель, советские историки предпочитали обходить молчанием¹. Впрочем, не вызывало возражений ученых и положение о глубоком влиянии, оказанном славянским языком на формирование молдавского языка и культуры². Однако славянское влияние исследователи трактовали как идущее только извне: из Москвы, Киева, Болгарии, Сербии. Курс «История румын», преподаваемый в учебных заведениях Республики Молдова вместо курса национальной истории, вообще игнорирует наличие в Молдавском княжестве немолдавского населения. Более того, появились работы, написанные с целью доказать, что не имел место даже «симбиоз славян с румынским народом»³. Интересы дальнейшего изучения истории Молдавии требуют рассмотрения роли местного славянского населения в молдавско-славянском этнокультурном взаимодействии. Не менее значим в научном плане и ответ на вопрос о том, насколько долгое время может сохраняться этнос, чья идентичность не ограждена государственностью.

Волошко-славянская этноконтактная зона

Исторически она включала обширные территории Балкан. Начало контактам восточных романцев со славянами относится к V в. Особенно тесным было их этнокультурное взаимодействие романцев с болгарями в эпоху Первого Болгарского царства, в VII–X вв., когда существовало романо-болгарское двуязычие и славянские заимствования стали существенным фактором этнокультурного развития романцев⁴.

Длительную предысторию имеет и молдавско-русинское этнокультурное взаимодействие. Первые контакты волохов с древнерусским населением Карпато-Днестровских земель прослеживаются с XII в. Образование молдавской государственности положило начало молдавской этнической эпохе, когда славянское влияние на молдавский этнос осуществлялось посредством церковной литературы на славянс-

ком языке, повседневных контактов молдаван с русинским населением Молдавского княжества, а также торговых, культурных и иных связей с Москвой, Польшей, населением включенных в ее состав древнерусских земель, Болгарией, Сербией.

На рубеже XV-XVI вв. восточные славяне составляли 40% населения Молдавии и компактно заселяли север и северо-восток княжества: Буковину, Оргеевский, Сорокский и половину столичных Ясского и Сучавского цинутов⁵. Хотя в пределах княжества проживали также группы болгар, сербов и поляков, славяно-молдавское взаимодействие было главным образом русинско-молдавским. Видимо, именно в силу этнодемографических различий северной и южной частей Молдавия в административном плане около трех столетий подразделялась на Верхнюю и Нижнюю Страны с особыми правителями: ворником Верхней и ворником Нижней Страны.

Восточных славян Молдавского княжества молдавские летописцы называли так же, как называют русских молдаване в настоящее время, – словом «рус» (однако во множественном числе – не «рушь», а «русь»)⁶. Ныне живущие их потомки называют себя «руснаки» или «руськи люди»⁷. Но, справедливо отмечают исследователи, их предки, насельники Древней Руси, именовали себя «русины», с ударением на первом слоге⁸. Хотя с конца XIX в. русинами (с ударением на втором слоге) принято именовать этнокультурное сообщество, позднее в большинстве своем включенное в состав украинской советской нации, в качестве этнонима к восточнославянскому населению Молдавского княжества в научной литературе применяется термин «русины»⁹.

Разговорный язык русинов Молдавского княжества испытал влияние языка волохов. Уже в XII – первой половине XV вв. в юго-западные говоры древнерусского языка проник ряд заимствований из языка волохов. Позднее, в период существования Молдавского княжества, число этих заимствований возрастет, углубятся также фонетические отличия языка русинов от древнерусского языка¹⁰.

Славянский язык и разговорный язык русинов

К началу контактов с волохами русины, проживающие между Карпатами и Днестром, говорили на древнерусском языке, но в их языке уже в это время имелись и местные особенности¹¹. Однако в официальном обиходе Молдавского княжества находился язык, именуемый молдавскими летописцами славянским или «сербским» («сырбие»). Как соотносился этот язык с разговорным языком русинов?

Славянским языком принято называть не живой, разговорный язык одного из славянских народов, а язык древнейших славянских переводов греческих богослужебных книг. Еще до образования Молдавского государства у каждого из славянских народов этот книжный славянс-

кий язык, подвергаясь воздействию живой славянской речи (болгарской, сербской, древнерусской и др.), проникался особенностями этих языков и стал выступать в различных редакциях или «изводах» – болгарском, сербском, русском¹². Лингвисты отмечают некоторую специфичность языка славяно-молдавских грамот, обусловленную влиянием разговорной речи местных русинов. «В основу актового языка Молдавии XIV-XVII вв., – еще в начале XX столетия заключил русский филолог А.И. Яцимирский, – был положен русский: с одной стороны, официальный западнорусский, с другой – живой галицко-волинский говор. При этом не обошлось без влияния болгарского языка, книжного, точнее, нормированного тырновскими правилами, ни без влияния польского или белорусского, и, в слабой степени – румынского». Особенности языка славяно-молдавских грамот – молдавская форма названий месяцев и межи (**хотар**)¹³ – подтверждают его связь с живой речью.

В 1961 г. академик Н.И. Толстой дал общую характеристику текстов на славянском языке. Предложенная им схема отражает специфику каждой редакции славянского языка, в том числе редакции, распространенной у молдаван и валахов¹⁴. Редакция славянского языка, бытовавшая у романских народов, уточнил румынский лингвист Г. Михэилэ, зависела от староболгарского языка – как базового – и от «русско-украинского», т.е. языка местного русинского населения, потомки которого в XX в. восприняли украинскую национальную идентичность. «Русско-украинское» влияние на письменный славянский язык, отметил Н.Д. Раевский, было очень сильным¹⁵. Различия между славянским языком молдавских летописей, грамот канцелярии молдавских господарей и разговорным языком русинов, по-видимому, были невелики.

Русины и молдаване

В начале XVIII в. Д. Кантемир, избегая называть насельников Верхней Страны молдаванами, дал им характеристику, свидетельствующую о спаде пассионарности в их среде, а также о большей, чем у жителей южной части княжества, стабильности их быта и лояльности господарской власти. «Жители Верхней Молдавии, – отмечал бывший правитель в 1716 г., – менее воинственны, [чем жители пограничной с Буджаком области Кигеч], и не питают пристрастия к войне, а предпочитают спокойно добывать свой хлеб в поте лица своего. Они крайне набожны. Поэтому только в одном Сучавском округе насчитывается до шестидесяти каменных церквей, а во всей Верхней Молдавии более двухсот больших монастырей [...] Жители Верхней Молдавии всегда хранят верность своему господарю, и если среди них возникают внутренние беспорядки, то это случается из-за подстрекательства бояр Нижней Молдавии. Соблюдают чистоту и целомудрие даже до брака,

что особенно редко можно встретить у жителей Нижней Молдавии. В выполнении государственных повинностей более прилежны, чем другие. С величайшим старанием выполняют отданные им приказы. В отношении гостеприимства более расчетливы, чем жители Нижней Молдавии»¹⁶.

Вследствие ассимиляционных процессов и по конфессиональным причинам у молдаван присутствовало сознание своего родства с русинами. Легендарные предки молдаван, даки, предполагал Д. Кантемир, как и русские, произошли от скифов. Возможно, причиной этому была не только общая православная вера, но и общие черты языческого пантеона, сохранившегося у молдаван и русинов. Первой среди молдавских духов, трактуемых Кантемиром как «отзвуки верований древних даков», им упомянута Лада, древнерусская берегиня, охранительница супружеской любви¹⁷.

Молдавско-русинское двуязычие

Христианство волохи восприняли от славян, и славянский язык считался у них священным. Еще до возникновения Молдавского княжества в Карпато-Днестровских землях имели хождение рукописные славянские книги¹⁸. Памятники раннехристианской и византийской культуры, переведенные в Болгарии и Сербии на славянский язык, – библейские книги, сочинения «отцов церкви» Иоанна Дамаскина, Иоанна Златоуста, жития святых, исторические хроники Георгия Амартола, Константина Манасси, народные романы «Варлаам и Иоасаф», «Александрия» и другие, юридическая, естественно-научная, астрологическая, предсказательная литература и многое другое – органически вошли в древнемолдавскую письменность и оказали огромное влияние на формирование молдавской духовности¹⁹. Но было ли это обстоятельство достаточным для того, чтобы с момента образования Молдавского государства славянский язык стал в Молдавии (как и в соседней Валахии) официальным языком? Во всяком случае, важным фактором, обеспечившим славянскому языку такое место в государственном обиходе княжества, должно было стать наличие в нем многочисленного населения, говорящего на языке, очень близком книжному славянскому языку.

О существовании в средневековой Молдавии массового русинско-молдавского двуязычия свидетельствует использование славянского языка в богослужении, государственном, церковном и хозяйственном делопроизводстве и, очевидно, в официальном и межэтническом общении. Официальный статус славянского языка в Молдавском княжестве подтвержден многочисленными документами господарской канцелярии, начиная с грамоты Романа-воеводы от 30 марта 1392 г., впервые назвавшего себя «господарь великий и самодержец Земли Мол-

давской от планины до моря», и сохранившимися фрагментами деловой переписки, заметками на полях церковных книг, ктиторскими и надгробными надписями господарской усыпальницы в Радовцах, на стенах церквей, в старинных молдавских монастырях²⁰. Очевидно, от русинов восприняли молдаване славянскую систему летосчисления «от сотворения мира» – дата рождения Христова плюс 5508 лет – и, как и русские, начинали новый год с 1 сентября.

Одним из первых летописных свидетельств молдавской истории является «Сказание вкратце о молдавских господарех отколе начашася Молдавская земля», написанное в конце XV – начале XVI в., включенное в состав русской Воскресенской летописи и, по мнению историка Н.А. Мохова²¹, написанное русским летописцем по молдавским источникам. Современный молдавский исследователь В.Стати указал еще две возможные версии: летопись составлена молдавским или русским автором при дворе Стефана III и предназначалась для зарубежного читателя²². И, наконец, нами высказано мнение о том, что первая редакция Бистрицкой летописи, охватывающей период истории Молдавии 1359-1507 гг., была составлена по велению Стефана III в связи с планом брака его дочери Елены с Иваном Молодым, сыном объединителя Руси Ивана III²³. В последнем случае следует ожидать ориентации летописца на языковые нормы Московского царства. Цель эта, если она вообще существовала, была достигнута вполне. Бистрицкая летопись органично вошла в состав русской Воскресенской летописи. Однако молдавская литература времен Стефана Великого (1457-1504 гг.) представлена и другими славянскими летописями, написанными тем же языком. Историкам ныне известны также 462 политико-административных акта господарской канцелярии того времени, 244 внешнеполитических акта, а также ряд Писаний и более 70 информации исторического характера. Все эти документы составлены на славянском языке, аналогичном языку Бистрицкой и других славяно-молдавских летописей²⁴. Столь же мало отличался от русского письменного языка той эпохи язык богослужебных книг Валахии. Издания, увидевшие свет в 1508, 1510 и 1512 гг. в Тырговиште, широко ходили по Руси²⁵.

Славянский язык был востребован в Молдавии как язык образования. С XV столетия сыновья знатных молдаван обучались в «братских» школах Галицкой Руси, открытых русским православным населением для борьбы против колонизации. О числе школяров можно судить по факту: львовское Ставропигиальное братство располагало специальной «волошской» церковью, некоторые молдавские феодалы, подобно великому ворнику Нистору, отцу летописца Григоре Уреке, входили в число «братчиков»²⁶. На славянском языке распространялись в княжестве богослужебные книги, завозимые из Болгарии и Сербии.

На славянском языке были написаны и первые оригинальные произведения молдавской литературы, как церковной, так и светской²⁷. Молдавское летописание на славянском языке в XVI в. представлено трудами епископа Макария, описавшего события 1504-1551 гг., игумена Евфимия, осветившего период молдавской истории 1541-1554 гг., и монаха Азария, запечатлевшего для потомков события истории Молдавии третьей четверти XVI столетия. Славяно-молдавское летописание, русское по языку, молдавское по содержанию, положило начало автохтонной литературной традиции, по которой пошло дальнейшее развитие литературы, молдавской не только по содержанию, но и по языку²⁸.

Вместе с тем можно предположить, что как язык устного общения, язык-посредник, облегчавший политические, торговые, церковные и иные связи Молдавии с Киевом, Львовом и Москвой, молдаванами использовался не книжный славянский, а разговорный язык русинов. Только повседневной языковой практикой можно объяснить то обстоятельство, что круг молдаван, владевших русским языком, не ограничивался учеными монахами и писцами господарской канцелярии. Русской речью владела молдавская знать. Стефан I в 1395 г. обещал польскому королю «служить и помогати... со всем посольством Земли Молдавской». Знал русский язык и Стефан III Великий. В почтенном возрасте за 70 лет, в 1503 г., с польским послом он разговаривал по-русски. О Покутье молдавский господарь сказал: «Взял еси ту букату земле, хочу щоби ми ся ней достало». Вероятно, по-русски говорил господарь и в семье. Его вторая жена Евдокия была киевской княжной, а дочь Елена, выйдя замуж за Ивана-царевича, не встретила в Москве языковых затруднений. Говорили по-русски Иоанн-воевода Лютый, два года проживший в Москве и женатый на русской и, судя по их заинтересованному отношению к славянскому летописанию, многие другие господа. Не ведая языковых проблем, жили в Москве сын Иоанна Лютого Иван и сыновья Александра Лэпушняну Стефан и Богдан²⁹.

В церквах и монастырях книжную славянскую речь слышали крестьяне-молдаване. На рынках, от соседей-русинов они усваивали разговорный русинский язык, и многие русинские слова входили в молдавский язык.

Русинские заимствования в молдавском языке

Славянский элемент сыграл свою роль в формировании молдавского языка дважды – в виде древнеславянского и восточнославянского, т.е. русинского. Вопрос об отграничении русинских заимствований, вошедших в молдавский язык, от заимствований из других славянских языков, сложен. Известный молдавский ученый XIX в. Б.П. Хаш-

деу доказал, что 8 из 10 основных сельскохозяйственных терминов в молдавском языке (как и в других восточнороманских языках) – славянского, точнее, русинского происхождения: бороанэ (борона), браздэ (борозда), коасэ (коса), лопатэ (лопата), плуг и т.д. От других восточно-романских языков молдавский отличает наличие некоторых славянских заимствований, в них отсутствующих: греблэ (грабли), гыскэ (гусыня) овэс (овес) и др. Влияние славянских языков отмечено в молдавской фонетике. Общее число восточнославянских элементов – свыше 2000 единиц, 30 процентов основного словарного фонда, придают ему специфику, отличающую его от других восточнороманских языков (румынский, аромунский, истриотский, мегленитский, далматинский)³⁰.

Но какая часть славянских заимствований, вошедших в молдавский язык, почерпнута из языка русинов? Н.Д. Раевский относит к их числу прежде всего молдавские слова, характеризующие состояние и качества человека: *бурлак, згытие, калик, клэпэуг, котоног, хоашкэ, холтей, хыд, хыркэ, шовырног*; природную среду, природные явления: *крушин, лозие, мыл, нэмог, попенкь, прелукэ, промораокэ, рышков, рэстоакэ, хриб, хуч, хучаг, хлей, чолпан, чоркине*. Их заимствование молдаванами, по резонному мнению ученого, можно объяснить только знанием ими русинского языка³¹, что достижимо только при повседневнообщении молдаван с русинами.

Русинские заимствования в молдавском праве

Только длительным молдавско-русинским этнокультурным взаимодействием можно объяснить также восприятие молдаванами славянских социальных и правовых форм. Прежде всего, показательна молдавская крестьянская община, «до деталей» однотипная общине местных русинов. Как и у русинов, у молдаван община несла перед государством коллективную ответственность за преступления, совершенные на ее территории. В Молдавском княжестве и у русинов, и у молдаван штраф, налагаемый за совершенное убийство на общину, назывался *душегубиной*, в то время как в Древней Руси он именовался *виroy*. Обязанность жителей преследовать воров, убийц и других уличенных преступников в пределах сельской общины у обоих этнических сообществ назывался *слид* или *слидогонение*. Аналогичным был у молдаван и русинов и порядок размежевания земельных владений крестьянских общин. Такой же порядок бытовал в Древней Руси, у чехов, сербов и других славянских народов³².

Славянского, т.е. русинского происхождения были у молдаван термины, используемые для наименования крестьянских общин. Если часть их являлась заимствованиями из южнославянских языков – *кэ-тун* (хутор), *сат*, *жудечие* (часть села), *жуде*, *жупын*, *челник* и др., –

то **грэмадэ, кут** (часть села), **прикут** (новое село в пределах рубежей старой крестьянской общины) происходят из древнерусского языка. По мнению Н.Д. Раевского, восприятие этих терминов восточными романцами относится к моменту их расселения восточнее Карпат, где они застали славянское население. Русинского происхождения и наименования выборных должностей в системе общинного самоуправления: **ватав** или **ватамань** (глава сельской общины, избранный крестьянами и утвержденный правителем), **крайник** (выборное лицо, возглавлявшее объединение крестьянских общин)³³.

Славянского происхождения и титул правителя Молдавии – **господарь** (хозяин). Но в данном случае не исключено заимствование у молдаван русским двором. На красной восковой печати, скрепляющей грамоту Ивана III Большого (1497 г.), надпись гласит: «Великий князь Иоан, божиею милостию **господарь** всея Руси»³⁴. Другой титул правителя – **водэ** – представляет собой сокращение от русского «**воевода**». Русского происхождения и наименования ряда придворных должностей.

В силу официального статуса древнерусского (славянского) в княжестве языка назывались по-русски 4 из 8 высших боярских чинов: **стольник** (глава господарской канцелярии), **ворник** (поздняя (XVII в.) форма наименования придворного чина, в летописях XV-XVI вв. он фигурирует как **дворник**, наместник Верхней Страны), **чашиник** (главный виночерпий) и **постельник** (главный начальник господарского двора. Кроме того, по-русски назывались и некоторые боярские чины второго разряда. **Посадником**, как в Древней Руси наместники Владимира Мономаха, а в Московский период - правитель Новгорода, первоначально именовался **пыркалаб** (комендант крепости, правитель города). Должность заведующего княжескими кладовыми называлась великий **клучер**, т.е. **ключарь**. Великий **житничер** заведовал **житницами** господаря³⁵.

Важным каналом славянского языкового влияния была церковь. На церковнославянском языке читались проповеди, а богослужебные термины молдавского языка - **православниче, службэ, утрение, вечерние, а благослови, пречистэ, старец, попэ, влэдикэ, кэлугэр, мэнастире, престол, каделницэ** - молдаване без перевода, лишь адаптировав их к нормам молдавского языка, заимствовали из славянского языка³⁶.

Водэ – суть воевода, **кнез** – это князь, **вел логофэт, вел ворник, бив вел спатарь** – сокращения, а должности **стольника, постельника, чашиника** в переводе на русский не нуждаются. Восточнославянские элементы – слова и славянская структура фразы, используемые только или преимущественно в молдавском языке, как будет показано

далее, придают ему специфику, отличающую его от других восточно-романских языков (румынский, арумунский, истриотский, мегленитский, далматский)³⁷.

Русским словом **бир** именовалась у молдаван дань. В XVI столетии, с установлением в Молдавии османского владычества, для обозначения дани, предназначенной для турок, возник двойной славянско-турецкий термин «**бирул харачулуй**»; на подарки («поклон») султану собирали «**бирул поклонулуй**», а чрезвычайную дань по случаю восшествия на трон нового султана называли «**бирул стягулуй**», (т.е. подарок знамени)³⁸.

Русинская речь и формирование молдавского литературного языка

И, наконец, обилие молдавизмов в славянских текстах грамот и частных писем XV-XVII в., калек с молдавского, изменения родового окончания существительных в соответствии с родом молдавского существительного, другое согласование с прилагательным, замена падежных форм существительных предложными конструкциями, характерными для молдавского языка, свидетельствуют о параллельном с молдавским функционировании русского языка, в том числе и в быту, и о существовании массового молдавско-русинского билингвизма. По мнению лингвиста Н.Д. Раевского, только существованием молдавско-русинского двуязычия можно объяснить включение в молдавский язык многочисленных русинских слов, определяющих состояния или характеристику человека. Тезис о билингвизме и русинов, и молдаван подкрепляется также существованием русинских личных имен с романскими окончаниями³⁹.

Приняв в X веке православие, предки молдаван волохи заимствовали у славян и славянскую графику. В силу культурно-исторических условий, церковной традиции, а также потому, что между фонологическими системами церковнославянского и молдавского языков значительных расхождений нет⁴⁰, в молдавском письме изначально использовалась кириллица. Уже первые книги на молдавском языке - Шкеянская, Воронежская, Хурмузакиевская псалтыри, Воронежский кодекс, а также документы господарской канцелярии, частные письма были написаны кириллицей. Славянскими буквами была набрана и первая печатная молдавская книга «Казания», - выполненный митрополитом Варлаамом перевод со славянского языка «Поучений» Каллиста⁴¹.

Более 300 лет славянский (древнерусский, южнорусский, русинский, русский) язык был в Молдавском княжестве официальным языком, языком богослужения и языком письменным и книжным. Славяно-молдавское двуязычие, сохранившееся в Молдавии и в дальнейшем, было характерной чертой лингвистической ситуации в княже-

стве, а массовое владение славянским языком – этнокультурной особенностью молдаван, отличавшей их от валахов Трансильвании и, отчасти, от мунтян. Оно обусловило и использование молдаванами славянского языка и кириллической графики. Наряду с общностью православной веры, языковая и культурная близость молдаван к восточным славянам была важной предпосылкой формирования восточной геополитической ориентации молдавского народа.

Молдавско-русинский языковой дуализм, существовавший в средневековой Молдавии, был характерен главным образом для русинского населения⁴². Однако наличие в Молдавии многочисленного славянского населения и широкое использование славянского языка в официальной сфере, в богослужении, а русинского – также в бытовом общении придавали стране особый облик, отличавший ее не только от Венгрии и Польши, но и от православной Валахии. Зарубежными современниками Молдавское княжество XIV-XVI вв. воспринималось как двуэтничное молдавско-славянское государство. Страну обособленно называли не только Молдавией, Волошской землей, Богданией, но и Россовахией, Молдославией⁴³.

В XV-XVII вв. радикального нарушения этнодемографического баланса в княжестве не произошло. Если в 1500 г. русины составляли 40% населения, то двумя веками позднее их доля среди населения Молдавии оценивалась летописцами как 1/3. Русины остались большинством в северной части Буковины. Однако молдавско-русинский рубеж в Пруто-Днестровском междуречье от линии Варница-Яссы переместился на север, до пределов бывшей Щепинецкой земли.

Славяно-молдавское этнокультурное взаимодействие было прежде всего русинско-молдавским. Оно было длительным и гармоничным и осуществлялось прежде всего при посредстве повседневного общения. Молдавский язык и молдавская культура в средневековье в значительной степени формировались под влиянием не только книжного славянского языка, но и живой речи русинов Молдавского княжества. Основной словарный фонд молдавского языка вобрал значительное число русинских заимствований. Молдавский этнос является итогом прежде всего волошко-русинского этнокультурного синтеза.

Отсутствие государственного ограждения не помешало русинам Молдавского княжества на протяжении столетий сохранять свою этнокультурную идентичность. Но в период, выходящий за хронологические рамки нашего исследования, значительная их часть перешла к молдавскому языку и молдавскому самосознанию. Можно предположить, что этнокультурная уязвимость русинов была обусловлена отсутствием у них не русинской государственности, а идеологии, ограждающей их этническую идентичность.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: *Бырня П.П.* Сельские поселения Молдавии XV-XVII вв. Кишинев, 1969; *Полевой Л.Л.* Очерки исторической географии Молдавии XIII-XV вв. Кишинев, 1979; *Бырня П.П.* К вопросу о градообразовании в Днестровско-Прутском междуречье (до установления османского ига). // Труды V Международного конгресса славянской археологии. М., 1987. Т. 1. Вып. 2; *Orașul medieval în Moldova. Chișinău, 1997.*
2. См.: Молдаване. Очерки истории, этнографии, искусствоведения. Кишинев. 1977; *Руссев Е.М.* Свет из Москвы. Кишинев, 1981; Его же. Молдавское летописание – памятник феодальной идеологии. Кишинев, 1982; История литературий молдовенешть. Волумул 1. Де ла орижинэ пынэ ла 1840. Кишинэу, 1986; *Раевский Н.Д.* Контактеле романичилор рэсэритень ку славий. Пе базэ де дате лингвистиче. Кишинэу, 1988.
3. *A se vedea: Goța A. Relațiile românilor cu slavii de rasarit pîna la 1812. Chișinău, 1993.*
4. *Раевский Н.Д.* Оп. чит. ПП. 257-259.
5. *Полевой Л.Л.* Очерки исторической географии Молдавии XIII-XV вв. Кишинев, 1979. С. 113.
6. *A se vedea: Уреке Г.* Летописецул Цэрий Молдовой. Кишинэу, 1971. ПП. 66, 70, 118 ш.а.; *Костин М.* Летописецул Цэрий Молдовой де ла Аарон-водэ ынкоаче. Кишинэу, 1972. ПП. 116, 166; *Некулче И.* О самэ де кувинте. Летописецул Цэрий Молдовой. Кишинэу, 1974. ПП. 291, 305.
7. *Степанов В.П.* Труды по этнографии населения Бессарабии XIX – начала XX вв. Очерки истории этнографического изучения бессарабских украинцев. Кишинев, 2001. С. 44, 46, 47.
8. *Суляк С.Г.* Осколки Святой Руси: Очерки этнической истории руснаков Молдавии. Кишинев, 2004. С. 9.
9. *Раевский Н.Д.* Оп. чит. ПП. 232-244; *Суляк С.Г.* Указ. соч. С. 69-81.
10. *Раевский Н.Д.* Оп. чит. П. 242.
11. *Раевский Н.Д.* Оп. чит. П. 234.
12. *Хабургаев Г.А.* Старославянский язык. М., 1974. С. 5.
13. *Яцимирский А.И.* Язык славянских грамот молдавского происхождения. СПб., 1909. С. 1. Цит. по: Молдавия в эпоху феодализма. Том I. Славяно-молдавские грамоты. (XV – первая четверть XVII в.). Кишинев, 1961. С. XI–XII.
14. *Толстой Н.И.* К вопросу о древнеславянском языке южных и восточных славян // Вопросы языкознания. 1961. № 1. С. 52-66.
15. *Раевский Н.Д.* Оп. чит. П. 231.; См. также: Тезисы докладов на Сопещании по проблемам изучения истории русского литературного языка нового времени. М., 1960;
16. *Кантемир Д.* Описание Молдавии. Кишинев, 1973. С. 158.
17. Там же. С. 170, 173.

18. Формирование молдавской буржуазной нации. Кишинев, 1978. С. 83.
19. История литературий молдовенешть. Вол. 3. Де ла орижинь пынэ ла 1840. Кишинэу, 1986. П. 43-44; Формирование молдавской буржуазной нации. С. 837
20. История Молдавской ССР. Т. I. С. 363; *Руссев Е.М.* Свет из Москвы. Кишинев, 1981. С. 73.
21. *Мохов Н.А.* Очерки истории формирования молдавского народа. С. 11; Его же. Молдавия эпохи феодализма. С. 355.
22. *Стати В.* Указ. Соч., С. 108-111.
23. Подробно см.: *Шорников П.* Стефан Великий и формирование Молдавского геополитического проекта. // Мысль [Кишинев]. 2004. № 2 (24). С. 53.
24. *Стати В.* Указ. соч. С. 108-111.
25. *Stati V.* Op. cit. P. 24-34.
26. *Руссев Е.М.* Указ. соч. С. 17.
27. История литературий молдовенешть. Вол. I. ПП. 77, 69-71; *Кирияк В.* Картя ши типарул ын Молдова ын секолеле XVII-XVIII. Кишинэу, 1977. П. 36-50
28. *Stati V.* Istoria Moldovei în date, P. 93.
29. Молдаване. С. 24; *Stati V.* Istoria Moldovei în date. P. 56.
30. Молдаване. Очерки истории, этнографии, искусствоведения. Кишинев, 1977. С. 324, 325.
31. *Раевский Н.Д.* Оп. чит. П. 242.
32. Ибидем. ПП. 243,244.
33. Ибидем. ПП. 239 - 241.
34. См.: Дорогами тысячелетий. Сборник исторических статей и очерков. Кн. 4. Сост.: В. Янков. М., Молодая гвардия. 1991. С. 65.
35. Кантемир Д. Указ. соч. С. 93-104.
36. Молдаване. С. 324,325; История литературий молдовенешть. Де ла орижинь пынэ ла 1840. Вол. 1. Кишинэу, 1986. П. 44; История Молдавской ССР. С. 332,333.
37. Молдаване. С. 326-328
38. *Берг Л.С.* Бессарабия. Страна-люди-хозяйство. Кишинев, 1993. С. 57.
39. *Раевский Н.Д.* Оп. чит. П. 242.
40. Формирование молдавской буржуазной нации. С. 83-84.
41. *Бырия П.П., Руссев Н.Д.* Монеты средневековой Молдавии // *Stratum*. 1999. № 6. С. 183, 199, 201, 229.
42. *Раевский Н.Д.* Оп. чит. П. 242.
43. *Уреке Григоре.* Летописецул Цэрий Молдовой. Кишинэу. 1971. П. 101; Молдаване... С. 27.

Всеволод МЕРКУЛОВ

ОБ ОДНОМ ИЗ НАЗВАНИЙ РУСИ И РУССКИХ В ИСТОЧНИКАХ

Одним из общих названий русских и Руси в средневековых латиноязычных источниках было «рутены» (Ruteni, Rutheni) и производное от него «Рутения». Будучи исключительно книжным термином, интерпретация которого изначально не вызывала сомнений, название Ruteni имело одно значение – русские, население Руси. В договоре с Тевтонским орденом русский князь Даниил Галицкий, например, именовался «*primus rex Ruthenorum*». Наравне с употреблением названия «рутены» для обозначения народа сама страна, как правило, именовалась *Russia*. Так польский хронист Матвей Меховский, описывая в трактате 1517 г. Карпатскую Русь (*Russia*), писал, что «у Сарматских гор живет народ русский (*Ruthenorum*)»¹. Однако в средневековых источниках существовало также название «Рутения», которым обозначали как Московскую Русь, так и другие русские земли, в том числе те, которые входили в состав Польши или Великого княжества Литовского.

Профессор А.Г. Кузьмин справедливо писал, что «Русь» имеет в источниках разные обозначения. В латинской традиции, сохраняющейся и в средневековой литературе, преобладает написание *Rutenia* или *Rhutenia*. В собственно германских источниках это чаще всего *Rugia* со множеством вариантов»².

Сегодня преобладает мнение, что термин Ruteni был заимствован средневековыми авторами именно из римской традиции, в которой так обозначали древнее население области Родез (нынешний французский департамент Аверон). Название Родез сохранялось до конца XVIII в., и только французские революционеры переименовали его в Аверон, но наиболее древним названием Родеза-Аверона было *Segodunum Rutenorum*. Во французском языке по сей день житель Родеза именуется *Ruthenois*.

Зачастую упоминание древних рутенов в источниках сопровождалось эпитетами *Russus Rutheni* и *Flavi Rhuteni*, т.е. *красные, рыжие* или *златокудые*, что можно точнее перевести на русский язык как *русые*. В индоевропейских языках слова *красный, рыжий и русый* однозначно связаны с близкими корнями *rus* и *rut*.

В латыни *gutilus* значит *красноватый, желто-красный, золотистого цвета*. Показательно, что в одном из балтских языков – латышском – осень называется *gudens*, т.е. дословно «красно-золотистое время года». Во французском языке *gousseur* – рыжий, а *gouge* – «красный». Известно, например, что русскую принцессу Анну Ярославну во французских источниках называли Анной Рыжей.

Красный цвет символизировал могущество и воинственность, и упоминание в источниках Руси и руссов зачастую сопровождалось упоминанием эпитета «красный». Средневековые латинские авторы переносили римский термин *Ruteni* на русских с приблизительным смыслом «красные руссы». Кроме того, необходимо учитывать и заметный антропологический признак – русый цвет волос, который также мог определять внешнее восприятие руссов. При этом, как известно, русый цвет обычно называли рыжим, огненно-красным или просто красным.

Обозначение красного цвета и его оттенков в европейских языках этимологически в тоже время прочно связано с воинской тематикой. Так, английское *gusset* – *красновато-рыжий, бурый*, а *roster* – *военный порядок*. В немецком языке *got* – *красный*, а *Rüstung* – *вооружение*. Французские слова *Roussin* – *боевой конь*, *gosser* – *бить* и *gouge* – *красный, злой* явно связаны. В итальянском *guggine* – *ржавчина*, а *rosso* – *красный*. По-шведски *rost* – *ржавый*, *rutin* – *порядок*. А в датском языке слово *ruste* означает одновременно *ржаветь* и *вооружать*.

Близкая этимология позволила, например, некоторым авторам предположить, что руссы были не этнической группой, а всего лишь особым военным сословием. С.А. Гринёв полагал, что название Русь является готским и обозначало военно-конное сословие, от него будто бы произошли немецкие наименования *Russ* (конь) и *Reuter*, позднее *Ritter* (всадник, рыцарь)³. Профессор В.А. Брим считал, что Русь – это скандинавское слово, которое в переводе означает *дружина*⁴. Подобные точки зрения, сохраняясь, скорее, как историографическое наследие, мало что проясняют и в проблеме начала Руси, и в вопросе об истоках российской государственности.

Между тем, сложно говорить о преемственности Руси от древних рутенов, хотя такое предположение существует. Е.И. Классен, связывая начало Руси с временами Троянской войны, писал, что «рутенские» названия во Франции связаны с руссами⁵. Но данная точка зрения также представляется слабо аргументированной и основанной, по большей части, на созвучии названий. В противном случае ее сторонникам придется доказать и отношение к Руси, например, дагестанской народности рутулов.

Рассматривая термин *Ruteni*, В.Н. Татищев отмечал, что «от латин рутены нам имя дано, но неправильное, думаю, потому что имя рутены у Плиния, Птолемея и других известно было. Но Птоломеем указывает их во Франции и главный их город Руезиум; а в *Лексиконе историческом* рассказывает, что оного народа во французской провинции Руверже в Гвиенне город главный Родес, а в латинском донине Рутена именуем, из которого видно, что оное нам латинисты ни по чему, как по подобию только известного им имени, русь в рутены превратили; но притом есть такое сходство, что в латинском рутены, в сарматском русь едино значат»⁶. За неверную интерпретацию Татищев критиковал и далматинского историка Мавро Орбини, который «руссов, в руменов превратив, во Францию на 120 кораблях перевез и населил»⁷.

Но так или иначе в средневековой латыни термин *Ruteni* стал обозначением Руси и русских. Очевидно, название *Ruteni* является самым близким латинским искажением имени «русины» (*Ruszeni*), которое доносят до нас летописи и «Русская Правда». По всей видимости, западноевропейские авторы воспринимали на слух именно название «русины», записывая его в соответствии с особенностями средневековой латыни (при отступлении от классического латинского написания «ци» как «ti»), при котором читаемое «руцины», т.е. «русины», могло быть записано не только как *rutini*, но и как *ruteni* или даже *rutheni*). А.В. Назаренко, который в свое время анализировал группу «русских» этноконов из «Баварского географа», признавал, что *Ruzzi* – это «одно из древнейших упоминаний имени «русь»»⁸.

Однако впоследствии, под влиянием определенных политических обстоятельств, термин «рутены» приобрел двоякую интерпретацию, которая по сей день зачастую встречается в историографии. С середины XIX века власти Австро-Венгрии, пытаясь противодействовать народному движению карпатских русинов, как движению, направленному на союз с Россией, и стремясь разобщить русских, широко распространяли «теорию», что русские в Закарпатье – это не русские, а некий другой народ – рутены. Из этого, видимо, должен был следовать вывод, что у русинов нет исторической причины симпатизировать России и поддерживать ее. Эта мифологема распространялась несмотря на то, что сами русины никогда не называли себя рутенами, но только русскими, русским народом. На позиции т.н. «рутенизма» встала разве что «Головна Руска Рада» – национально-представительный орган русинов, созданный под полным контролем австро-венгерских властей при содействии губернатора Галиции графа Ф. Стадиона.

В 1848 г. в противовес «Раде» было создано общество «Рускій Собръ», которое начало издавать газету «*Dnewnyk Ruskij*». Впоследствии,

в 1866 г., другая русинская газета «Слово» прямо писала, что несмотря на все попытки представить русинов особым народом – рутенами, очевидно, что Карпатская Русь исторически связана и с Киевской, и с Московской Русью.

Вокруг карпатских русинов с середины XIX в. не утихали политические страсти, которые и сегодня ставят области Западной Украины на грань противостояния. К сожалению, в прошлом трагическим итогом австро-венгерской фальсификации вокруг названия Ruteni стали десятки тысяч русских мучеников в концлагерях Талергоф и Терезин⁹. Сегодня же мы обязаны противостоять подобным историческим мифам хотя бы ради того, чтобы не допустить кровопролития в будущем.

Между тем, дословное переложение термина Ruteni на русский язык, порождая путаницу, стало распространяться и в научной литературе. На страницах многих работ наравне с руссами и русинами также появились «рутены», после чего в историографии к сложнейшей проблеме о начале Руси прибавилась и мнимая проблема о происхождении «рутенов», которых некоторые вовсе не отождествляли с Русью.

Со временем противоречие, связанное с различной интерпретацией термина Ruteni, лишь усугублялось. По мнению Г. Ловмянського, например, имя Ruthenia возникло, «вероятно, в Киеве»¹⁰. Стремясь избежать явного противоречия и понимая, что латинское название вряд ли могло появиться у славяноязычных, Ловмянський уточняет, что оно появилось в среде норманнов, «которые с начала IX в. оседали в Киеве»¹¹. Однако и такая трактовка далеко не бесспорна, учитывая, что Ловмянський отождествлял норманнов с варягами. Но в отличие от варягов, выходцев с южного побережья Балтики, скандинавские норманны появились на Руси достаточно поздно (по крайней мере, название Ruthenia в источниках уже существовало)¹².

Очевидно, что рутены – это традиционное латинское название русов. Идет ли речь о Киевской Руси или о какой-либо другой Русской земле, в данном случае можно понять только из самого контекста источника. Профессор А.Г. Кузьмин, пожалуй, первым осмыслил этимологическое родство имени Русь и производных от него (руги, роги, рузы, руцы, рутены), сделав вывод, что руссы разных областей Европы оказываются родственниками¹³.

Таким образом, пора отказаться от дословной интерпретации обозначения Ruteni средневековых латиноязычных источников. Оно существует только в оригинальном тексте произведения, нуждаясь в корректном переводе. Точно так же мы не оставляем неизменным немецкое Deutsch при переводе на русский и не пишем «народ дойч», а переводим это слово как «немцы», «немецкий народ». Аналогично Deutschland не переводится как «страна дойч», а только Германия.

Необходимо стремиться к тому, чтобы понимание источника и его интерпретация были предельно точными. В противном случае ученый рискует породить в своем воображении народы, которых никогда не существовало в истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Матвей Меховский*. Трактат о двух Сарматиях. М.-Л., 1936. С. 95.
2. *Кузьмин А.Г.* Два вида руссов в Юго-Восточной Прибалтике / Сборник Русского исторического общества. Т. 8 (Антинорманизм). М., 2003. С. 193.
3. *Гринёв С.А.* Была ли конница у древних руссов? Киев, 1895. С. 10, 16.
4. *Брим В.А.* Происхождение термина «Русь» // Россия и Запад. Исторический сборник. 1923. № 1. С. 5-10.
5. *Классен Е.И.* Новые материалы для истории славян вообще и славяно-руссов до рюриковского времени в особенности с легким очерком истории руссов до Рождества Христова. М., 1854. С. 270-271.
6. *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 1. М., 2003. С. 354.
7. Там же. С. 407.
8. *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники IX-XI веков. М., 1993. С. 26-31, 41.
9. *Ваврик В.Р.* Терезин и Талергоф. М., 2001.
10. *Ловмянский Г.* Руссы и руги // Вопросы истории. 1971. № 9. С. 47, 50.
11. Там же. С. 51.
12. *Меркулов В.И.* Откуда родом варяжские гости? (Генеалогическая реконструкция по немецким источникам). М., 2005.
13. *Кузьмин А.Г.* Падение Перуна: Становление христианства на Руси. М., 1988. С. 137-138.

**Официальный сайт депутата
Государственной Думы России
Андрея Николаевича Савельева
(фракция РОДИНА):
<http://www.savelev.ru/>**

Иван ГРЕК

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ СРЕДИ БОЛГАР МОЛДОВЫ И УКРАИНЫ В СЕРЕДИНЕ XVIII–XX В.

Данная тема была предметом научного рассмотрения многочисленных исследователей истории болгарских поселенцев в Бессарабии и Новороссийском крае. Среди них Н. Варадинов, А. Скальковский, А. Клаус, Н. Державин, Й. Титоров, Г. Занетов, В. Дякович, И. Мещерюк, С. Бернштейн, С. Дойнов, Е. Хаджиниколова, В. Кабузан, М. Дыхан, В. Наулко, В. Мильчев, С. Пачев, А. Ганчев и другие. Но, как правило, в их работах данная проблема рассмотрена в ограниченных хронологических рамках, либо в пределах локальной географии, или в каком-то одном аспекте демографического процесса. Исключение составляет обобщающая работа И. Грека и Н. Червенкова «Българите от Украйна и Молдова», изданная в Софии в 1993 г. В ней, однако, не могли быть рассмотрены демографические изменения, наступившие среди болгарского населения на постсоветском пространстве после 1991 г.

Ныне демографическая проблема болгар Молдовы и Украины представляет интерес как в этнополитическом ее аспекте, отразившемся в географии их расселения, а также в аспекте того, как демографические процессы сегодняшнего дня отразятся на перспективе сохранения болгарской диаспоры на этнографической карте этих государств. То есть интерес представляет не только то, что было в этнодемографической истории этой прежде единой диаспоры. Не менее интересно и то, что ожидает ее в ближайшие 25–50 лет, после того, как в начале 90-х гг. XX в. по причинам, всем известным, она распалась на несколько частей. Таким образом, объектом нашего рассмотрения является не только этнодемографическая история болгар России / СССР, но и современные демографические процессы в среде болгар Украины и Молдавии, а также оценка возможностей дальнейшего сохранения этих болгарских диаспор.

1. Прежде всего, рассмотрим, что собой представляет образование компактных болгарских поселений на юге Российской империи в се-

редине XVIII – первой половине XIX в. При рассмотрении этой проблемы в научной литературе использовалось понятие «переселение», которое, на мой взгляд, имеет нейтральный смысл, то есть в нем отсутствует содержательная этнополитическая нагрузка. Демографическая наука оперирует другими научными понятиями, в частности, такими, как «эмиграция» и «миграция». Первое отражает перемещение населения из границ одного государства на территорию другого или других государств. Эмиграция бывает добровольной, вынужденной и насильственной (депортация). В качестве примера добровольной эмиграции укажем на эмиграцию бессарабских болгар в Бразилию в 1925 г. Что же касается насильственной эмиграции, то ее признаки мы находим в 1860–1861 гг., когда значительная часть населения бессарабских болгарских колоний, переданных в 1856 г. под юрисдикцию Молдавского княжества, бежала в Приазовье.

Исход болгарского населения за пределы исторической родины, а также за пределы Османской империи имеет все признаки вынужденной эмиграции. В нынешних геополитических реалиях такая эмиграция могла бы быть определена как гуманитарная катастрофа. Отдаленные для истории Болгарии после 1878 г. признаки этнонационального демографического кризиса присутствовали на протяжении почти полутора веков существования третьего по счету болгарского государства. Историки обращали внимание на отрицательные последствия оттока этнических болгар с их исторической родины. Однако они указывали прежде всего на негативное влияние эмиграции на культурные, церковные и политические процессы Возрождения болгарской государственности и болгарского этноса.

О вынужденном характере эмиграции болгар и гагаузов из болгарских земель в южный регион Российской империи свидетельствуют причины, обусловившие массовое их бегство за пределы Родины и Османской империи. Они были двух категорий. Одна – это преследование болгар и гагаузов османскими властями за: а) участие в вооруженной борьбе против турок, б) участие в русско-турецких войнах на стороне русской армии и оказание помощи русской армии продовольствием и фуражом, в) приверженность православной вере.

Имелись и экономические причины эмиграции. Но османские власти не гарантировали экономической безопасности прежде всего хозяйствующим субъектам, представляющим немусульманское население. Следовательно, эмиграцию болгар и гагаузов в Россию, вызванную этими причинами, нельзя признать чисто трудовой.

2. С точки зрения этнодемографических процессов, протекавших в их среде, в 250-летней истории болгар юга Российской империи можно выделить несколько этапов. **Первый этап** характеризуется эмигра-

цией болгар из болгарских земель в пределы территории, отвоеванной Россией у Османской империи. Он охватывает середину XVIII в. – 1861 г. **Второй этап** можно определить как **миграционный**. Он начался в 30-х гг. XIX в. и завершился примерно через 100 лет, к 1930 г. **Третий этап** имел смешанный характер, **эмиграционно-миграционный**. Его начало восходит к 1925 г., а конец приходится на начало 1990-х гг. и связан с распадом СССР. **Четвертый этап** имеет нижнюю хронологическую дату – середина 90-х гг. прошлого столетия, но еще не завершен.

Хронологический «захлест» между первыми тремя этапами объясняется их разной направленностью миграционных движений. В одном случае это эмиграция, в другом – миграция, а в третьем – смешанная форма миграционного процесса. Видимо, мы имеем дело с объективной последовательностью развития демографических реалий, характерных и для образовавшихся на юге России болгарских диаспор.

3. Особенность первых двух этапов демографической истории болгар юга России состоит в том, что сформировавшиеся регионы компактного их заселения в этническом отношении не были чисто болгарскими. В пределах Бессарабского болгарского водворения кроме собственно болгар проживали молдаване, гагаузы, албанцы (Каракурт), украинцы (Ферапонтьевка). В одесских (херсонских) болгарских колониях определенную часть населения составляли греки. В колонии приазовских болгар власти подселяли русское и украинское население. Отсутствие межэтнических границ ускоряло естественные ассимиляционные процессы в границах территорий компактного проживания болгар. Известно также, что во многих гагаузских колониях имелись «махалы» с болгарским населением, которое со временем было ассимилировано гагаузами. Ассимиляция была достаточно легкой, поскольку болгары отличались от гагаузов только языком общения. Понятно, что в тех болгарских колониях, в которых гагаузы были меньшинством, они были ассимилированы болгарским большинством. Болгары и гагаузы сохраняют свою идентичность в тех селах, в которых они представлены примерно в одинаковых пропорциях (Кирсово, Кубей). В Комрате в начале XX в. соотношение между гагаузами и болгарскими составляло 2 : 1. Менее чем за 100 лет число болгар здесь сократилось до минимума.

4. Выделим также особенности этнодемографических процессов среди гагаузов. Этническая их близость к болгарам не играла никакой роли в процессе их этнокультурной консолидации. Компактное их проживание в Буджаке и языковая специфика постепенно привели к тому, что они стали идентифицировать себя отдельно от болгар. К этнокультурной специфике гагаузов относится более высокая, чем у болгар,

рождаемость и более быстрый рост численности населения в гагаузских селах, а также большая невосприимчивость гагаузов к ассимиляции.

Перейдем к характеристике каждого из вышеназванных этапов этнодемографической истории болгарских поселенцев Украины и Молдавии.

5. Первый этап. Середина XVIII в. как верхняя его граница объясняется тем, что именно тогда были созданы условия для появления первых болгарских поселений в Новороссийском крае. Но они возникли в рамках общебалканской эмиграции на юге России. Она была обусловлена борьбой балканских народов против Османской империи и их поддержкой в то время также со стороны Австрии. Образование болгарских поселений в составе Славяносербии и Новосербии происходило посредством вторичной эмиграции этнических болгар, в том числе и македонцев, из Австрии в Россию – это вторая особенность эмиграции болгар 1750-х годов. Еще одна особенность эмиграции того десятилетия состоит в том, что она обозначила водораздел между эмиграцией болгар, носивший индивидуальный характер (болгары в составе нежинских греков), и массовой эмиграцией, положившей начало образованию компактных болгарских поселений. Хотя болгарские поселения в Славяносербии и Новосербии не сохранились, именно они открыли возможность для возникновения других компактных болгарских поселений. Они известны в исторической литературе как бессарабские, одесские (херсонские), крымские и приазовские болгарские колонии.

Особенность образования одесских и крымских болгарских поселений состоит в том, что они явились результатом эмиграции болгар непосредственно из болгарских земель. Приазовские же болгарские поселения возникли в ходе вынужденной эмиграции части населения из болгарских колоний в Бессарабии, включенных в 1856 г. состав Молдавского княжества. Приазовские болгарские поселения создавались бессарабской болгарской эмиграцией как компактный болгарский регион. Им присваивали названия тех колоний, из которых болгарские колонисты бежали.

Болгарская эмиграция, сложившаяся в последней трети XVIII в. – первом десятилетии XIX в. Крыму и Херсонской губернии, не создала компактного болгарского региона по типу бессарабского или приазовского. Более того, некоторые поселения были этнически неоднородны, наряду с болгарам в них проживали греки и, возможно, гагаузы. Тем не менее, преобладание в них этнических болгар обусловило со временем ассимиляцию проживавших совместно с ними этнических групп. А нахождение болгарских поселений в ведении Попечительно-

го комитета о колонистах южного края России обеспечило этническое выживание болгар.

Численность бессарабских болгар и гагаузов к моменту присоединения Буджака к России в 1812 г. составляла 25 тыс. человек. Из них, так называемых «старых болгар», то есть тех, кто поселился в крае до русско-турецкой войны 1806–1812 гг., было 4 тыс. «Новые болгары», эмигрировавшие в ходе этой войны и сразу по ее окончании и поселившиеся здесь, восходили к 21 тысяче. К некоторой части «старых болгар» применимо понятие «трудовая миграция», поскольку они мигрировали из болгарских земель на территорию, находящуюся в границах Османской империи. Но среди них были и такие болгары, которые подвергались преследованию со стороны османских властей и вынуждены были покинуть болгарские земли и поселиться на буджакской окраине Османской империи.

Болгарские поселения на юге Российской империи возникали, как правило, после русско-турецких войн 1768–1774, 1787–1791, 1806–1812, 1828–1829 гг. Эмиграция болгар сюда была обусловлена также кирджалийскими неурядицами конца XVIII – начала XIX в. Небольшая эмиграция имела место в середине 1830 г., когда Силистра была возвращена Россией под управление Порты (по итогам войны 1828–1829 гг. крепость и прилегающая территория с рядом населенных пунктов находились под управлением России до выплаты Портой контрибуции как потерпевшей в войне поражение). После этого новых болгарских поселений в Буджаке не возникло. Были еще две массовые эмиграции, в 1854 и 1861 гг. От первой из них в Бессарабии оставались, как правило, бывшие участники волонтерских отрядов, сражавшихся на стороне русской армии. Но они отдельных поселений не создали. Остальные болгары, размещенные российской администрацией в бессарабских болгарских колониях, возвратились в Болгарию в 1855 г. Видинская эмиграция 1861 г., проходившая в мирное время, оставила в пределах России только одно поселение – Кърджали в районе Крымского перешейка. Как известно, видинские болгары возвратились на родину. Две последние эмиграции проходили в особой политической обстановке в болгарских землях. Османские власти, встревоженные массовым исходом болгар еще в 1830 г., изменили свою политику по отношению к болгарам, высказывавшим симпатии к России. Они готовы были тогда обсуждать даже возможность образования в Добрудже автономии для реэмигрантов-болгар из России и Дунайских княжеств.

Одна из важнейших особенностей эмиграционного периода в демографической истории Болгарии эпохи Возрождения состоит в том, что массовый исход болгар из-за Дуная происходил тогда и в то время,

когда российская политика не приводила к освобождению Болгарии от власти османов и образованию болгарского государства. Национально-освободительное движение болгарского народа приближало момент его создания. Рост политической сознательности болгар, их нацеленность на сохранение этнической идентичности и достижение политического суверенитета родины обусловили невозможность массовых миграций болгар из-за Дуная на заключительном этапе болгарского Возрождения. Эта тенденция проявилась даже во время Крымской войны и в 1861 г. Кроме того, существенное значение имело и то обстоятельство, что видные деятели болгарского освободительного движения теперь решительно противились такой эмиграции (Г. С. Раковский), в отличие от прежнего времени, когда они организовывали массовые эмиграции (И. Селимински).

Таким образом, примерно за 100 лет болгарская эмиграция основала на юге России свыше 80 поселений: в Бессарабии, в Крыму, в Приазовье, в районе Одессы, Херсона, Николаева и между Тирасполем и Бендерами (Парканы). Рост населения в колониях происходил главным образом в результате новых массовых миграций болгар из-за Дуная. Но по мере обустройства болгар-эмигрантов на новой родине численность населения начала возрастать также за счет естественного прироста. Необходимо отметить, что до середины XIX в. социально-экономическое и правовое устройство болгар-колонистов на юге России обеспечивало существенное расширенное воспроизводство болгарского населения в колониях. В переписях населения, осуществлявшихся в этих колониях с 1818 по 1859 год, приводятся сведения о ревизских семьях, насчитывавших по 25–30 и даже по 45–50 человек.

Показательны статистические данные о росте численности болгар юга России. Перед русско-турецкой войной 1828–1829 гг. бессарабских болгар и гагаузов насчитывалось 26679 человек (данные В.М. Кабузана). В 1835 г. их численность возросла почти до 61 тыс. (Грек И., Червенков Н.). Резкое возрастание их численности связано с новой волной иммиграции из-за Дуная в 1828–1830 гг. Согласно данным В.М. Кабузана, в середине 50-х гг. XIX в., то есть до раздела Буджака на Парижской мирной конференции 1856 г., в Бессарабском болгарском водворении проживали 82295 человек. Тогда же в Херсонской губернии числилось 12631 человек, а всего – 94926 человек. Если к ним прибавить крымских болгар, то получим 100 тыс. человек. Но кроме болгар и гагаузов в болгарских колониях, как отмечено, проживали также молдаване, греки, албанцы, украинцы.

Всероссийская перепись населения 1897 г. впервые более или менее четко определила численность этнических болгар, проживавших в России – 170 тысяч, из них бессарабских болгар было 103492 чело-

века. Добавим к ним 57045 гагаузов и получим 160537 человек. Численность бессарабских болгар и гагаузов с 1812 г. возросла почти в 6,5 раза. И это без учета эмиграции в Приазовье части болгар из южного участка Бессарабии, находившегося в 1857-1878 гг. в составе Молдавского княжества / Румынии. Численность болгар Новороссийского края возросла примерно в 5 раз.

6. Второй этап. Мы определили его как миграционный в связи с тем, что в указанные хронологические рамки чуть менее чем в 100 лет главным фактором роста численности болгар юга России были миграционные процессы. Это не значит, что не было эмиграции болгар в пределы России или, как и на первом этапе, не было их реэмиграции за ее пределы. Но эти процессы были второстепенными, и они существенно не повлияли на численность болгарского населения в России.

В миграционном процессе болгар России можно выделить два направления. Первое направление появилось в дореформенной их истории. Оно было обусловлено феодальным характером аграрных отношений в колониетской деревне и социально-правовым положением ее населения. Вечное потомственное общинное пользование надельной землей, неделимость участков земли, наделение вновь образовавшихся семей участками из резервной земли, а также особое автономное управление колониями в рамках Попечительного комитета о колонистах южного края России обеспечивали на первых порах хозяйственно-экономическое развитие болгарских колоний и определенное благополучие их населения. Все это лежало в основе демографического взрыва, наступившего вскоре после основания болгарскими эмигрантами своих поселений. Его результатом стало перенаселение колоний и недостаток земли для наделения земельными участками новых семей. Это имело место, прежде всего, в колониях, основанных болгарскими еще в начале XIX в., а также в тех поселениях, возникших на рубеже 20-х – 30-х гг. того же столетия, в которых не хватило выделенной земли для наделения всех колонистов 50 десятинами на одну семью.

Из имеющихся документов, частично введенных в научный оборот, видно, что вначале шло переселение безнадельных болгар-колонистов из так называемых одесских болгарских колоний в пределы Бессарабского болгарского водворения. Затем этот процесс охватил и те колонии болгар в Бессарабии, которые ощущали земельный голод. Миграция безнадельных колонистов-болгар из одной болгарской колонии в другую улучшало социально-экономическое положение населения в целом и благотворно влияло на рождаемость. Была еще одна важная причина для передвижения болгар-колонистов в этнических границах своих колоний. В одних болгарских колониях численность

мужского населения, особенно репродуктивного возраста, существенно превышала численность населения женского пола этого же возраста. Новые семьи часто создавались молодыми людьми, относившимся к сельским общинам разных колоний, отстоявшим друг от друга даже на значительном расстоянии.

Особенностью миграции крымских болгар, особенно остро чувствовавших земельный голод, со второй половины 1850-х гг. являлось образование дочерних поселений. Это было обусловлено тем обстоятельством, что после Крымской войны часть татарского населения полуострова переселилась в пределы Османской империи. В Крыму появилось много свободных земель, а помещичьи земли остались без рабочей силы. Царское правительство наделяло новых переселенцев из других регионов России земельными участками и улучшало землеобеспеченность сельских жителей Крыма, в том числе и местных болгар.

Образование дочерних поселений бессарабскими и так называемыми одесскими болгарами началось после аграрной реформы, проведенной в колониях в 1871 г., хотя начало этого процесса отмечено десятилетием ранее. И в этом случае переселение крестьян из старых болгарских колоний в новые было вызвано недостатком земли по причине роста численности болгарского населения на юге России. Новые поселения бессарабских болгар возникали, как правило, на землях, ранее принадлежащих помещикам. Вначале болгары арендовали эти земли, а затем постепенно приобретали их в собственность. Такие села основывались как болгарскими односельчанами, так и выходцами из нескольких болгарских поселений. Кроме основания новых сел практиковалось также подселение болгар в уже существующие иноэтнические села, располагавшие свободным земельным фондом. Но в Бессарабии, а ранее и в Крыму это происходило в границах территории, прилегавшей к компактным болгарским поселениям. У призывских и так называемых одесских болгар такая форма расселения не была принята.

Образование новых болгарских поселений в Бессарабии и в Крыму приводило к расширению первоначальной территории компактного проживания болгар, а не к их территориальному рассредоточению и этническому размыванию. Но в начале XX столетия, во времена столыпинской реформы, миграции бессарабских болгар вышли далеко за пределы регионов первоначального расселения. Часть болгар с юга России переселилась в Сибирь, на Северный Кавказ. Эта эмиграция не замедлила роста численности болгарского населения в местах его компактного проживания, но и не привела к образованию других регионов компактного проживания болгар. Такими же были демографи-

ческие последствия миграции болгар в города юга России. Однако среди болгар-переселенцев ассимиляционный риск был значительно больше, чем в традиционных регионах компактного их проживания. Поэтому как одно, так и другое переселение создавали предпосылки замедления темпов роста численности болгар в России,

Ремиграция потомков болгар-первопоселенцев в пределы исторической родины в 70–80-е гг. XIX в. была численно незначительна. Однако она затронула образованный слой болгарского населения России. Хотя мы гордимся вкладом, который внесли представители бессарабских болгар в строительство третьего Болгарского государства, следует признать, что их ремиграция негативно сказалась на этнокультурном развитии болгар России в следующем столетии.

Большое влияние на демографическую ситуацию в болгарских поселениях юга России оказали военно-политические и общественно-политические события первой четверти XX в. Русско-японская и первая мировая войны, русские революции 1905–1907 и 1917 гг., гражданская война 1918–1920 гг. и захват Бессарабии Румынией в 1918 г. отрицательно сказались на этнодемографическом состоянии болгар России. Войны, особенно первая мировая, проглотили значительную часть молодых болгар-мужчин репродуктивного возраста. В годы революций и гражданской войны много болгар молодого возраста подверглись гонениям и репрессиям, часть из них погибли в их горнилах. Военная интервенция Румынии в Бессарабию в январе 1918 г. не только отрезала путь к возвращению в родные села многим болгарам-участникам революционной борьбы, но и оторвала от болгар России самую многочисленную их часть – бессарабскую.

В указанный период имел место лишь небольшой приток болгар из-за Дуная в пределы Российской империи. Речь идет о так называемых огородниках. Эта эмиграция имела четко выраженный трудовой характер. Ее специфика состояла в том, что она по определению не способна была ни усилить этнический демографический ресурс болгарского населения юга России, ни создать условия для сохранения идентичности этих болгар-переселенцев.

Таким образом, естественный прирост и миграционный приток в целом обеспечил наращивание этнического потенциала болгар юга России в XIX и первой трети XX в. Этому не воспрепятствовали даже негативные демографические последствия политических и экономических потрясений. Они лишь затормозили и стабилизировали на определенном уровне темпы прироста болгарского населения, отрицательно сказались на его возрастной структуре, но не повлияли существенно на его репродуктивный потенциал.

7. Третий этап (1925–1991 гг.). Он характерен тем, что прежде единая болгарская диаспора России на целых четверть века была разорвана оккупацией Бессарабии королевской Румынией. Его четкие хронологические рамки обусловлены голодом 1925–1927 гг. в Бессарабии, стимулировавшим эмиграцию местного болгарского населения в Бразилию, и распадом СССР в 1991 г.

Ухудшение политико-правового положения бессарабских болгар после 1918 г. не отразилось на процессе основания ими новых дочерних поселений. В целом не прекратилась и миграция болгар. Изменилось лишь ее географическое направление – с Востока на Запад.

С точки зрения демографического положения, этот этап можно разделить на два периода: первый период охватывает 1925–1949 гг., второй – 1950–1991 гг.

Первый период можно определить как экстремальный, резко отрицательно отразившийся на численности болгарского населения и на его репродуктивном потенциале. Если говорить о положении бессарабских болгар в составе Румынии, то на такое негативное развитие этнодемографического процесса повлияли голодные 1925–1927, 1932 – 1933, 1935 - 1936 годы в Бессарабии, 1940, 1941–1944 годы второй мировой войны. Для советских болгар в Украине, а с 1940 г. и в Молдавской ССР тяжелые времена наступили в 1932–1933, 1941, 1944–1945, 1946–1947, 1948–1949 гг.

Голод, экономический кризис и репрессии этнополитического характера обусловили эмиграцию бессарабских болгар в Бразилию в 1925 – 1926 гг. Голодомор 1932 -1933 гг. среди приазовских болгар и 1946-1947 гг. – среди бывших до 1940 г. бессарабских болгар привели к гибели десятков тысячи болгар в Украине и Молдавии. Раскулачивание в 30-40-х гг. приазовских и крымских болгар и болгар юга Молдавии и Измаильской области Украины, политические репрессии 1937 г., а также высылка советскими властями в 1941 г., накануне войны, многих мирных граждан болгарской национальности, преследование их румынскими оккупантами, депортация крымских болгар в июне 1944 г., мобилизация бессарабских болгар в трудовые армии Румынии в 1944 г., а затем СССР в январе 1945 г. – все это приводило к сокращению численности советских болгар в местах компактного проживания, создавало предпосылки ассимиляции значительной их части. Такая же трудовая мобилизация была проведена и среди крымских болгар до их депортации. Советские болгары Приазовья, Крыма и Одесщины депортировались во время войны немецкими властями для работы в Германию. Около 1,5 тысяч болгар Приазовья и Крыма в 1943 г. выехали в Болгарию; после войны их депортировали в Таджикистан.

Миграция, эмиграция, насильственное перемещение большого количества болгарского населения, голодомор, трудовые мобилизации военных лет – все это привело к существенному сокращению численности болгарского населения Украины и Молдовы, распылению значительной его части по территориям РСФСР, Казахстана, Таджикистана, а также Бразилии, Румынии (после 1943–1944 гг.). Из-за изъятия из болгарских поселений Молдовы и Украины мужского населения репродуктивного возраста в трудовую армию возникла проблема роста численности болгарского населения в СССР. Кроме того, эта мобилизация привела к искусственному разделению болгарских семей, многие из которых так и не воссоединились, превратившись в неполные семьи. Потребовалось время, чтобы как-то сбалансировать состав населения по полу и возрасту, чтобы восстановить рождаемость. В послевоенные годы это достигалось также посредством перемещения украинского населения из западных областей Украины в регион компактного проживания болгар – в Измаильскую область республики. Таким образом, именно тогда в моноэтнические на 97–100% болгарские поселения подселили на постоянной основе иноэтническое население. В дальнейшем это явление приобрело устойчивый характер. Начали появляться смешанные браки и полноценные смешанные семьи. Однако до середины XX столетия это не приводило к размыванию здесь идентичности болгар, так как среда обитания этих семей оставалась чисто болгарской.

Вместе с тем, географическое рассредоточение болгарского населения по экономическим, военно-политическим и репрессивным причинам приводило к сокращению численности компактных болгарских поселений и к уничтожению некоторых из них. Так, эмиграция бессарабских болгар в Бразилию не привела к образованию там болгарской диаспоры. Сами эмигранты сохранили свой язык, но их дети и внуки утратили болгарскую идентичность.

Депортация крымских болгар имела своим плачевным последствием их исчезновение с этнографической и географической карт Украины. А административная граница между УССР и МССР, проведенная в 1940 г. после возвращения Бессарабии в состав СССР, разделила бессарабское болгарское население на две части. Тем самым были созданы предпосылки для их разновекторного этнологического (социолингвистического и социокультурного) развития, возможного даже в рамках федеративного государства. Отрицательные последствия такого раздела обнаружатся в полной мере на последнем этапе этнодемографической истории болгарского населения Украины и Молдовы.

Таким образом, вторая четверть XX столетия была наиболее сложной и трагической в истории болгарского населения на территории

современных государств Украины и Молдовы со времени их эмиграции из Болгарии. Демографические потери среди него были таких масштабов, что на их устранение требовались десятилетия при условии сохранения прежних темпов ежегодного прироста населения.

Второй период (1950–1991 гг.), в отличие от первого, характеризуется до 1989 г. отсутствием влияния природных катаклизмов, хотя они и были, и политических потрясений на жизнь болгарского населения Украины и Молдовы. Однако улучшение социально-экономического положения болгарской диаспоры в СССР по сравнению с 1925–1949 гг. сопровождалось падением в ней рождаемости и ростом численности городского болгарского населения за счет сельского. Эти два демографические фактора обусловили сокращение доли сельского болгарского населения в общей массе диаспоры и его старение, с одной стороны, и ускоренную утрату болгарской идентичности городскими и дисперсно расселенными этническими болгарскими. Следовательно, в этот период не мог иметь место демографический рост болгарского населения в СССР, сопоставимый с таковым его ростом в XIX в. Более того, ассимиляционные процессы проникли и в среду болгар, проживавших в сельской местности. Особенно ощутимо они развивались среди приазовских болгар. К концу этого периода в их селах поголовно разговаривали на русском языке, а учащаяся молодежь не владела или слабо владела родным языком в его диалектной форме. Росла численность болгар, считавших русский язык родным и среди болгар Украины и Молдовы. Вместе с тем, болгарский облик сел прежней Бессарабии все же сохранялся.

Обратимся вновь к статистике, чтобы наглядно представить, как отразились бурные события XX в. на демографическом положении болгар России / Советского Союза. Данные переписи о численности болгарского населения таковы: 1897 г. – 170 тыс., 1959 – 324 тыс., 1970 – 351 тыс., 1989 – 361 тыс., 1989 – 373 тыс. Темпы роста болгарского населения между 1897 г. и 1959 г. (за 62 г.) снизились с 5 – 6,5 раза до 1,9 раза, то есть в 2,5 – 3,4 раза. Темпы роста этого населения за 30 последующих лет (1959–1989 гг.) составили всего 11,1%. Если взять за это время численность болгарского населения только по Молдавской ССР и темпы его роста, то здесь демографическая ситуация среди болгар несколько благоприятнее, чем в целом по Союзу. Так, численность болгар в МССР составила в 1959 г. 61652 человека, в 1970 – 73776, в 1979 – 80419 и в 1989 – 88419 человек. За 30 лет численность болгар в республике возросла в процентном отношении на 43,4%.

Причины резкого падения темпов роста численности болгар в СССР кроются в военных, политических и социальных процессах периода

1925–1949 гг., в сокращении рождаемости и ускорении насильственной и естественной ассимиляции болгарского населения, включая и сельскую его составляющую.

Необходимо отметить, что угроза болгарской идентичности среди болгар Молдовы и Украины была замечена некоторыми представителями интеллигенции (с национальным самосознанием) болгарского происхождения. Проблема национально-культурного развития советских болгар выдвигалась ими перед вышестоящими советскими и партийными органами Москвы, Киева, Кишинева, Одессы, Запорожья, начиная со второй половины 40-х гг. XX столетия. Усиление требований национально-культурного характера возросло на рубеже 80–90-х гг. прошлого столетия, охватив более широкий круг болгарской общественности в Украине и Молдове. Бурные общественно-политические процессы на всем пространстве СССР заставили партийное руководство страны и союзных республик пересмотреть свои подходы к этой проблеме, в том числе и по отношению к болгарам Советского Союза. Однако дезинтеграционные процессы в стране развивались так стремительно, что серьезные проблемы национально-культурного плана среди меньшинств были отодвинуты на второй план.

8. Четвертый этап своим началом имеет распад СССР в 1991 г. К этому моменту болгарская диаспора Советского Союза – мы имеем в виду ее сельскую компактную часть – проживала на юге Украины (главным образом, в Одесской и Запорожской областях), на юге Республики Молдова. Что касается дисперсной ее части, то она была рассредоточена во многих союзных республиках, но большинство проживало в РФ, Казахстане, Таджикистане. Эта часть болгарской диаспоры образовалась в результате репрессий 30–40-х гг. прошлого столетия, мобилизации в трудовую армию в 1945 г. и трудовой эмиграции в последующие десятилетия существования Советского Союза.

Перед заключительным, четвертым этапом развитие демографических процессов среди болгарской диаспоры СССР характеризовалось двумя факторами, влиявшими существенно на идентичность, компактность и численность этой диаспоры. Во-первых, это рост численности городских болгар за счет сельских. Во-вторых, это возрастание ассимиляции во всех составляющих болгарскую диаспору – дисперсной, городской и компактной сельской. Их было достаточно, чтобы в условиях отсутствия национально-духовных образовательных компонентов болгарская диаспора сокращалась численно и постепенно таяла на этнографической карте СССР.

Распад Советского Союза, в принципе, на законодательном уровне решил проблему национально-культурного развития болгар в Украине и Молдове. Однако теперь серьезная угроза для их этнокультурной

безопасности неожиданно пришла с другой стороны. Ухудшающееся их социально-экономическое положение, особенно среди болгар, проживающих в сельской местности, обусловило их эмиграцию за пределы Украины и Молдовы, а также миграцию из сельской местности в города этих стран. Если говорить об эмиграции болгар Украины и Молдовы, то она распространилась на Болгарию как историческую родину, на страны Западной Европы, в том числе и не входящих в ЕС, а также на Россию, Турцию, США и Канаду.

Следует подчеркнуть, что наложившийся на процесс глобализации переходный период на постсоветском и постсоциалистическом пространстве, который протекает в условиях фактически насильственно задействованного аграрного перенаселения, обуславливает резкое сокращение за ограниченный промежуток времени численность сельского населения в Украине и Молдове. Отягчающим с 1991 г. обстоятельством демографической катастрофы в болгарской диаспоре является резкое сокращение в ней рождаемости и такое же резкое возрастание среди них смертности. Это привело к значительному сокращению болгарского населения в сельской местности этих стран. Как известно из опыта, городские болгары Украины и Молдовы, не говоря уже о тех, кто эмигрировал за их пределы, не способны по определению удержать свою этническую и языковую идентичность и передать ее по наследству детям и внукам. **Следовательно, можно предвидеть, что еще через 15–25 лет существование компактной болгарской диаспоры в Молдове в целом, в сельской местности, в частности, будет поставлено под вопрос, а на Украине этот процесс может занять чуть больше времени, но результат будет тот же.**

Подкрепим этот вывод демографической статистикой, извлеченной из переписи населения в Республике Молдова в 2004 г. (без Приднестровского региона Молдовы). На правом берегу Днестра численность болгарского населения составила 65662 человека. По сравнению с переписью 1989 г. оно сократилось на 7827 человек, или на 11%. Это общие данные, но конкретная статистика по каждому болгарскому населенному пункту Молдовы и Украины просто угнетающая. Болгарские села здесь умирают: много дворов полностью опустели, во многих остались по 1–2 старика, доживающих свой век; молодежь после окончания учебы в общеобразовательной школе уезжает в город на учебу, на работу и обратно в село не возвращается; очень низкая рождаемость и очень высокая смертность. В результате, на сегодняшний день дочерние болгарские села с небольшой численностью населения практически остались без жителей. В тех селах, в которых в начале XX столетия проживали до 3–4-х тысяч болгар, через 100 лет число жителей сократилось в 2–3 раза. В больших болгарских селах с насе-

лением, в советское время составлявшим свыше 5 тыс. человек, многие жители охвачены трудовой миграцией. Они пока числятся жителями Кортена, Валя-Пержей, Твардицы, Тараклии, Кайраклии, но по мере обустройства по месту миграции или эмиграции выезжают из этих и других сел вместе с семьями.

Из 65662 болгар правобережья Молдовы 29447 (45,1%) проживают в городах республики. Из них болгарский язык признали родным 20386, или 69,2%. Сельское болгарское население по переписи 2004 г. составило 36215 человек, или 54,9% от общего их количества. Болгарский язык указали родным 32615 человек, или 90,5%. Таким образом, надежда на сохранение болгарской диаспоры в Молдове связана только с ее сельским населением, а оно, как было показано выше, катастрофически сокращается. Его численность достигла того критического уровня, который в объективных и широкомасштабных нынешних демографических реалиях ставится под вопрос способность сельского болгарского населения воспроизвести себя.

У гагаузов Молдовы правого берега Днестра, которых по переписи 2004 г. числилось 147500 человек, ассимиляционные процессы выглядят следующим образом. Из 53613 человек городских жителей 45656 (87,2%) указали родным языком гагаузский. Среди сельских жителей гагаузов (93887 человек) родным языком указали гагаузский 90499 человек, что составляет 95,3%. Относительно гагаузов Молдовы следует подчеркнуть, что среди них процент городского населения ниже (36,7%), чем у болгар, но у них и города гагаузские (Комрат, Чадыр-Лунга, Вулканешты). Эмиграция у гагаузов также носит специфический характер. Они выезжают на работу главным образом в Турцию (женщины) и Россию (мужчины), не меняя место жительства. По сравнению с переписью 1989 г. численность гагаузского населения Молдовы в абсолютных цифрах практически не сократилась. У гагаузов Молдовы большая привязанность к малой родине, к своей идентичности и ее главным признакам, к своей семье и родственникам, чем у болгар Молдовы и Украины. Следовательно, и отток молодежи гагаузской национальности существенно меньший, чем у болгар. А это указывает на перспективу преодоления ими демографических проблем.

Что же касается болгар Молдовы и Украины, то здесь наблюдается иная картина. Набиравшие с 1925 г. динамику глобальные, региональные социально-экономические и политические изменения, а также геополитические трансформации в этой части Юго-Восточной Европы привели к тому, что просуществовавшая компактно более 250 лет болгарская диаспора России / СССР, а теперь Украины и Молдовы поставлена перед угрозой этнического и этнокультурного исчезновения. **Отсюда следует вывод о том, что вынужденный политичес-**

кими обстоятельствами эмиграционный эксперимент по автономному, вне исторической Родины, существованию указанной болгарской диаспоры, поставленный нашими предками, имеет все шансы завершиться отрицательным результатом. Как это случилось с православной болгарской диаспорой в Румынии, Бразилии, Сербии.

9. Здесь я бы хотел поставить точку в анализе исторического процесса этнодемографического положения болгарской диаспоры Украины и Молдовы и перейти к политологической части рассмотрения заявленной темы, к прогнозу относительно возможных вариантов развития этнодемографической ситуации в среде болгарского населения в новых государствах Юго-Восточной Европы, Украине и Молдове.

Разумеется, необходимо радикально решать проблему роста рождаемости и сокращения смертности среди болгар Украины и Молдовы. Но даже при этом проблема выживания болгарской диаспоры в этих странах остается. Она упирается в проблему сельского населения в этих странах, в том числе и болгарского. Суть этой проблемы в том, что индустриальная и постиндустриальная модели развития либеральных демократических государств характеризуются сокращением доли населения, занятого в сельском хозяйстве, в среднем до 4–10 % от общей его численности в стране. Следовательно, если ничего не предпринимать, то тогда объективный процесс становления индустриальной и постиндустриальной цивилизаций в Молдове и Украине уничтожит болгарское село в том виде, в каком оно развивалось 175–250 лет и ныне все еще сохранилось, хотя следы его разрушения видны на каждом шагу.

Другая проблема имеет этнопсихологическую основу. В менталитете болгарской диаспоры Молдовы и Украины не было и нет пассивной составляющей. То есть этнически они демобилизованы. Болгарская диаспора Молдовы более активна, чем ее соплеменники на Украине. Однако она не выходит на уровень этнической мобильности. К тому же эта активность имеет зачастую неглубокие корни, а сама она проявляется достаточно непоследовательно. Предпринимавшиеся попытки, пусть в последнее время на уровне предложений, а не конкретных действий, сократить в школах с компактным болгарским контингентом учащихся учебное время по болгарскому языку свидетельствует о том, что интеллигенция болгарского происхождения, за редким исключением, не пропиталась национально-культурным духом. Если у болгарской по происхождению интеллигенции нет этнической мобильности, то откуда ей взяться у других социальных слоев болгарской диаспоры Молдовы? Что касается борьбы болгар за Тараклийский уезд, то она имела подражательный характер и обуслав-

ливалась гагаузским феноменом. Иными словами, она не была внутренне мотивированной.

Есть несколько вариантов действий по сохранению идентичности этнических болгар Молдовы и Украины. Они обуславливаются тем, как будут развиваться внутривосточные процессы в Молдове и как будет складываться геополитическая ситуация вокруг нее. Рассмотрим один из них, в основе которого – суверенный и нейтральный статус Республики Молдова и Украины на политической карте Юго-Восточной Европы.

Он состоит в следующем: чтобы сохранить идентичность этнических болгар здесь, требуется радикально пересмотреть подходы к условиям выживания болгарских диаспор и адаптировать их к нынешним и будущим реалиям. Для этого необходимо не уничтожать болгарские села, что сейчас происходит, а преобразовать их в небольшие города западноевропейского типа с развитой современной инфраструктурой. С этой целью требуется вместе с имеющимся сельскохозяйственным производством развивать там промышленное производство, а именно его перерабатывающую отрасль. Она способна поглотить часть рабочей силы, освобождающейся в аграрном секторе.

Кроме этого, настоятельно необходимо в спешном порядке решить ряд первоочередных задач национально-культурного характера в болгарском селе. Этническая мобильность, или пассионарность в современных условиях напрямую связана, даже напрямую зависит от состояния национально-культурного развития болгарских диаспор Молдовы и Украины. С этой целью в школах с компактным болгарским контингентом учащихся необходимо изучать в качестве предметов, кроме болгарского языка и литературы, также и историю, и культуру болгарского народа. Это должно создать прочную абитуриентскую базу для становления и развития Тараклийского университета. Вообще, для тех, кто не понял настоятельную необходимость открытия университета именно в Тараклии, скажу, что перед ним стоит задача интеллектуализировать компактное сельское болгарское население Молдовы и Украины, укрепить его этническое самосознание, минимизировать в нем миграционные и эмиграционные настроения. Эта задача не может быть решена без помощи со стороны Болгарии и болгарской общественности в Молдове и Украине, претендующей представлять интересы болгар республики перед официальными властями Кишинева и Киева. К сожалению, ни властные структуры Болгарии, ни тем более руководство Болгарской общины в Молдове и Ассоциации болгар Украины не видят, а скорее, не хотят видеть Тараклийский университет в этом его историческом, этническом и этнокультурном предназначении.

Помимо вышесказанного, чтобы решать проблемы болгар Молдовы и Украины национально-культурного характера, необходимо увеличить число радио- и телепередач на болгарском языке, снабжать сельские библиотеки современной болгарской литературой, текущей периодикой, развивать художественную и театральную самодеятельность на основе национальных духовных ценностей, издавать газеты на родном языке. Иными словами, болгарам в местах их компактного проживания в Молдове надо делать то же самое, что делают гагаузы в Гагауз-Ери.

Болгары, проживающие в городской местности, нуждаются, прежде всего, в активно функционирующей национальной общине и в общественных и государственных структурах, наполненных национально-культурным содержанием. Это и школы с изучением болгарских предметов, и комплексные этнокультурные центры, и многое другое.

ПОДПИСКА 2007

**На международный исторический
журнал «Русин»
объявлена подписка по Республике Молдова.**

Подписной индекс - 31808.

Подписаться на журнал можно в любом
отделении связи Республики Молдова.

Сергей СУЛЯК

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РУСИНОВ СЕВЕРА МОЛДАВИИ

Русинский этнос в XX в. подвергся целенаправленной денационализации. Большинство русинов было включено в состав других народов. Особенно резко процесс «национального слома» произошел на территории СССР. Население этих регионов долгое время успешно сопротивлялось попыткам насильственной румынизации, мадьяризации, полонизации. Однако русины оказались беззащитными перед ударом, который им нанесли те, кого они считали своими. Лишенные Советской властью права называться русинами, русскими людьми, они стали «растворяться» в окружающих этносах.

Процесс этот наглядно раскрыла современная исследовательница Н.М. Пашаева: «Деятели старшего поколения постепенно умирали. Их дети большей частью были далеки от тех проблем, которые волновали их отцов... Восприняв всерьез воссоединение Западной Украины с СССР как воплощение надежд на русское государство „от Карпат до Камчатки» и соблюдая полную лояльность [этому государству], старшее поколение русских галичан, несмотря на советско-украинский прессинг, сохраняло традиции любви ко всей России, сопротивлялось по мере сил украинизации Галичины, знакомило ее с русской культурой, с галицко–русским прошлым, держалось крепко за русскую Православную церковь. Дети их вливались уже в поток общесоветских интересов и судеб, не боролись за запись в паспорте «русский», поскольку в Советском Союзе национальность «русский» и «украинец» воспринимались как идентичные понятия. Не редкостью были браки «русских» галичан и «украинцев». Гражданство в едином сильном советском государстве при всех его тяжелых сторонах было воплощением прежних чаяний, не осуществленных царской Россией и оказавшихся возможными в сталинскую эпоху. Никто не предвидел, что готовит история в будущем...»¹.

Слова эти с полным правом можно отнести и к русинам Бессарабии. Однако, несмотря на форсированную дерусинизацию, проведенную в годы Советской власти, русины Молдавии сохранили многие черты своей древней духовной и материальной культуры, родную речь, в основе которой лежит древнерусский язык. Многие обычаи, особен-

ности говора, описанные русскими этнографами в конце XIX – начале XX в., можно и сегодня встретить в селах, населенных потомками русинов.

Летом 2004 г. автор данной статьи проводил этнографические исследования в с. Булгак Рышканского района. Это небольшое село (по данным переписи 1989 г., в нем проживало 279 чел.). Рядом находятся такие же русинские села: Чепария (277 чел.), Шумна (156 чел.). Все эти села в административном отношении подчиняются примэрии (сельсовету), расположенному в с. Шумна. В селах проживает много носителей одинаковых фамилий. Эти населенные пункты заселялись во второй половине XIX в. выходцами из разных сел. Гнатюки, к примеру, пришли из с. Бояны под Атаками (тогда Хотинский уезд Бессарабской губернии), Суляки из с. Шипинцы (в то время австрийская часть Буковины), Ротари – из с. Булбоака (Австрийская Буковина).

По словам старожилков, село Булгак изначально делилось на две магалы (стороны): «немецкую» (жителей, переселившихся из австрийской части Буковины, называли австрияками, немцами, мадьярами) и «русскую» (ее населяли русины из Хотинского уезда Бессарабской губернии). «Немцы» говорили и по-русски, и по-молдавски, – вспоминает Федор Михайлович Ротарь, 1924 г.р., – а те, что пришли из Хотина, молдавский не знали».

Однако обычаи жителей обеих частей села были одинаковы. Из одежды до конца 1950-х гг. модна была манта (бурка), ее носили в ненастную погоду. На ноги обували постолы (лапти с кожаной подошвой), на голову одевали зимой кучму (высокую баранью шапку серого или черного цвета), а в другой сезон – капелху из соломы или войлока.

Многие дома в селе и до сих пор по технике строительства и интерьеру похожи на русинские хаты, описанные более ста лет назад П. Несторовским и другими российскими этнографами. Дома имеют *прысьбу* (заваленку), выкрашены известкой, покрыты деревянным верхом – *гонтой*. Хата состоит из трех частей: *велька хата*, *сени*, *хатчына* (малая хата). Внутри дома – *красный угол*, *жердка* (вешалка), *мысник* (шкаф для посуды), *ослина* (деревянная скамья), *стилчаки* (низкие табуретки). Вокруг дома – деревянная или каменная ограда (*мур*).

Сохранились в селе и многие древние приметы и поверья, описанные П. Несторовским и другими русскими этнографами. Жители с. Булгак (Грига Василий Гаврилович, 1926 г.р.; Суляк Борис Георгиевич, 1935 г.р.; Грига (Суляк) Евгения Георгиевна, 1930 г.р.; Бирюк Евгения Васильевна, 1942 г.р.; Васюта (Суляк) Аксения Георгиевна, 1933 г.р.), как и прежде, полагают:

– Неожиданно сорвавшийся вихрь и сильный ветер указывают на

то, что где-то появился висельник, т.е. человек, покончивший счеты с жизнью с помощью веревки.

– Женщина в период беременности не должна смотреть на некрасивые предметы, так как это может пагубно отразиться на ребенке, который должен появиться на свет. Смотреть она должна только на то, и притом долго, что, по ее мнению, имеет какие-либо несомненные достоинства.

– В великий страстный четверг полезно искупаться в реке или пруду до восхода солнца. Это избавит от кожной болезни тех, у кого она есть, или предохранит от нее в будущем.

– Вой собак указывает на покойника в деревне или на появление волка.

– На появление покойника указывает и частый, короткий крик совы на крыше дома, передаваемый междометием «куку-вэв, куку-вэв».

– Барахтанье и купание уток в воде перед домом предвещает непогоду.

– В понедельник не следует печь хлеб в доме – появятся тараканы.

– Кошка умывается, подушки переворачиваются, петух поет на крыльце дома, сорока стрекочет – будут гости.

– Если на дороге кто-то пройдет с пустыми «коновками» (ведрами) перед идущим или едущим, то его поездка окажется несчастливой. И если действительно что-то произойдет в пути, то винить будут это обстоятельство.

– 30 ноября – день девушек. В этот день они стараются узнать, за кого выйдут замуж и когда это будет. В ночь перед днем св. Андрея девушка, подойдя к плетню огорода, берет попавшийся ей под руку кол и начинает считать по паре таких кольев к одному из концов плетня. Если последний кол выйдет в паре, то это предсказывает ей скорый выход замуж, а если он еще вдобавок и в коре, то значит жених будет не из бедных.

– Накануне праздника св. Андрея, поздно вечером и в день св. Андрея девушка, стоя на дворе, прислушивается. Если до ее слуха долетит звук слова, которое означает движение вперед, то это предсказывает ей скорое замужество. Сторона, с которой раздаются звуки, также имеет значение, так как считается, что оттуда будет жених гадающей.

– В ночь перед Рождеством рогатый скот единственный раз в году может «изъясняться на человеческом языке». Предметом его беседы чаще всего бывают хозяева, а темой – день их смерти. Некоторые суеверные жители в эту ночь подслушивают «разговор» своего скота.

Все описанные суеверия, обычаи и приметы полностью совпадают с приведенными П. Несторовским в его монографии «Бессарабские русины. Историко-этнографический очерк»².

Сохранялось долгое время (до 70-х годов XXI в.) в селе уважительное обращение к родителям на «Вы». Как утверждает Аксения Георгиевна Васюта, примерно до этого времени жила и древняя традиция заключать браки только между своими («русскими»): «Мы считали себя русскими и женились, и выходили замуж между своими односельчанами или искали пару в других русских селах».

Обычай выбирать супруга или супругу в русинских селах в основном сохранился и по сей день. В ноябре 2006 г. мы провели опрос жителей сел Булгак, Чепария и Шумна. Было опрошено 75 потомков русинов (34 чел. в возрасте 25–56 лет и 41 чел. –60–80 лет, среди них 33 – мужчины и 42 – женщины). 63 опрошенных ответили утвердительно на вопрос «Сохранился ли в вашем селе обычай выбирать супруга в других селах?», перечислив конкретно названия соседних сел, где проживают потомки русинов и где по традиции выбирают себе «вторую половину».

«До 1960-х годов в селе сохранялись особенности говора – говорит Ф. Ротарь. – Георгий Суляк еще произносил «рукоу», «ногоу». Все поотходило, перешли на русский язык».

Годы насильственной этнокультурной переориентации все же не прошли даром. Жителей сел Булгак, Шумна и Чепария большей частью утратили древний этноним «русин». Теперь они называют себя, правда, не украинцами, а «хохлами». Некоторые исследователи полагают, что это самоназвание происходит от казаков Запорожской Сечи, которые носили чубы³. Однако в данном регионе местное русинское население с запорожскими казаками не контактировало. Общеизвестно также, что территория современной Молдавии (за исключением Приднестровья (1918–1940 г.)) никогда не входила в состав Украины, следовательно, потомки местных русинов, как, впрочем, и малороссов, оказались вне украинского социалистического нацистроительства, осуществленного в пределах Украинской ССР. Поэтому автоматическое причисление всех, кто в Молдавии называет себя «хохлами», к украинцам представляется нам ошибочным. Местные уроженцы вкладывают в этот термин иной смысл. Для них после табуирования этнонимов «русин» и «руснак» этноним «хохол» стал служить для противопоставления себя другим этносам. Об этом свидетельствуют многочисленные опросы жителей с. Булгак, Шумна, Чепария. В частности, во время проведенного в ноябре 2006 г. опроса, 17 опрошенных указали, что слово «хохол» означает для них отличие от других народов, 40 – шутовское прозвище, 14 – не определились. Только 4 (из 75 опрошенных) сказали, что «хохол» означает сходство с другим народом, украинцами. Некоторые жители с. Булгак так объяснили значение слова «хохол»:

Ротарь Ф.М.: «Хохлы – это русские, которые говорят не чисто по-русски. Наши предки не считали себя украинцами. Мы окраинцы, потому что живем на окраине. Заезжие украинцы говорят по-своему. У нас сложился говор, который отличается от всех других. Наш разговор такой, я бы сказал, своеобразный».

Сологор Е.Н., 1923 г.р.: «Мы не русские, не молдаване – мы хохлы. Мы неправильно говорим по-русски и по-молдавски. По-украински по-настоящему мы не понимаем. У меня была в гостях двоюродная сестра зятя, родом с Черкасской области Украины. Она говорила по-украински, я ничего не поняла. Я не пойму, кто мы и наши дети: русские с молдаванами смешались. Меня записали украинкой, я думала, что я молдаванка. Я тут родилась. А тогда я не разбиралась, кто я такая».

Суляк Б.Г.: «Хохол не украинец и не молдаванин. Русский ближе всех языков к хохляцкому. Украинский мы не понимаем».

Несмотря на утрату этнонима «русин», жители с. Булгак, как многих других русинских сел Молдавии, сохранили некоторые особенности говора, что отличает их от проживающих рядом с ними молдаван, русских (великороссов) и украинцев (малороссов). Это признают исследователи, которые описывают историю, традиции и фольклор сел, где проживают потомки русинов⁴.

Старшее поколение еще помнит, что до 1950-х годов оно называло себя русскими (русинами), как, впрочем, и население близлежащих молдавских сел, которое по привычке продолжает называть села, где живут потомки русинов, русскими. Сегодня русины и их потомки продолжают сознавать свое этнокультурное отличие от других этносов. В ходе опроса, проведенного нами в ноябре 2006 г. в селах Булгак, Шумна, Чепария, 58 опрошенных из 75 интервьюированных признало, что по языку и культуре они отличаются от украинцев, живущих на Украине.

К сожалению, культура, язык и самое главное – национальное самосознание русинов Молдавии, чьи предки вместе с волохами создали Молдавскую государственность, которые в настоящее время лишены поддержки со стороны государства, постепенно размываются. Поэтому важно не только изучать историю, культуру и язык русинов Молдавии, но и сохранить то, что осталось. Тем более, что право на сохранение этничности закреплено в многочисленных международных актах и законодательстве Республики Молдова.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Пашаева Н.М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. М., 2001. С. 180–181.

2. *Несторовский П.А.* Бессарабские русины. Историко–этнографический очерк. Варшава, 1905. С. 96–99.

3. *Степанов В.П.* Диалог культур против политических монологов. Распространение общеукраинской идентичности среди восточных славян Пруто–Днестровского междуречья // Мысль. Кишинев, 2002. № 2 (16). С. 50.

4. См. Спивае Стурзовка. Збірка українського та молдавського фольклору с. Стурзовка Глоденського району Молдови. Кишинів, 1995. С. 22–27; В земле наши корни. История, традиции и фольклор сел Дану, Каменкуца и Николаевка Глодянского района. Кишинев, 1997. С. 105–147, 382–385.

Приложение

СЛОВАРЬ РУСИНСКИХ СЛОВ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ГОВОРЕ ЖИТЕЛЕЙ СЕЛ БУЛГАК, ЧЕПАРИЯ, ШУМНА, СВЕРДИЯК РЫШКАНСКОГО РАЙОНА МОЛДАВИИ*

Банька – емкость для молока или воды, изготовленная из обожженной глины.

Барда – маленький топор для рубки мяса.

Боханчик – маленький пирожок из теста округлой формы с творогом, картофелем или с капустой, сверху обваленный в чесноке.

Вослын (ослын) – деревянная скамейка.

Вуйко – дядя, брат матери или отца, чужой мужчина в возрасте.

Верета – домотканый конопляный коврик.

Гладуци – прямые глиняные горшки для хранения молока.

Горб – холм.

Город – огород.

Гребеня – расческа.

Дижка – бочонок для воды, вина.

Диньца – деревянный сосуд, используемый при доении коров.

Дрантя – одежда.

Зариз – сейчас.

Заказати – заказать.

Здибати – встречать.

Зейстри – приданое.

Зносок – маленькое куриное яйцо.

Имиты – иметь, поймать.

Йден – один.

Йдна – одна.

Йдиница – единственная дочь.

Казан – ведро.

Кагла – печная труба.

Кертеня – крот.

Кирица – колодец.

Киш – большая корзина.

Когут – петух.

Колыба – временный небольшой деревянный домик для жилья, например, для пастухов, для сторожа в поле.

Кода – лента для косичек.

Кожух – дубленка из овечьей шкуры.

Коновка – деревянная посуда овальной формы в виде ведра, кружка.

Кошек – корзина.

Крепко – очень.

Кривой – хромой.

Кросна – ткацкий станок.

Комора – деревянное или из соломы помещение для хранения с/х культур.

Кундоситы – гундосить.

Куркан – индюк.

Лайдак – лентяй, лодырь.

Лиска – калитка.

Лоточити – ругать.

Магыльница – старинное деревянное приспособление для глажения одежды, белья.

Манджаты – идти.

Мама, мамка – мать.

Макогон – деревянная палочка с утолщением на конце для растирания мака, сахара.

Могыла – курган.

Молытва – молитва.

Мочарь – грязь.

Мисник – шкаф из двух открытых полок для посуды.

Мур – каменная ограда, забор.

Нана – тетья (близкая родственница).

Нано – дядя (близкий родственник).

Нанашка – посаженная мать, крестная мать.

Нанашко – посаженный отец, крестный отец.

Нахай – пусть, пускай.

Непить – племянник.

Непота – племянница.

Обора – загон для скота.

Патюрка – украшение на шее, бусы.

Перекося – спор.

Перший брат – двоюродный брат.

Позвол – разрешение.

Польца – полка.

- Послати** – послать.
Прысьба – заваленка.
Прядва – конопля.
Рихтувати – готовиться к чему-то.
Родочки – близкие родственники.
Родок, родочик – близкий родственник.
Рукавыци – перчатки с одним пальцем.
Ринка – глиняная сковорода.
Саламаха – постное блюдо из чеснока.
Сидити – стоять смирно, не двигаться.
Сокира – большой топор для колки дров.
Стилчык – маленькая табуретка.
Тато, дядя – отец.
Тик – гумно.
Ура – ненависть.
Файный – красивый.
Фустка – платок
Чугай – верхняя одежда из овечьей шерсти.
Хрыстыны – крестины.
Хутор – угодья, местность.
Шарабан – повозка.
Швагер – муж сестры, шурин.
Шопа – помещение для скота.
Шматя – одежда.
Цыбер – деревянное корыто.

* В русинском говоре некоторые гласные и согласные произносятся твердо, в отличие от украинского языка. Например, украинское **криниця** произносится мягко. В то же время русинское **кирница** звучит твердо, с затвердением **и** и **я**. В говоре русинов Молдавии звук **и** часто звучит так же твердо, как русское (великорусское) **ы**. Совпадения звуков **и** и **ы** в украинском языке почти не наблюдается. **Ы** произносится совершенно отдельно и самостоятельно. Слова **сыр, мышь, рысь, мы, ты** и ряд других произносятся как и в русском (великорусском). Безударное **е** часто переходит в **ы**. Иногда **е** звучит как русское (великорусское) **э**. Звук **у** безударный перед согласными звучит как **в** (например: **шо в воду впа-ло**). Иногда вместо **у** слышится **ы** (**огырок** – огурец). Свистящее **ц** звучит твердо в середине слова и в конце. Звук **ф** употребляется вместо **х** и **хв** (**фустка** – хустка, **фататы** – хватать). Рядом с переходом **д, т, з, с** в спряжении в **дж, ч, ж, ш** (**ходжу, лечу, вожу**) встречаются **ходю, летю, возю**. Эти и другие особенности русинского говора, отмеченные сто лет назад русским этнографом П. Несторовским (см. «Бессарабские русины. Историко-этнографический очерк», Варшава, 1905. С.149–158), а так же А.С. Афанасьевым–Чужбинским (см. «Очерки Днестра», СПб., 1863.

С. 5): **рукоу, ногоу, вогорить** вместо говорить, **най** (украинское **нехай**), употребление частицы **ся** и другие своеобразные отличия от русского (великорусского) и украинского языков сохранились в той или иной степени в русинских селах Молдавии. Это отмечают и современные исследователи–украинисты (см. Спивае Стурзовка. Збірка українського та молдавського фольклору с. Стурзовка Глоденського району Молдови. Кишинів, 1995. С. 25–27; В земле наши корни. История, традиции и фольклор сел Дану, Каменкуца и Николаевка Глодянского района. Кишинев, 1997. С. 117–131, 382–385). Характерно, что современные исследователи, изучающие особенности русского говора староверов, проживающих в данном регионе с начала XIX в., относят многие приведенные выше слова (например, **банька, дежка (дижка) мур, цебер (цыбер), чугай**, и т.д.) к диалектизмам русского языка (*Тудосе В.И.* Лексические и другие особенности русского говора села Кунича Республики Молдова // Славянские чтения (выпуск 1). Материалы научно–теоретической конференции. Кишинев, 2003. С. 81–97).

РУСНАК
RUSYN RUTHEN

www.rusnak.info
e-mail: svmiros@eunet.yu

Юрий ИВАНОВ

ПОВЕСТЬ Н.В. ГОГОЛЯ «СТРАШНАЯ МЕСТЬ» И ПРЕДАНИЯ РУСИНОВ СЕВЕРА МОЛДАВИИ

На всякого, кто хоть раз прочитал повесть Н.В.Гоголя «Страшная месь», она производит неизгладимое впечатление. Несомненно, это одно из наиболее ярких и красочных полотен великого мастера. В «Страшной мести» проявился горячий интерес писателя к прошлому Руси, к истории освободительной борьбы малорусского народа против польской шляхты, и это сближает ее с патриотическим эпосом Гоголя – «Тарасом Бульбой». В.Г. Белинский, имея в виду героическое звучание повести, сравнил «Страшную месь» с «Тарасом Бульбой». «Обе эти огромные картины, – писал он, – показывают, до чего может возвышаться талант г. Гоголя.»¹

Интерес к фольклору, к народному творчеству возник у Гоголя очень рано². Детская любовь к народным сказкам, легендам, преданиям и песням с годами переросла в сознательную склонность к изображению событий русской истории. «Страшная месь» выдержана в тонах народной легенды и малорусских исторических дум. Повесть насыщена фольклорными образами, сравнениями и эпитетами, написана напевной ритмической прозой, напоминающей ритм народных сказаний. Особенно потрясает финал повести, когда чудный, закованный в латы великан – богатырь, сбрасывает с заоблачного Кривана в бездонную пропасть великого грешника-колдуна!

Откуда, из каких глубин времени пришел к Гоголю и к нам этот удивительный всадник-исполин, дремлющий веками в Карпатах, бесстрастно ждущий своего часа, когда он наконец совершит великое возмездие над целым родом злодеев, предателей и преступников Русской земли? Александр Николаевич Афанасьев вполне обоснованно полагал, что предания о великанах присущи всем индоевропейским народам и уходят корнями в древнейший пласт индоевропейской мифологии³. Относится ли это и к карпатскому великану?

Вопрос, может быть, и остался бы без ответа, если бы не аналогии в преданиях русинов севера Молдавии. Там мы тоже находим образы исполинов, ждущих на вершинах Карпат часа исполнения своей великой миссии. Особенно близок к гоголевскому всаднику мифический

предок русинов – Сватагорь, великан-богатырь, скрытый облаками самой высокой вершины Карпат. Это тот самый Святогор, герой древнерусского былинного эпоса, случайно обнаруженного в 1860 году П.Н. Рыбниковым в преданиях насельников далекой северной окраины России, живущих под Архангельском, на Северной Двине и на берегах Ледовитого океана⁴. Однако между русинским и северорусским образами Святогора есть и существенные различия. Русинский цикл преданий о Святогоре⁵ не знает Ильи Муромца, не знает о гибели богатыря в заколдованном гробу и очень четко привязан к святым горам – Карпатам. Вероятно, северорусские былины представляют собой более поздние наложения на общерусское предание, возникшее в исторических и географических реалиях Киевской Руси X-XI вв.⁶

Что позволяет провести параллели между гоголевским героем и русинским великаном? Оба они дремлют на коне на вершинах Карпат, дожидаясь своего часа. Согласно русинскому преданию, перед наступлением этого часа произойдет великое чудо: «и видкрэйтца зэмля кругом. И будэ вэдко и Чорнэ морэ и Турэцку зэмлю. А на другим конци – вэлэкий Киёв. А з боку покажэтца Галэцка зэмля и сэви як хмарэ горэ – цэ Карпатэ»⁷. Примерно то же находим и у Гоголя: «За Киевом показалось неслыханное чудо. Все паны и гетьманы собирались дивиться сему чуду: вдруг стало видимо далеко во все концы света. Вдали засинел Лиман, за Лиманом разливалось Черное море. Бывалые люди узнали и Крым, горою подымавшийся из моря, и болотный Сиваш. По левую руку видна была земля Галичская. – А то что такое? – допрашивал собравшийся народ старых людей, указывая на далеко мерещившиеся на небе и больше похожие на облака серые и белые верхи. – То Карпатские горы! – говорили старые люди, – меж ними есть такие, с которых век не сходит снег, а тучи пристают и ночуют там.»⁸.

Далее гоголевский текст напоминает художественное изложение русинского сказания: «И зийдут хмарэ з самои вэсоки карпацки гори, и уси убачут на ни вэлэкого чулувика з закрэтэмэ вочьмэ, у элизи (в железных латах) и на кони. И будут бачитэ ёго уси, як коло сэбэ». А вот изложение Гоголя: «Тут показалось новое диво: облака слетели с самой высокой горы, и на вершине ее показался во всей рыцарской сбруе человек на коне, с закрытыми очами, и так виден, как бы стоял в близи»⁹. Русинский Святогор хватает великого врага Русской земли – последнего потомка Чернобога¹⁰ и с громовым смехом сбрасывает его в самую глубокую пропасть Карпат на пожирание всей его нечистой компании¹¹. То же, но в более сочных красках мы находим и у Гоголя: «Ухватил всадник страшную рукою колдуна и поднял его на воздух. Вмиг умер колдун и открыл после смерти очи. Но уже был мертвец и глядел как мертвец. Так страшно не глядит ни живой, ни воскресший.

Ворочал он по сторонам мертвыми глазами и увидел поднявшихся мертвецов от Киева, и от земли Галичской, и от Карпата, как две капли воды схожих лицом на него. Бледны, бледны, один другого выше, один другого костистей, стали они вокруг всадника, державшего в руке страшную добычу. Еще раз засмеялся рыцарь и кинул ее в пропасть. И все мертвецы вскочили в пропасть, подхватили мертвеца и вонзили в него свои зубы»¹².

В начале XX в. предания о великане-богатыре Святогоре еще можно было услышать и в самих Карпатах. Это подтверждает родной дядя моего деда Василий Яковлевич Ротарь, в первую мировую войну после ранения и австрийского плена некоторое время живший в Карпатах. По его словам, некоторые карпатские старики «ще помнэлэ за вэлэкого нашого дядьку Сватагоря», то есть рассказывали легенды о нем. «За дядьку Сватагоря знают стари людэ и по цу, и по ту сторонэ Карпатиу. Алэ помнят уже дуже стари людэ».

После принятия христианства Древней Русью у предков русинов Молдавии былинный богатырь Святогор постепенно превратился в апокрифический образ святого Георгия Победоносца. Согласно ему, святой Георгий дожидается часа Страшного суда на вершинах Карпат, весь закованный в броню, на огромном скакуне, от нетерпеливых ударов копыт которого иногда, когда гнев Господа на беззаконие мира достигает пределов, содрогаются все Карпаты и близлежащие страны¹³. Отсюда, по представлениям рассказчиков-русинов, происходят землетрясения. У Гоголя великий мертвец в неутолимой жажде мести своему чудовищному злодею-потомку также трясет Карпаты¹⁴.

Гоголевский спящий богатырь, вероятно, также является каким-то христианизированным вариантом героя древнерусского предания о Святогоре, но в отличие от русинских сказаний справедливое возмездие в нем уже совершилось, действие перешло в конечную фазу. Вполне возможно, что новые исследования почитателей таланта великого писателя с учетом приведенных сопоставлений могут принести неожиданные находки.

А.Н. Афанасьев особо выделял эпические сказания о Святогоре: «Если бы даже мы не имели никаких иных данных, кроме поэтического сказания о Святогоре, то одно это сказание служило бы неопровержимым доказательством, что и славяне, наряду с другими народами, знали горных великанов. В колоссальном, типическом образе Святогора ясны черты глубочайшей древности. Ясно, что эпические сказания о Святогоре состоят в несомненном родстве с песнями Эдды; это, с одной стороны, свидетельствует о глубокой древности их содержания, а с другой – за мифический характер выводимых ими лиц»¹⁵.

Наличие эпических сказаний о Святогоре у русинов Молдавии, а также, по всей вероятности, до недавней поры, у русинов Карпат, Прикарпатья и Закарпатья¹⁶, лишний раз подтверждает точку зрения тех исследователей, которые считают русинов этих регионов наиболее древним автохтонным населением Руси. Об этом убедительно говорит на страницах журнала «Русин» российский исследователь В. Меркулов¹⁷.

Несомненно, изучение духовного и культурного наследия русинов Молдавии способно обогатить существующие представления о ранней истории славянских народов. Но разработка этой темы не терпит отлагательства, поскольку количество носителей традиционной фольклорной информации с каждым годом стремительно убывает.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Белинский В.Г.* ПСС. Т. 1. М., 1953. С. 301.
2. *Гоголь Н.В.* Собр.соч. Т.1. М., 1959 С. 339.
3. *Афанасьев А.Н.* Древо жизни. М., 1982. С. 292-323.
4. *Рыбаков Б.А.* Мир истории. Начальные века русской истории. М., 1984. С. 6.
5. Эпический цикл легенд и преданий о Святогоре я слышал с конца 60-х гг. в селе Нагоряны Рышканского района МССР от В.Я. Ротаря (1895-1983), А.П. Осипова (1898-1983), В.К. Иванова (1906-1980) и других жителей. Первые записи были сделаны в конце 1979 г., последние – по памяти – в 1995 г.
6. Несомненно, Илья Муромец - реальный герой конкретного исторического периода и географического региона. Очень интересная и весьма убедительная версия о нем выдвинута исследователями города Чернигова. См.: *Кузнецов Г., Новицкая Ю.* Тайны древнего Чернигова и егоклады. Чернигов // *Деснянська правда.* 2002. С. 26-28.
7. Запись рассказа Ротаря В.Я. сделана мной в ноябре 1979 г. в селе Нагоряны Рышканского района МССР.
8. *Гоголь Н.В.* Указ. соч., С.183.
9. Там же. С.183.
10. В другом варианте – самого Чернобога со всей его нечистой ратью.
11. В этом варианте, как и у Гоголя, Чернобог грызет своего последнего потомка в лютой ненависти за проваленное им дело.
12. *Гоголь Н.В.* Указ. соч. С. 186.
13. Эти легенды я слышал с конца 60-х гг. от жителей села Нагоряны и села Ракария Рышканского района МССР. Записи были сделаны мной по памяти в 1995 г.
14. *Гоголь Н.В.* Указ. соч. С. 186-187.

15. *Афанасьев А.Н.* Указ.соч. С. 300-301.

16. Уже упоминавшийся выше В.Я.Ротарь, будучи после возвращения из плена поверенным в делах местного закарпатского купца, занимавшегося военными поставками русской армии, изъездил почти весь Карпатский регион. Он говорил: «Казки, старэну (обратим внимание, северорусские сказители так же называли былины старинами)». (См. : Рыбаков Б.А. Указ. соч., С. 320; Русская народная поэзия. Эпическая поэзия. Сборник. Вступ. статья и коммент. Б. Путилова. Л., 1984. С. 14.).

17. *Меркулов В.* Тенденциозное освещение истории Руси в современной украинистике. Русин. 2005. № 2 (2). С. 130-135.

НОВОСТИ * НОВОСТИ * НОВОСТИ * НОВОСТИ * НОВОСТИ * НОВОСТИ

ЗАЩИЩЕНА ПЕРВАЯ ДИССЕРТАЦИЯ, НАПИСАННАЯ НА РУСИНСКОМ ЯЗЫКЕ!

Ее недавно защитила в Институте славистики им. Яна Станислава Словацкой академии наук Анна Плишкова, получившая степень габилитированного (полного) доктора философии за диссертацию на русинскую тему. Об этом сообщает пресс-центр ужгородского Общества им. А. Духновича.

Доктор Плишкова с 1999 г. работает в отделении русинской литературы и языка Пряшевского университета (Словакия). Ее диссертация «Списовный язык карпатських Русинів: проблеми становління, кодифікації, акцептації і сфер функціонування» была написана под руководством известного слависта, доктора философии, профессора Яна Дорули.

За минувшее десятилетие возрос интерес ученых к русинской тематике. Немало талантливых исследователей из разных стран защитились по темам русинской культуры, языка, литературоведения, музыковедения и социологии. Среди них Олена Дуць-Файфер (защитила диссертацию в Ягеллонском университете, Польша, 1997 г.), Ленора Деккарло (Флоридский государственный университет, США, 1998 г.), Александер Тойч (Гейдельбергский университет, ФРГ, 2001 г.), Ева Михна (Ягеллонский университет, Польша, 2001 г.), Марк Штейгерр (Университет им. Людвига-Максимилиана, ФРГ, 2002) и Богдан Горбаль (Вроцлавский университет, Польша, 2005 г.).

Редакция международного исторического журнала «Русин» поздравляет Анну Плишкову, члена редколлегии журнала, с получением степени полного доктора и желает ей дальнейших творческих успехов!

Ольга РАДОВА (КАРАНАСТАС),
Сергей КАПУСТИН

О ПЕРЕСЕЛЕНИИ НАРОДОВ БАЛКАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ В БУДЖАК В XVIII – НАЧАЛЕ XIX В.

Победа русской армии в войне 1806–1812 гг. над Османской империей обеспечила присоединение Бессарабии к России. Военные действия, а также выселение ногайцев из Буджака в 1807 г.¹ превратили юг Бессарабии в малолюдный край. Однако при выселении ногайцев² администрация Российской империи не тронула тюркоязычное, но православное гагаузское население. Задачей данной статьи является раскрытие некоторых аспектов переселенческой политики, проводимой Российской империей в начале XIX в. в Бессарабии (на примере болгар, гагаузов и немцев), причин, способствовавших расселению в Буджаке немцев и болгар в первой половине XIX в.

Гагаузы – православный тюркоязычный народ, компактно проживающий в Буджаке³. Ранняя этническая история гагаузов и их расселение в Буджаке связаны с миграционными процессами, протекавшими в тот период времени, когда их предки переселялись из Средней Азии в Юго–Восточную Европу через степи Северного Причерноморья, а в XVIII в. и даже ранее гагаузы переселились с Балкан обратно в Южную Бессарабию⁴. С Балканского полуострова гагаузы переселялись в Буджак поэтапно. Первое крупное их переселение произошло во время русско–турецкой войны 1787–1791 гг., второе – во время русско–турецкой войны 1806–1812 гг.⁵ Переселения 1806–1812 гг. были по преимуществу не болгарскими, а гагаузскими, так как число прибывших в то время болгар было небольшим. Историк И.И. Мещерюк, занимавшийся исследованием вопросов переселения болгар и гагаузов в Бессарабию⁶, писал, что «анализ фамилий представленного «Именного списка переселенцев с правой на левую сторону Дуная с 1809 года и живущих в Молдавии и Бессарабии» свидетельствует о решительном преобладании гагаузов, составляющих около двух третей переселившихся»⁷.

Следует отметить, что этнические болгары переселялись в Бессарабию и в XVIII в., но они селились не в Буджаке, занятом ногайцами, а среди молдаван – в Кишиневском, Оргеевском, Измаильском уездах и в местечке Теленешты⁸. Болгары также селились в Новороссии⁹. Только окончательное выселение ногайцев из Буджака создало условия для массового расселения болгар на юге Бессарабии. Являясь сторонником теории болгарского происхождения гагаузов, И.И. Мещерюк рассматривал болгар и гагаузов как один народ¹⁰. Его ошибочные позиции в вопросах этногенеза гагаузов в дальнейшем отразились и на исследованиях, связанных с переселением болгар и гагаузов¹¹. Однако И.И. Мещерюк не мог игнорировать этнокультурной специфики гагаузов, поэтому одну из своих работ назвал «Первое массовое переселение болгар и гагаузов в Бессарабию в начале XIX века»¹². Смешение гагаузов с болгарами и отсутствие четкой точки зрения об их этнической идентичности во многих случаях было связано с ошибочной трактовкой происхождения гагаузского народа¹³.

В средние века предки гагаузов (позднее и сами гагаузы) могли свободно передвигаться по всей Юго–Восточной Европе, так как эти территории во времена Византийской и Османской империй не были разделены государственными границами¹⁴. Православное вероисповедание гагаузов привлекало русскую администрацию, но их тюркский язык и вечные споры об их происхождении настораживали ее. Кроме того, еще во времена Византийской империи (в XII в.), когда болгарская церковь пыталась отделиться от греческой¹⁵, большинство гагаузов сохранило приверженность канонам греческой церкви. В середине XVIII в. гагаузы переселились в Буджак вместе со своим греческим духовенством. Этому способствовал и вышедший в 1751 г. Указ императрицы Елизаветы о переселении в Россию балканских народов «греческого вероисповедания»¹⁶. Распри между последователями греческой и болгарской церковью, которые имели место на Балканах, осложняли отношения между гагаузами и болгарами и после их переселения в Бессарабию.

Ярким примером тому является село Кирсово (ранее называлось Башкюю) Бендерского цинута¹⁷. Слово «Башкюю» в переводе с гагаузского языка означает «изначальное», «головное» или «главное». Жители Кирсово еще помнят, что единственная церковь в селе была перегорожена и службу вели одновременно священнослужители как греческой, так и болгарской церковью. По этому поводу в начале XX в. В.А. Мошков отметил, что «гагаузы села Башкюю Комратской волости, наполовину населенного болгарами, размежевали на две половины единственную сельскую церковь и хоронят своих сородичей отдельно от болгар»¹⁸. «Благоразумные из греков, – утверждал еще в

1874 г. анонимный автор заметки «К вопросу о греко-болгарской церковной распри», – давно осуждают раскол в православной церкви, и некоторые из их органов печати давно требуют прекращения распри, тем более что ненависть между болгарским и греческим населением в смешанных епархиях Македонии и Фракии с каждым днем все более растет»¹⁹.

Образование Болгарского государства оборвало связи между церквями Греции и Болгарии. Это способствовало переориентации некоторых гагаузских священнослужителей Болгарии²⁰ на каноны «болгарской церкви». Но гагаузы Бессарабии по-прежнему придерживались канонов греческой церкви. Культура гагаузского народа развивалась под влиянием православия, которое способствовало формированию у них особого менталитета и самосознания²¹. Этнокультурные различия накапливались. Впоследствии для наименования гагаузов, находящихся под влиянием болгарской церкви, в литературе был принят научный термин «болгарские гагаузы», а для гагаузов, подчинявшихся канонам греческой церкви, стали применять название «греческие гагаузы» (сами «греческие гагаузы» называли себя «хасыл гагауз» – «настоящий гагауз»). В результате этого гагаузы в Северо-Восточной Болгарии, согласно своей религиозной ориентации, разделились на «болгарских» и «греческих» (или «приморских», «настоящих»)²².

В конце XVIII в. на Балканском полуострове межрелигиозные распри между христианами и мусульманами, а также внутри православных народов (между верующими – приверженцами канонам «болгарской» и «греческой» церковью), а также войны и экономическая разруха вынудили часть гагаузов к переселению с Балканского полуострова в Южную Бессарабию. В Буджаке, как отмечено, уже проживали их соплеменники. Здесь произошла консолидация гагаузского этноса²³. Таким образом, гагаузы проживали в Буджаке еще до присоединения Бессарабии к Российской империи. Во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг. и после выселения ногайцев население Буджака уменьшилось, многие села остались пустыми, но безлюдной эта территория не была никогда.

После окончания русско-турецкой войны 1806–1812 гг. в Бессарабии необходимо было поднимать сельское хозяйство. В связи с этим русская администрация поощряет переселение в Бессарабию народов Балканского полуострова и Центральной Европы. На этот раз Российская империя предоставляла переселенцам льготы²⁴, и вместе с гагаузами в Буджак стали переселяться и болгары. Крупное переселение болгар в Бессарабию произошло в 1828–1830 гг., в это время в основном было образовано большинство болгарских сел Буджака.

В первой четверти XIX в. по соседству с «задунайскими переселенцами» – болгарами и гагаузами, а также местным населением²⁵ стали селиться этнические немцы, впоследствии они в официальных документах получили статус «немецкие колонисты». Первые «немецкие колонисты», отмечал П.Н. Батюшков²⁶, переселились в Буджак из герцогства Варшавского в 1813–1815 гг., их тогда прибыло 1443 семьи²⁷. Позднее, начиная с 1818 г., в Бессарабию прибыли выходцы из Виртембергского и Баварского королевства²⁸.

Первая немецкая колония Тарутино была образована в Бессарабии в 1814 г., а в 1815 г. возникли три новые «колонии» – Красный, Малоярославец – 1-й и Кульм; в 1816 г. – Старый Арциз, Бородино, Березино, Клястиц, Лейпциг, Бриеннь, Кацбах; в 1822 г. – Сарата; в 1823 г. – Малоярославец – 2-й и Фершампенуаз – 2-й; в 1825 г. – Новый Арциз²⁹. Далее – селение Гнаденталь – в 1830 г., Фриденталь – в 1833 г., Денневиц – в 1834 г., Лихтеншталь – в 1835 г., Плоцк – 1839 г., Гофнунгсталь – в 1842 г.³⁰ По данным И.Ф. Лагорио, в 1816 г. были основаны также села Бриеннь, Фершампенуаз 1-й, Париж³¹. Между сведениями П.Н. Батюшкова и И.Ф. Лагорио, имеются расхождения по вопросу о времени основания села Кацбах (Коцбах): по данным П.Н. Батюшкова оно основано в 1816, а по данным И.Ф. Лагорио – в 1821 г.³²

К 1842 г. немецкими переселенцами в Южной Бессарабии были основаны уже 24 села («немецких колоний»). Общая численность населения колебалась от 25646 до 28812 чел.³³ В списках населенных мест Российской империи, составленных и изданных Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел по Бессарабской области, в 1861 г. уже насчитывались 24 немецкие колонии, общей численностью населения 25427 чел., в том числе 12973 мужчины и 12484 женщины. Всего в немецких колониях насчитывалось 2728 «дворов». В каждом дворе проживало (в среднем) более 9 человек. Видимо, в одном «дворе» проживала более чем одна семья.

За период с 1814–1815 гг., отмечал молдавский этнограф В.С. Зеленчук, в Бессарабии было основано 17 немецких колоний, где насчитывалось 1615 семейств, или 7621 чел., а с 1816 по 1839 г. создано еще 19 немецких поселений³⁴. Если придерживаться данных В.С. Зеленчука, то к 1861 г. в Бессарабии должно было быть не менее 36 немецких селений, однако, как показали данные Центрального статистического комитета, в 1861 году в Бессарабии было только лишь 24 немецких села. Кроме того, данные статистического комитета согласуются и с материалами, приведенными в работе П.Н. Батюшкова и в сведениях И.Ф. Лагорио³⁵.

Как отмечено, первопричиной переселения балканских народов в Южную Россию и в Бессарабию были, прежде всего, религиозные пре-

следования. Первоначально переселение гагаузов в Буджак было стихийным. Что касается переселения болгар, немцев и других народов, то они носят организованный характер. Их переселение в Южную Бессарабию были поощрено привилегиями, обещанными им в 1811 г. главнокомандующим Молдавской армией М.И. Кутузовым³⁶. Кроме того, в Бессарабии не было крепостного права, что способствовало развитию капиталистических отношений.

Главная цель переселенческой политики Российской империи была достигнута, малолюдный приграничный край был заселен дружественными ей народами, сумевшими быстро осуществить сельскохозяйственное освоение Бессарабии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Скальковский А.А.* Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1730–1823, Ч. II. Одесса, 1838. С. 126.

2. Ногайцы – мусульмане. Они участвовали в набегах на Молдавское княжество. Их первое выселение из Буджака имело место в 1768–1774 гг.

3. Буджаком называлась южная часть Бессарабии, с севера ограниченная Верхним Траяновым валом и включавшая Аккерманский и большую часть Бендерского уездов. Название края – Буджак – тюркского происхождения и в переводе означает «угол».

4. *Радова (Каранастас) О.К.* Гагаузы Буджака. Этническая история и формирование этноса // Ежегодник Института межэтнических исследований Академии наук. Т. I. Кишинэу, 2000. С. 90.

5. *Радова (Каранастас) О.К.* Этнодемографическое развитие гагаузов Бессарабии в конце XVIII – XIX в. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва, 2002. С. 10.

6. По мнению И.И. Мещерюка, первое крупное переселения гагаузов в Буджак произошло в начале XIX в. Таким образом, им не была раскрыта действительная давность появления гагаузского населения и их предков в Буджаке.

7. *Мещерюк И.И.* Первое массовое переселение болгар и гагаузов в Бессарабию в начале XIX века // Известия Молдавского филиала Академии наук СССР № 3–4 (11–12), Кишинев. 1953. С. 65–95; см. также: *Каранастас-Радова О.К.* Гагаузы в составе задунайских переселенцев и их поселения в Буджаке (конец XVIII – первая четверть XIX вв.). Кишинев–Комрат, 2001. С. 27.

8. Национальный Архив Республики Молдова (далее НАРМ). Ф. 5. Оп. 2. Д. 442, Д. 439.

9. В состав России последовательно были включены «угол земли» между Южным Бугом и Днепром, а также округа Керчи и Еникале (в 1775 г.), Крымское ханство (в 1783 г.) и область между Южным Бугом и Днестром (в 1791 г.). В 1796 г. эти районы вместе с землями бывшей Запорожской Сечи и другими районами составили Новороссийскую губернию (см. карту № 1). В 1802 г. эта губерния была разделена на три губернии – Екатеринославскую, Херсонскую и Таврическую. Тем не менее, объединяющий термин «Новороссия» применялся до революции 1917 г. Затем он был заменен названием «Южная Украина». В состав Украинской ССР часть Буджака была включена в 1940 г. (См.: *Дружинина Е.И.* Южная Украина. 1800–1825 гг., М., 1970. С. 3–4).

10. *Мещерюк И.И.* Указ. соч. С. 74-75;

11. *Каранастас-Радова О.К.* Гагаузы в составе задунайских переселенцев... С. 27.

12. *Мещерюк И.И.* Указ. соч. С. 65-95.

13. *Каранастас-Радова О.К.* Гагаузы в составе задунайских переселенцев... С. 18, 21–30.

14. *Радова О.К. (Каранастас).* Этнодемографическое развитие гагаузов Молдовы и Украины (исторические и современные процессы) // Доклад на итоговой годичной конференции Института межэтнических исследований АН РМ, 6–7 ноября 2003 г. (г. Кишинев); см. также: *Радова О.К. (Каранастас).* Историко–демографическое развитие гагаузов Молдовы и Украины в XVIII–XX вв. // Доклад на Международной научной конференции «Conferința științifică internațională “Valorificarea patrimoniului natural și cultural. Realizări, probleme, perspective”» 22–23 октября 2004 г. (г. Кишинев).

15. Во времена Византийской империи и болгарская церковь подчинялась Константинопольской патриархии.

16. Полное собрание законов Российской империи. Т. XIII, № 9919. 1751. С. 552–558.

17. Ныне Комратский район АТО Гагаузия (Гагауз Ери).

18. *Мошков В.А.* Турецкие племена на Балканском полуострове. Отчет о поездке на Балканский полуостров летом 1903 года // Известия Императорского русского географического общества. Т. 40. Вып. 3. СПб., 1904. С. 400–436; см. также: *Каранастас–Радова О.К.* Гагаузы в составе задунайских переселенцев... С. 28.

19. Кишиневские Епархиальные ведомости. 1874. № 20. С. 275; см. также: *Каранастас–Радова О.К.* Гагаузы в составе задунайских переселенцев... С. 28.

20. В церквях, которые остались на территории Болгарии.

21. *Radova (Karanastas) O.* Gagauzların dini, kulturası hem mentaliteti («Религия, культура и менталитет гагаузов»). Апрель 2001 г., выступление на конференции в Комратском госуниверситете, посвященной памяти Г.А. Гайдаржи.

22. *Радова О.К. (Каранастас).* Гагаузы Бессарабии. Расселение и численность в XIX в. // Этнографическое обозрение. 1997. №1. Январь–февраль. С. 121–128; ее же. Гагаузы в составе задунайских переселенцев... С. 21–22.

23. *Радова О.К. (Каранастас).* Этнодемографические данные по современному состоянию городов и сел Гагаузии (Гагауз Ери) // Педагогический журнал № 1–2, 1999, С.85; см.также: *Радова (Каранастас) О.К.* Гагаузы Буджака. Этническая история и формирование этноса // Ежегодник Института межэтнических исследований Академии наук. Т. I. Кишинэу, 2000. С. 90–93.

24. В XVIII в. гагаузам при переселении с Балканского полуострова в Буджак льготы не предоставлялись.

25. В число местного населения входило и гагаузское население, которое осело здесь в XVI–XVIII вв. См. подробнее: *Радова О.К. (Каранастас).* Этнодемографические данные по современному состоянию городов и сел Гагаузии (Гагауз Ери) // Педагогический журнал. 1999. № 1–2. С.85; см.также: *Радова (Каранастас) О.К.* Гагаузы Буджака. Этническая история и формирование этноса // Ежегодник Института межэтнических исследований Академии наук. Т. I. Кишинэу. 2000. С. 90–93.

26. В данном случае под термином «немецкие колонисты» подразумеваются жители сел, заселенные немцами. В XIX в. под термином «колония» русская администрация подразумевала «село».

27. *Батюшков П.Н.* Бессарабия. Историческое описание. СПб., 1892, С. 144.

28. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. III. Бессарабская область. СПб., 1861. С. XXIV.

29. Названия сел даны согласно первоисточникам.

30. *Батюшков П.Н.* Указ. соч. С. 144.

31. *Логорио И.Ф.* Статистические сведения о Бессарабских немецких колониях в 1861–1862 гг. // Записки Бессарабского областного статистического комитета. Т.I. Изд. под ред. А.Н.Егунова. Кишинев, 1864. С. 78–80.

32. *Батюшков П.Н.* Указ. соч. С. 144; *Логорио И.Ф.* Указ. соч. С. 78–80.

33. Батюшков П.Н. Указ. соч. С. 144.

34. Зеленчук В.С. Население Бессарабии и Поднестровья в XIX в. (этнические и социально-демографические процессы). Кишинев, 1979. С. 208.

35. НАРМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9248. ЛЛ. 29–30; Списки населенных мест Российской империи. С. XXIV; см. также: Батюшков П.Н. Указ. соч. С. 144.; см. также: Зеленчук В.С. Указ. соч. С. 208.

36. ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 2876. ЛЛ. 304–305; Кутузов в Дунайских княжествах (Сб. док.). Кишинев, 1948. С. 21–22.

ЕДИНЫЙ КНИЖНЫЙ интернет-магазин

Первый тематический книжный магазин по "украинскому" вопросу.

Высылаем каталог по почте и поможем с приобретением мелкооптовых партий книг.

Книги в наличии:

- Ульянов Н. Происхождение украинского сепаратизма
- Русская Галиция и "мазепинцы"
- Сидоренко С. Украина - тоже Россия
- Чуев С. Украинский Легион
- Геровский Г. Язык Подкарпатской Руси
- Аристов Ф. Литературное развитие Подкарпатской (Угорской) Руси
- Поп И. Энциклопедия Подкарпатской Руси
- Журнал "Русин" и многое другое...

Совместный проект сайтов "Единая Русь" (www.edrus.org), "Украинские страницы" (www.ukrstor.com) и Малорусской народной исторической библиотечки (mnib.malorus.org)

Адрес магазина в Интернете: <http://magazin.malorus.org>
e_mail: magazin@malorus.org Тел.: +7 (903) 53 44 218

Адрес: Россия 109028 Москва. До востребования.

Предъявителю ОЗП 5 IN 1196995

Степан БУЛГАР

НАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ «ГАГАУЗ ХАЛКЫ» (1989–1994 гг.)

В последнее время предпринимаются попытки сфальсифицировать историю национального движения гагаузов. «Все, что делал Народный фронт Молдавии, в составе которого было немало радикально настроенных людей молдавской национальности, – пишет бывший депутат парламента Молдавии Ф. Ангели, – стало повторять в Комрате движение «Гагауз халкы»¹. Попытка поставить в один ряд народное движение «Гагауз халкы» и Народный фронт Молдавии вводит читателей в заблуждение. Народный фронт Молдавии являлся крайне националистической организацией, которая расколола общество по национальному признаку. «Гагауз халкы» защищал не только гагаузов, но и все национальные меньшинства Молдавии и выступал за равноправие всех языков в государстве. Докажем это на фактах.

Дискуссионный клуб «Гагауз халкы» был образован в Комрате в феврале 1988 г. Председателем был избран художник Д. Савастин, ведущим – писатель С. Булгар. Решение о создании национальной организации было принято во время одной из встреч в начале февраля 1988 г., в которой приняли участие С. Булгар, Д. Савастин, Д. Новак (Айоглу) и И. Дьячук². Первое заседание клуба состоялось в комратском Доме культуры 31 марта 1988 г. В работе первого заседания участвовали Дмитрий Савастин, Степан Булгар, а также Федор Маринов, Федор Язаджи, Дмитрий Новак, Андрей Буюклы, Мария Маруневич, Петр Завричко, Иван Бургуджи, Иван Кристиогло, Петр Мойся. В конце заседания гагаузский певец Степан Курудимов исполнил народные песни. В апреле участники клуба приступили к формированию его руководства и приняли Положение о дискуссионном клубе. В течение 1988 г. состоялось несколько заседаний клуба, на которых обсуждались как вопросы национальной культуры, так и политические проблемы, связанные с историей и развитием гагаузского народа.

На начальном этапе работа «Гагауз халкы» воспринималась руководством Комратского района и республики далеко неоднозначно. В газете «Ленинское слово» от 30 апреля 1988 г. развернулась полемика о работе клуба. «Возникновение дискуссионного клуба «Гагауз халкы», – полагал инспектор отдела образования Д. Градинар³, – это веление времени. В последние годы возрос интерес больших и малых на-

родов к своей истории...». Но в номере этой же газеты от 9 мая 1988 г. в статье И. Муткогло и В. Нейковчена «Необходимы обоснованные выводы и их осмысление» уже говорилось: «После 2-го заседания клуб остался лишь вывеской для открытой пропаганды национализма и шовинизма»⁴. В таком же ключе была написана статья начинающего литературного критика И. Топала⁵, который сравнивал «Гагауз халкы» с клубом болельщиков футбольной команды. 25 июня 1988 г. в редакционной статье газеты «Ленинское слово» под названием «Свой угол зрения»⁶ была сделана добросовестная попытка провести анализ работы клуба. Реалии политической жизни в Молдавской ССР вскоре привели общественность к пониманию того факта, что члены «Гагауз халкы» раньше многих осознали опасность национализма, который через два года привел к развалу СССР⁷.

В 1989 г. клуб «Гагауз халкы» превратился в политическую организацию. В Комрате была открыта его штаб-квартира, где заседал Совет. Был организован выпуск стенной газеты «Доору лаф» («Правдивое слово»), которая вывешивалась на стендах в Комрате и в Чадыр-Лунге. 11 февраля группа активистов «Гагауз халкы» выехала в Кишинев. Развернув лозунг «Требуем создания Гагаузской Автономной Советской Социалистической Республики в составе МССР», они провели несанкционированное пикетирование здания ЦК КПМ. Участники этой акции С. Булгар, А. Новак, В. Топал, Г. Стаматов, Д. Савастин, А. Сиркели были арестованы и оштрафованы. Однако в это же время в Чадыр-Лунге возникли общество «Бирлик» («Единство»), лидер – Константин Кывыржик, и общество «Миллет санжысы», руководитель – Федор Терзи, а в Вулканештах – общество «Ватан» («Родина») во главе с Петром Фазлы. 8 января 1989 г. группа активистов из Чадыр-Лунги приняла участие в формировании Инициативной группы Интердвижения Молдавии «Унитате–Единство».

21 февраля 1989 г. народное движение «Гагауз халкы» провело в Комрате научно-практическую конференцию. В ней приняли участие около 1000 жителей Комратского, Чадыр-Лунгского, Бессарабского, Вулканештского районов Молдавии и Болградского района Украины, по существу, она стала первым собранием представителей гагаузов Молдовы и Украины. Открыл заседание и вел его С. Булгар. Выступили А. Гайдаржи, А. Лисецкий, С. Курогло. На обсуждение было вынесено постановление Президиума Верховного Совета МССР «О подготовке законопроектов о функционировании языков на территории республики». В итоговом документе конференции было сформулировано требование о придании государственного статуса наряду с молдавским также русскому языку, «что явится необходимейшей правовой гарантией от любых попыток дискриминации представителей всех

других народов». Участники конференции приняли обращение к ЦК КПСС и Президиуму Верховного Совета СССР, а также к ЦК КПМ о необходимости создания гагаузской автономии.

Обращение нашло отклик в народе, под ним подписались более 6000 человек. На конференции была избрана делегация из 15 человек в составе С.Булгара, П. Фазлы, Д. Савастина, Д. Новака, З. Бакаевой, В. Капанжи, П. Алачева, Д. Гургурова, В. Кириогло, Г. Стаматова, В. Чолак. Необходимо отметить, что П. Алачев и Д. Гургуров были представителями болгар. Делегации было поручено от имени гагаузского народа отвезти подписные листы в Москву. 24 февраля 1989 г. делегация была принята в ЦК КПСС ответственным работником ЦК В.А. Шлыковым. В Президиум Верховного Совета делегация передала листы с подписями. Летом в Комрат прибыла специальная комиссия для изучения требований гагаузов. В ее состав вошли председатель Верховного Совета МССР, главный прокурор республики, министры, ученые, представители общественности. Однако заседания комиссии выявили нежелание руководства Молдавской ССР допустить образование гагаузской автономии. Был разработан проект заключения, по которому гагаузам предлагалось нечто вроде «культурной автономии» или же, в лучшем случае, – национальный район. В апреле 1989 г. в Комрате состоялся большой митинг, организованный «Гагауз халкы», где обсуждались итоги поездки в Москву и предложения по развитию национального движения за автономию.

Обсуждение проекта закона о языковом режиме раскололо общественность Молдавии. Стремясь защитить свои права, жители гагаузских сел проводили сходы и митинги, на которых собирали подписи с требованием создания автономии. Кроме политических акций, «Гагауз халкы» проводил в это время и культурные мероприятия. В мае 1989 г. «Гагауз халкы» впервые организовал празднование народного праздника «Хедерлез» (День св. Георгия), в рамках которого проводился фестиваль эстрадной песни. В июне 1989 г. в помещении штаба «Гагауз халкы» была организована выставка картин художника М. Арабаджи.

Важнейшим политическим событием тех дней явился съезд народного движения «Гагауз халкы», который прошёл 21 мая в Комрате. Всю организационную работу по подготовке съезда провел комитет во главе с С. Булгаром. Гагаузов поддержали все сторонники национального равноправия. Среди 523 делегатов съезда было 338 гагаузов, а также русские, молдаване, украинцы, евреи. Присутствовали делегация Интернационального движения Молдавии «Единство», ученые, гости из союзных республик. Были приглашены и представители «Народного фронта Молдовы». В докладах историков Степана Куроглу и Марии Маруневич, экономиста Константина Таушанжи, учителя Ивана Че-

бана, филолога Гавриила Гайдаржи и других участников были рассмотрены экономическое и социальное положение гагаузского народа, политическая ситуация на юге Молдавии и перспективы ее развития. Представитель Народного фронта Молдовы Георгий Гимпу заявил, что в республике проживают только два народа – молдавский и гагаузский, остальные имеют культурные и административные центры за пределами Молдавии. Делегаты расценили это заявление как попытку НФМ политически изолировать гагаузов от других народов. Съезд принял декларацию о стремлении гагаузского народа самоопределиваться путем образования Гагаузской автономной республики в составе Молдавской ССР.

На съезде было решено объединить «Гагауз халкы», «Бирлик» и «Ватан» в гагаузское народное движение «Гагауз халкы». Съезд избрал новый Совет «Гагауз халкы» в составе 89 человек и исполнительный комитет из 21 человека. Председателем Совета народного движения «Гагауз халкы» был избран С. Булгар, а его заместителем – М. Кендигелян. Актив народного движения составили Г. Калчу, П. Фазлы, А. Буюклы, В. Капанжи, И. Бургуджи, М. Маруневич, Д. Савастин, И. Гарчу, Д. Градинар, Г. Арабаджи, А. Чешмеджи, И. Кристиогло, Д. Мавроди, Д. Новак, А. Киор, И. Топал, Г. Стаматов, П. Завричко, И. Пометко, Н. Димитриогло, З. Бакаева, М. Гагауз, Г. Кышлалы и др. Руководство гагаузского движения взяло курс на создание гагаузской автономии. После съезда народно-го движения «Гагауз халкы» в Москву, где начал работу первый Съезд народных депутатов СССР, выехала гагаузская делегация в составе С. Булгара, Д. Савастина, П. Фазлы, В. Капанжи, М. Маруневич, З. Бакаевой, А. Буюклы, где встретилась с народными депутатами СССР, представителями различных партий и движений, выступала на митингах. По просьбе гагаузской делегации народный депутат СССР от Ровенской области Г. Ануфриев, уроженец Вулканешт, обратился с письменным запросом по проблеме гагаузов МССР к руководству Съезда народных депутатов СССР. Гагаузов также поддержал народный депутат СССР от г. Ровно полковник Мартиросян.

В начале июня 1989 г. на одном из заседаний съезда председатель Верховного Совета СССР А.И. Лукьянов озвучил текст запроса о необходимости создания гагаузской автономии. Работу по разъяснению проблемы создания гагаузской автономии с руководством Верховного Совета СССР и народными депутатами, политическими движениями проводили депутаты от Молдавской ССР – М. Пашалы и С. Гроздев, а также Ю. Блохин, один из руководителей Интердвижения Молдавии. Все это дало положительный результат.

В августе 1989 г. в Комрате была напечатана брошюра «О создании Гагаузской Автономной Советской Социалистической Республики в

составе Молдавской ССР»⁸, составитель С. Булгар. В подготовке брошюры участвовали С. Курогло, М. Маруневич, Г. Гайдаржи, К. Таушанжи и А. Димогло. Помощь в издании брошюры оказал председатель Комратского райисполкома В. Волков. Также была подготовлена предполагаемая карта ГАССР. С этими документами делегация гагаузов численностью более шестидесяти человек во главе со С.С. Булгаром выехала в Кишинев, где встретила с председателем Совета Министров МССР И.П. Калиным и другими руководителями республики. Им был передан пакет документов, обосновывающих необходимость создания гагаузской автономии, и проведены переговоры, которые не дали результатов. После этого гагаузская делегация выехала в Москву. 26 августа гагаузские делегаты встретились с председателем Съезда народных депутатов А.И. Лукьяновым.

7 августа 1989 г. по инициативе народных депутатов СССР, президиум Верховного Совета МССР создал комиссию «По изучению запросов народных депутатов и других обращений по созданию автономии гагаузского народа». В октябре 1989 г. народное движение «Гагауз халкы» было зарегистрировано Министерством юстиции Молдавской ССР и, тем самым, обрело официальный статус. Программа Движения получила широкую поддержку среди населения гагаузских районов. К началу 1990 г. в составе местных организаций «Гагауз халкы» насчитывалось свыше 3000 чел.⁹

Однако работа комиссии Верховного Совета Молдавской ССР проходила в политически очень сложных условиях. Летом и осенью 1989 г. в республиканских газетах «Народное образование», «Литература ши арта» и других стали появляться провокационные и оскорбительные для гагаузов статьи. 1 октября 1989 г. в газете «Гинеримя Молдовой» некто Василе Нэстасе опубликовал статью «Хроника вандализма. Лишай. (Гагаузы в Молдавии)»¹⁰. Председатель комиссии Виктор Пушкаш (председатель Верховного суда МССР) искусственно затягивал работу комиссии. Тем не менее, руководителями рабочих групп была проведена большая работа, были привлечены специалисты в области государства и права, истории. Комиссия провела несколько заседаний.

Искусственное затягивание решения вопроса о создании гагаузской автономии привело к радикализации определенной части участников народного движения «Гагауз халкы». 30 октября на заседании Совета после бурной дискуссии было принято решение созвать второй Чрезвычайный съезд гагаузского народа. Он открылся 12 ноября 1989 г. Его участниками стали 449 гагаузов, 49 русских, 47 молдаван, 33 болгарина, 14 украинцев, 11 белорусов. Присутствовали делегации Интердвижения «Унитате–Единство», рабочих Рыбницы, Тирасполя, Бен-

дер, комитета по созданию польской автономии в Литве, а также Народного фронта Азербайджана¹¹. Председательствовал на съезде учитель М.В. Кендигелян. По докладу председателя народного движения «Гагауз халкы», руководителя рабочей группы Республиканской комиссии С.С. Булгара съезд постановил образовать на территории компактного проживания гагаузов в Бессарабском, Вулканештском, Комратском, Тараклийском, Чадыр-Лунгском районах и некоторых селах Кагульского района Гагаузскую Автономную Советскую Социалистическую Республику. Это решение поддержали все 30 выступивших на съезде докладчиков¹².

Решение о создании автономии было следствием глубоких изменений в национальном сознании гагаузов. «В настоящее время, – говорилось в Декларации съезда о создании автономии, – гагаузский народ пока еще существует как самостоятельный этнос, осознает себя как нация и в состоянии возродить себя и самостоятельно развиваться. Юридической и практической гарантией этого возрождения может явиться создание национально-территориальной автономии гагаузов». Вместе с тем образование ГАССР не было актом отделения от Молдавии, гагаузская автономия создавалась в составе Молдавской ССР. «Мы ничего не требуем, – говорилось далее в Декларации съезда, – мы просим предоставить нам то, что по праву принадлежит гагаузскому народу. Отныне этот народ хочет строить свою жизнь самостоятельно и управлять ею, основываясь на собственном самосознании и национальном самоопределении. Да здравствует Гагаузская Автономная Советская Социалистическая Республика! Да здравствует дружба между гагаузским и молдавским народами! Да здравствует нерушимая дружба между всеми народами, живущими в составе великого Советского Союза!»¹³. Это была попытка оградить население региона от националистического произвола.

Однако официальный Кишинев, игнорируя его причины, предпочел истолковать самоопределение гагаузов как акт сепаратизма. Уже 13 ноября Президиум Верховного Совета МССР под председательством М. Снегура признал решения съезда неконституционными и уведомил общественность, что комиссия по изучению вопроса об образовании автономии для гагаузского народа, созданная по запросам народных депутатов СССР, завершит работу к 1 декабря. На заседание президиума Верховного Совета МССР был приглашен С. Булгар, который рассказал присутствовавшим о решениях, принятых на съезде. Гагаузских деятелей уговаривали согласиться с образованием гагаузского национального района или вообще с неопределенной «национально-культурной автономией». Это был правовой капкан. Навязывая гагаузскому народу формы автономии, не предусмотренные Конститу-

цией СССР, его подталкивали на незаконный путь создания национально-территориального образования и пытались выиграть время, чтобы сорвать создание автономии¹⁴. Эти попытки не удалась. 23 декабря 1989 г. состоялось последнее заседание комиссии. На нем выступили с докладами С. Курогло, С. Булгар, И. Каракаш. Несмотря на то, что В. Пушкаш попытался сорвать завершающее заседание комиссии, делегаты проголосовали и подписали документ с выводами комиссии о необходимости создания гагаузской автономии.

Весной 1990 г. С.М. Топал, М.В. Кендигелян, Г.И. Калчу, В.Д. Капанжи, С.С. Курогло и некоторые другие деятели гагаузского движения были избраны народными депутатами Молдавской ССР. Вместе с депутатами от Приднестровья и участниками движения «Единство» они составили депутатскую фракцию «Советская Молдавия». Народный фронт Молдовы располагал всего 25% мандатов. Тем не менее, председателем парламента стал бывший председатель Президиума ВС МССР М.И. Снегур, а премьер-министром – председатель НФМ М.Г. Друк.

Получив власть, «Народный фронт» ужесточил курс на конфронтацию. Телевидение, радио, газеты начали новую кампанию разжигания вражды к национальным меньшинствам. 23 июня 1990 г. парламент принял «Заключение» по пакту Молотова–Риббентропа. Бессарабия и Северная Буковина провозглашались оккупированными румынскими территориями, а создание 2 августа 1940 г. Молдавской ССР – незаконным актом. НФМ выступил с требованием о переименовании Молдавской республики в Румынскую Республику Молдова. Гагаузы помнили оккупационный режим в Бессарабии в 1918–1940 и 1941–1944 гг. Поэтому отрыв Молдавии от Союза и ее присоединение к Румынии был для них совершенно неприемлем. 22 июля 1990 г. на заседании Чрезвычайного съезда представителей гагаузского народа в Комрате были утверждены гимн, герб, флаг ГАССР и учрежден Гагаузский национальный университет. В ответ на эти решения председатель парламента ССР Молдовы М.И. Снегур уже 27 июля подписал постановление об «аннулировании» решений первого, второго и третьего заседаний Чрезвычайного съезда. Гагаузам было отказано в статусе народа, в постановлении значилось: «народности». В других документах парламента их именовали этнической группой, проживающей на национальной территории молдаван. Когда в Комрате стало известно об «отмене» решений представительного собрания гагаузов, это вызвало волну митингов протеста.

На съезде был образован Временный комитет содействия утверждению ГАССР во главе со С. Топалом, и принято Положение о Временном комитете. После образования Временного комитета некоторые активисты спровоцировали ряд конфликтов во время заседания

Совета народного движения «Гагауз халкы» с целью оказать давление на принятие решений Советом. Это привело к расколу в Совете «Гагауз халкы». Временный комитет отеснил «Гагауз халкы» на второй план. Созданный в демократические времена перестройки «Гагауз халкы» как массовое народное движение стал не нужен. В дальнейшем съезды народного движения «Гагауз халкы» больше не проводились. Тем не менее, в составе Временного комитета и Гагаузской республики работали активисты народного движения, которые продолжали работу, начатую «Гагауз халкы» в 1988–1989 гг. Использовались материалы и документы, подготовленные на съездах «Гагауз халкы», конференциях, комиссиях и т.д. Неоднократно переиздавалась с дополнениями и изменениями брошюра «О создании Гагаузской Автономной Советской Социалистической республики в составе Молдавской ССР», материалы комиссии «По изучению запросов народных депутатов и других обращений по созданию автономии гагаузского народа», но уже без указания фамилий авторов¹⁵.

19 августа 1990 г. в комратском кинотеатре «Дружба» состоялся съезд депутатов Советов всех уровней, представлявших все гагаузские населённые пункты. Из 998 депутатов Советов – от сельских Советов до народных депутатов СССР – в нем приняли участие 787. С оценкой политического положения и отчетом о работе, выполненной Временным комитетом содействия утверждению ГАССР, выступил его председатель С.М. Топал. Провозглашенная 12 ноября 1989 г. Гагаузская АССР была преобразована в суверенную Гагаузскую Республику в составе обновленного Союза ССР. Выборы в Верховный Совет Гагаузской АССР были назначены на 28 октября. Постановлением Президиума Верховного Совета ССР Молдова уже на следующий день после съезда в Комрате его решения были объявлены недействительными. В парламенте представители НФМ потребовали аннулировать депутатские мандаты С.М. Топала, М.В. Кендигеляна и некоторых других депутатов–гагаузов, но участникам фракции «Советская Молдавия» удалось предотвратить принятие этой меры, лишаящей гагаузских лидеров парламентского иммунитета. Министр внутренних дел И.Г. Косташ в сопровождении подразделения МВД прибыл в Комрат.

Политическое руководство Молдавской ССР проигнорировало волю гагаузского народа к национальному самоопределению. 22 августа вышло постановление правительства «О роспуске народного движения «Гагауз халкы»¹⁶, где говорилось: «Гагауз халкы» отклоняется от определённых его уставом целей, задач и средств их достижения, проявляет неуважение к требованиям Конституции ССР Молдова, нарушая положение статей 1, 4, 68, 70, 71, 80, 97, 125, 127, принимает противоправные решения, направленные на подрыв государственного и

общественного строя республики, нарушение ее территориальной целостности»¹⁷.

22 октября, в воскресенье, на многотысячном митинге, устроенном Народным фронтом в центре Кишинева, было объявлено о записи в добровольческие отряды для похода на Юг. Представив свои действия как инициативу НФМ, карательный поход против гагаузов организовало правительство ССР Молдовы. Ректорам высших учебных заведений было предписано сформировать из студентов и преподавателей отряды по 200–400 чел. В районах «волонтеров» мобилизовали через военные комиссариаты. На Чрезвычайной сессии Верховного Совета ССРМ 25 октября депутатские мандаты С.М. Топала и М.В. Кендигеляна, а также сопредседателей Интердвижения Молдавии В.Н. Яковлева, А.И. Большакова и А.К. Белитченко были аннулированы.

Жители гагаузских сёл выставляли посты у въезда в сёла. Нарастала волна солидарности с гагаузами. Рабочие организации Приднестровья мобилизовали и направили автобусами через территорию Украины 4500 дружинников. 2000 из них прибыли в Комрат. По просьбе одного из руководителей Интердвижения Молдавии народного депутата СССР Ю.В. Блохина в Чадыр-Лунгу, Комрат и Вулканешты были переброшены подразделения Болградской дивизии ВДВ, а затем подразделения внутренних войск.

Угроза кровопролития ускорила ход событий. Временный комитет Гагаузской Республики досрочно провёл выборы в Верховный Совет ГР. 21 ноября Верховный Совет ГР вновь собрался на сессию и сформировал руководящие органы республики. В августе 1991 г., после «пучка» ГКЧП, Гагаузия провозгласила свою независимость. Противостояние с официальным Кишиневом длилось до конца до конца 1994 г.

В 1994 г., после отмены намеченной на весну этого года аттестации служащих на знание государственного языка, принятия новой Конституции Молдовы и решения ряда других неотложных вопросов, были возобновлены переговоры между Кишиневом и Комратом. 23 декабря 1994 г. после жаркой полемики, в которой приняла участие и делегация Верховного Совета Гагаузской Республики, парламент Республики Молдова принял Закон «Об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери)». За его принятие проголосовали 27 (из 28) депутатов–участников фракции «Социалистическое Единство» и большинство депутатов–аграриев.

Это был компромиссный документ. В преамбуле закона было указано: «Руководствуясь принципами Конституции Республики Молдова, проявляя добрую волю и стремление сохранить веками сложившиеся добрые отношения между народами, с целью удовлетворения национальных потребностей и сохранения самобытности гагаузов, наиболее полного и всестороннего их развития, обогащения языка и национальной культуры

гагаузов, обеспечения их политической и экономической самостоятельности, учитывая, что первичным носителем статуса Гагаузии (Гагауз Ери) является малочисленный гагаузский народ, компактно проживающий на территории Республики Молдова, при приоритете прав человека, сочетании общечеловеческих и национальных ценностей, равенства всех граждан, проживающих в территориальном автономном образовании, независимо от национальной принадлежности и других признаков, Парламент принимает настоящий закон».

Придание в декабре 1994 года юридического статуса Гагаузии имело для ее народа огромное значение. Малочисленный гагаузский народ занял подобающее ему место среди других народов Молдавии и получил возможность самостоятельно решать вопросы своего экономического и культурного развития. Законом «Об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери)» был погашен и языковой конфликт. В статье 3 Закона говорится, что официальными языками и языками делопроизводства в органах Гагаузии (Гагауз Ери) являются молдавский, гагаузский и русский языки. Наряду с официальными языками на территории Гагаузии законом гарантируется функционирование и других языков. Таким образом, официальный Кишинев признал право гагаузов на использование в делопроизводстве русского языка. Принятый 23 декабря Закон о создании гагаузской автономии представлял собой пример решения конфликта миром, парламентским путём.

Закону «Об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери)» был придан статус органического, т.е. второго по значимости, закона, изменения и дополнения в него могут быть внесены только тремя пятью избранных депутатов Парламента Молдовы. Законом было определено, что в состав Гагаузии входят населённые пункты, где гагаузы составляют более 50 процентов населения. Другие населённые пункты, где гагаузы составляют менее половины населения, могли быть включены в состав Гагаузии на основе референдума, проведённого по инициативе не менее одной трети избирателей. Подобный референдум в Гагаузии был назначен на 5 марта 1995 г. В нем приняли участие жители 36 населённых пунктов Комратского, Чадыр-Лунгского, Вулканештского, Тараклийского и Бессарабского районов. В состав Гагаузии по его итогам вошло 29 населённых пунктов.

Выборы главы Гагаузии и законодательного органа автономии прошли в соответствии с Временным положением правительства РМ о выборах башкана и Народного Собрания Гагаузии. В этот же день жители Гагаузии участвовали в референдуме по определению административного центра Гагаузии, которым стал город Комрат. 11 июня были избраны первый башкан Гагаузии – Г.Д. Табунщик и депутаты Народного Собрания.

На I Всемирном конгрессе гагаузов 20 июля 2006 г. президент Молдовы В. Воронин сказал: «Двенадцать лет назад в Молдове была провозглашена Гагауз Ери, двенадцать лет назад бесконфликтно, без жертв, в согласии, на территории Молдовы гагаузы нашли свою уникальную форму самоопределения. А ведь это был и остаётся единственный на постсоветском пространстве случай, когда самоопределение разрешилось в столь цивилизованных формах». Важную роль в этом сыграло Народное движение «Гагауз халкы».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Ангели Ф.* Гагаузская автономия (1989–2005 гг.). Кишинев, 2006. С. 16.
2. *Дьячук И.* Создание народного движения «Гагауз халкы» // Избранные произведения в гагаузской литературе. Комрат. 2003. С. 215.
3. *Градинар Д.* Размышления о дискуссионном клубе «Гагауз халкы». Необходимо содействие и умелое руководство // Ленинское слово. 1988, 30 апреля.
4. *Муткогло И., Нейковчен В.* Размышления о дискуссионном клубе «Гагауз халкы». Необходимы обоснованные выводы и их осмысление // Ленинское слово. 1988, 9 мая.
5. *Топал И.* Размышления о дискуссионном клубе «Гагауз халкы». Полуправда нынче не в почёте // Ленинское слово. 1988, 17 мая.
6. *Маринов Д.* Заметки по поводу дискуссионного клуба «Гагауз халкы». Свой угол зрения // Ленинское слово. 1988, 25 июня.
7. *Дмитриев М.* В поиске истины // Ленинское слово. 1989. 2 марта.
8. О создании Гагаузской Автономной Советской Социалистической республики в составе Молдавской ССР. Комрат, 1989.
9. *Шорников П.* Образование гагаузской автономии // История и культура гагаузов. Комрат–Кишинев, 2006. С. 405.
10. *Нэстасе В.* Хроника вандализма. Лишай. (Гагаузы в Молдавии) // Газета «Гинеримя Молдовой». 1989, 1 октября.
11. Единство. 1989. 1 декабря.
12. Документы, принятые на первом и втором заседании Чрезвычайного съезда полномочных представителей гагаузского народа. Комрат, 1989. С. 7.
13. Там же. С. 3.
14. Там же. С.16.
15. О создании Гагаузской Автономной Советской Социалистической республики в составе Молдавской ССР. Комрат, 1989.
16. Постановление Правительства ССР Молдова «О роспуске народного движения «Гагауз халкы» // Советская Молдавия. 1990. 23 августа.
17. Там же.

Василе СТАТИ

ДЕНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ МОЛДАВАН КАК СРЕДСТВО УПРАЗДНЕНИЯ МОЛДАВСКОГО ГОСУДАРСТВА

Перефразируя известные строки из шекспировской трагедии «Ромео и Джульетта», молдавский академик Артем Лазарев писал:

**Нет трагичнее истории в Европе,
Чем история молдаван и о Молдове...¹**

Охватывая с XIV в. пространство от Северных Карпат до Черного моря и от Днестровского побережья до Восточных Карпат, историческая территория молдаван постоянно возбуждала аппетиты соседних государств: Венгрии, Польши, Валахии, Румынского королевства, Османской и Австро-Венгерской империи. В результате различных нашествий и европейских военных конфликтов границы Молдовы неоднократно, по прихоти более сильных, изменялись, а ее территория разделялась, перекраивалась вплоть до современных контуров, закрепленных уже в международных договорах. Все бывшие, разные работодатели, «раскройщики» Молдовы – от валахов до австро-венгров, от русских великодержавников до великорумын – стремились, прежде всего, привести, по формуле румынского академика Г. Цепеля, «теоретические мотивации»² территориального захвата, а затем попытаться денационализировать это коренное население. Причем эти тенденции захватчики проявляют и после того, как их изгнали с оккупированных чужих территорий. Так, например, определенные западные политические круги, ученые, публицисты, не избавившиеся от синдрома «Великой Румынии» («România Mare») по меньшей мере до Буга, постоянно муссируют, идеологически и информационно подпитывают экспансионистские идеи «восстановления Великой Румынии» за счет территорий Молдовы и Украины.

Поскольку достижение этой ирредентистской цели силовыми методами абсурдно и самоубийственно, различные антимолдавские антигосударственные круги распространяют несостоятельные концепции

о некоей «тождественности» молдавского и румынского этносов, тиражируют смехотворные небывлицы о том, будто «молдавская нация и молдавский язык – это имперские, русские и советские, теории». Эту несуразицу публично озвучил, в числе многих других, и бывший президент Румынии И. Илиеску³. Сколь бы несостоятельны и смехотворны не были эти нелепости, они далеко не безобидны.

В последние десятилетия XX в. мир осознал, что нации могут исчезнуть не только вследствие физического уничтожения, но и путем массивированного информационно-идеологического давления на менталитет подрастающего поколения. Например, если неустанно вдальблывать ребенку из семьи итальянцев, ревностных католиков, что он бербер, т.е. приверженец Мохаммеда, то он и вырастит убежденным арабом-мусульманином. Легко представить, что получится, если эту ситуацию экстраполировать на целую нацию, например, на молдаван. Невероятно, но подобная ситуация установилась в суверенном государстве – Республике Молдова и продолжается уже 16-й год.

В силу исторических обстоятельств «произошло расчленение прежде единого молдавского народа, части которого ныне оказались в пределах разных государств»⁴. Но где бы ни застала судьба этнических молдаван, на территории каких бы то ни было государств – в Украине, в Казахстане, России, в Белоруссии и даже в нынешней Молдове – они в большинстве своем сохранили свою национальную идентичность – **молдовень** и языковое самосознание – считают себя носителями молдавского языка (*лимба молдовеняскэ*). Напомним, что по переписи 2004 г. в Молдове проживают 2 565 000 молдаван (76% населения), из которых 2 100 000 назвали свой родной язык – **лимба молдовеняскэ**. Поразительно, но нынешние власти до сих пор не опубликовали полных итогов переписи населения 2004 г. С чего бы это?

Военно-политические режимы государств, порабощавших Молдову, всячески пытались вытравить историческую память молдаван, дискредитировать их языковое и этническое самосознание: очернить лингвоним *лимба молдовеняскэ*, этноним *молдовень*, установить на молдавской земле не только военно-колониальную, но и «педагогическую диктатуру» (понятие принадлежит Г. Маркузе). Так было после нашего визита румынских войск (январь 1918 г.) на Молдавскую Демократическую Республику, провозглашенную 2 декабря 1917 г. Захватив Молдавскую Республику, румынские военно-оккупационные власти установили продолжавшийся двадцать два года режим осадного положения, развернув беспрецедентную кампанию насильственной румынизации многонационального населения края: украинцев, русских, болгар, гагаузов, но прежде всего – молдаван.

В этой всеохватывающей идеологической битве по дискредитации, по отрицанию всего молдавского, по насаждению великорумынских идей участвовали все – от военной администрации до военно-полевых судов, жандармов, префектов, от учителей, директоров школ, перчетторов (сборщики налогов), священников до академиков. Румынский философ П. Цуця отмечал: «Преобладание филологических и исторических исследований в старой Академии объяснимо, если учтем идею национального единства. Все было поставлено в ее услужение. Филологические и исторические исследования были духовными боевыми орудиями наряду с военно-политическими. С их помощью доказывали наше присутствие, непрерывность и единство в пространстве, которого мы добиваемся» .

Румынская политико-идеологическая экспансия - филологическое, историческое давление, румынизаторская «педагогическая диктатура» - с новой силой возобновилась в Молдове в 1990 г. и развивается по нарастающей, даже откровеннее и нахрапистее, чем в 1918-1940 гг., когда Молдавская Демократическая Республика была оккупирована румынскими дивизиями. Многолетнее беспристрастное изучение этнополитических процессов в Молдове позволяет заключить, что властные структуры, в том числе и избранные всем народом, безучастно уже 16-й год в лучшем случае созерцают эти явления, чтобы не сказать, что способствуют им. В этой ситуации общественные организации, ассоциации историков, преданных Молдавскому государству, мужественно, несмотря на все преграды, на нетерпимость к ним власть имущих и на неблагоприятные для них последствия, стремятся назвать вещи своими именами.

Сегодня, в начале третьего тысячелетия, суверенная Республика Молдова оказалась на пороге потери своих этноязыковых, культурно-исторических, а, значит, и политических, и правовых основ. Уже 16-й год истинные ученые, мужественные политики, общественные организации, объединяющие сотни тысяч сторонников, преданных Молдове, бьют в набат, обращая внимание руководящих эшелонов на тоталитарную кампанию по денационализации и разгосударствлению молдавского народа-носителя государственного суверенитета Республики Молдова. Конечная цель этой идеологической, педагогической и информационно-пропагандистской кампании – это дискредитация легитимности Республики Молдова, ее окончательный распад, исчезновение государства по имени Молдова. Необходимо проявить научную принципиальность и политическую волю, чтобы признать, что был прав народный писатель Ион Друцэ, когда еще в 1995 г. обращал внимание на то, что те, кто специализируются на унижении нашего молдавского достоинства, нашего молдавского будущего, «слишком дале-

ко зашли в своей черной миссии». Потому что, как предостерегал великий мастер, если очернители молдавского народа и Молдавского государства своими действиями, заявлениями, публикациями «сумели произвести полную переориентацию в наших умах...», значит другие издания, которые появятся со временем, с легкостью овладеют нами, а значит, нация как таковая не имеет будущего»⁶.

Публикации, о которых предупреждал нас писатель-академик в 1995 г., сегодня захватили все молдавское информационное пространство. Сегодня никто нигде не может печатать хотя бы слово в защиту национального достоинства молдаван, в защиту их права назвать свой родной язык **лимба молдовеняскэ**, в обоснование законности и исторического континуитета Молдавского государства! Потому что **в демократическом, плюралистическом и суверенном государстве Республика Молдова нет ни одной молдавской газеты!** Конференции, симпозиумы «специалистов», пытающихся отрицать молдавский язык, проводятся непрерывно; книги и сборники о якобы румынской принадлежности Пруто-Днестровской Молдовы выпускаются постоянно: «Бессарабия вновь на перекрестке» (1995), «Теряем Бессарабию» (1993), «Битва за Бессарабию» (2000 г.), «Бессарабия, румынская земля» (2001 г.), «Румынская Бессарабия» (2003 г.) и многие другие с подобным названием и с теми же экспансионистскими целями... Оскорбительные статьи, заявления, декларации о молдавской нации, о ее основном идентифицирующем признаке – лингвониме *лимба молдовеняскэ*, оскверняющие историческую память молдавского народа, тиражируются безостановочно – на глазах у безразличных властей! – и даже озвучиваются с парламентской трибуны.

Тысячи открытых писем, обращений граждан, меморандумов и заявлений общественных организаций, направленных высшему руководству страны, и даже принятые парламентом законы, в том числе «*О концепции государственной национальной политики*» от 19.12.2003 г., о постоянных политико-идеологических посягательствах на безопасность государства – через всю систему образования, средства массовой информации, культурные центры и Академию наук – много лет подряд остаются без внимания власти, вызывая саботируются структурами правительства. Многочисленные, обоснованные, законные требования – выражение всеобщей воли народа – высокомерно отвергаются сотрудниками министерств и управлений, которые административно навязывают молдавскому многонациональному обществу чужую идеологию, чужие политические ориентации.

Основной закон Республики Молдова подчеркивает, что никто, никакая часть населения не может навязать свою волю всему обществу, а свою доктрину – в качестве государственной идеологии. Узурпация

государственной власти «является тягчайшим преступлением против народа»⁷. Но основные положения Конституции открыто или негласно отвергаются слишком многими служащими государства. Государственное безразличие к молдавским национальным ценностям, чуть ли не официально проявляемое уже 16-й год подряд, дезориентирует многонациональное общество Молдовы, стимулирует, с одной стороны, сепаратистские тенденции, а с другой стороны, реваншистские ирредентистские поползновения.

Исходя из общепринятой методологии, что наука должна обобщать общественные явления и выяснять вектор их развития, отметим, что Республика Молдова – единственное в мире государство, в котором уже 16 лет подряд одно этническое меньшинство, численно гораздо меньшее других национальных меньшинств, вызывая дискредитирует мажоритарный этнос – молдаван, не признает легитимности Республики Молдова, навязывает молдавскому многонациональному обществу националистические, а по сути политические и идеологические установки чужого государства.

Положение с правами всех компонентов молдавского многонационального общества определяется точно по формуле Дж. Оруэлла: все звери равны, но некоторые более равны. В Республике Молдова все нации/представители наций равны, но румынское меньшинство – 2,2% населения – более равно, чем все остальные, даже чем молдаване – 76% населения страны. Непостижимо, как некоторые деятели культуры, государственные сановники и даже люди, считающие себя учеными-демократами, позволяют себе высокомерно отказывать 3 000 000 молдаван в праве «рассматривать себя как таковых и считаться таковыми»⁸. История, в том числе и события начала 90-х гг. XX столетия, преподала Молдове жестокий урок: вызывающее игнорирование национальных прав и убеждений какой-либо общности, тем более народа с 700-летним языковым и этническим самосознанием, всегда имеет необратимые последствия.

Всестороннее многолетнее изучение этнополитических процессов в Молдове свидетельствует, что главная опасность для единства молдавского многонационального общества, для его территориальной целостности и даже для восстановления плодотворных связей с традиционными партнерами состоит в том, что очень незначительная часть населения – всего 2,2%, – политические лидеры которого, идейно и финансово поддерживаемые извне, захватили и держат в своих руках влиятельные рычаги во всех структурах власти, особенно в правительстве и в парламенте. При попустительстве высшего руководства они отвергают право молдаван – 76% населения! – на этническую и языковую идентичность, на национальное и государственное самоопределение.

Развивающиеся в последние десятилетия в Молдове этнополитические процессы со всей очевидностью показывают, что одно из основных направлений квазиофициальной политики денационализации, а значит, и разгосударствления молдавского народа – это непрерывные попытки ликвидации его фундаментального национального признака – лингвонима *лимба молдовеняскэ* (молдавский язык). Подлинно демократическое молдавское общество, его интеллектуальные силы, памятующие, что «преданность стране священна», сознают угрожающую опасность и поэтому бьют в набат, взывая не только к народу Молдовы, но и к политикам других стран, к научному сообществу, в том числе, и через сегодняшнюю конференцию: *Люди, будьте бдительны!* Потому что вызывающее нарушение прав молдаван на языковое и этническое самосознание, на свое государственное самоопределение может привести к распаду многонационального общества, к реанимации лозунга «Кишинев-вокзал-Россия», к возобновлению позорных походов на Юг...

Пользуясь случаем, мы официально обращаемся через присутствующего на конференции известного этнолога, почетного члена АН Молдовы М.Н. Губогло к башкану Гагаузии, к Народному Собранию Гагауз Ери с просьбой оказать нам помощь в подготовке и издании монографии «**Молдаване**». Соответствующие деятели АН Молдовы уже пятый год саботируют решение президента Молдовы по этому вопросу. А состояние этнологии в Молдове сродни сейчас состоянию румынской промышленности конца XIX в., которая, по определению румынского писателя-сатирика И.Л. Караджале, так высокоразвита и бесподобна, что просто не существует.

Многолетнее всестороннее изучение этнополитических процессов позволяет нам со всей ответственностью предостеречь: навязыванием чужого лингвонима, чужой истории, чужого этнонима и чужой государственной символики, фальсификацией исторического имени государства – превращением Молдовы в «Бессарабию» – политический класс Молдовы не сможет консолидировать многонациональное общество, не сможет восстановить территориальную целостность страны, не сможет избежать ее распада, что, в конце концов, приведет к исчезновению Молдавского государства. Не сможет восстановить крайне важные для Молдовы политические и экономические связи с Россией... Правда, в этом плане возникла надежда. Как сообщает печать, «очень авторитетные политические деятели, подлинные представители молдавского народа М. Ткачук и В. Шова поехали в Москву налаживать связи молдаван с россиянами».

Поразительно, но иногда некоторые исследователи и даже парламентарии раздраженно сетуют: «Что вы возитесь со своим языком?».

Дескать, не все ли равно, как его называют? Нередко нам, молдаванам, говорят: «Это ваше дело, - с легкостью неимоверной забывая, что существуют законодательство о функционировании языков, статьи Конституции, которые определяют не только права и свободы, но и обязанности граждан Республики Молдова. В связи с этим считаем уместным напомнить, что «государственный язык является важным атрибутом государственного суверенитета Молдовы»⁹ как и знамя, и герб, и гимн, что «государственный молдавский язык – это важнейшая предпосылка существования молдавской нации в ее суверенном национально-государственном образовании»¹⁰.

Об исключительной значимости защиты государственного языка для консолидации общества, для интеграции страны свидетельствуют следующие примеры. В 70-е годы прошлого столетия из-за нарушения закона о функционировании государственных языков пало правительство Бельгии. Молдавский парламент XII созыва был вынужден самораспуститься из-за того, что так и не смог определиться по названию государственного языка. Братоубийственный конфликт на Днестре и разделение страны имели в своей основе насильственные попытки навязать молдавскому многонациональному обществу левобережья Днестра чужой лингвоним, чужую государственную символику. Отсюда следует очевидный вывод, что языковым самосознанием, корректным, очень осторожным подходом к вопросам использования и защиты родных языков нельзя пренебрегать, поскольку они чрезвычайно чувствительны и социально взрывоопасны. Другой очевидный вывод состоит в том, что в многонациональном обществе нельзя добиться прочной стабильности, пренебрегая культурно-историческими ценностями любого этнического компонента, языковым и этническим сознанием подавляющего большинства народа.

Оппоненты молдавского этноса и Молдавского государства хорошо знают, что кратчайший путь к денационализации молдаван, а значит, и к ликвидации суверенного государства – это дискредитация лингвонима **молдавский язык** как важнейшего идентифицирующего признака государствообразующей нации. Очевидно, что если ликвидируется этноним **молдовень** как сплачивающий, связующий элемент, как этноисторическое, соединительное и учредительное ядро Молдавского государства, то исчезают национальные, политические и правовые основы существования Республики Молдова.

С 1993 г. местный лидер парламентской ирредентистской оппозиции предостерегает своих сторонников: «Не обсуждать вопрос глотонима «румынский язык» отдельно от этнонима «румын». Поскольку основной элемент, вокруг которого пойдет великая битва, – «румынский народ, а не молдавский»¹¹. Председатель Союза писателей, созна-

вая важность лингвонима *молдавский язык* для будущности Молдавского государства, заявил в 1995 г.: «Утверждением понятия «молдавский язык» преследуется отказ от румынской государственности Республики Молдова»¹². Бывший румынский посол в Кишиневе Виктор Бырсан открыто заявил: «Если бы не существовало молдавской нации и молдавского языка, не было бы необходимости в существовании молдавского государства, и захваченные в 1940 г. территории надо возвращать Румынии»¹³. Полагаем, что эти, лишь некоторые из очень многих, свидетельства полностью раскрывают политическую суть тотальной кампании по дискредитации лингвонима *лимба молдовеняскэ*, которая преследует цель переименования молдавского народа в «румынский» для обоснования румынской государственности Республики Молдова.

Меньше всего мы бы хотели, чтобы наше сообщение было воспринято как безутешный плач молдаван, оставленных на национальное растерзание великорумынским ирредентистам. На протяжении веков молдаване прошли через многие испытания, столкнулись с разными великодержавниками, но пережили всех. «Великое чудо состоит в том, что население между Прутом и Днестром выдержало все напасти более чем столетнего царского социального и национального угнетения», 22-летнего румынского социального и национального порабощения, сохранив свой язык, национальное самосознание с прочно утвердившимися традициями. Достижения молдавского народа в науке и культуре, возрождение и утверждение молдавской государственности в 1917 и в 1940 гг. «являются убедительными доказательствами, подтверждающим и жизненность, и силу сопротивления молдавского народа в исторической перспективе»¹⁴.

Угроза исчезновения народа всегда мобилизует всю его волю, веру и силы. Это общеизвестное явление отметил и американский молдавовед Ч. Кинг: «Отрицание территориальной целостности и культурного единства какого-либо этнического общества соседними государствами может стимулировать решение по их защите»¹⁵. Что и происходит в Республике Молдова.

Осуждая попустительство властей, их откровенное «государственное безразличие», молдавское общество мобилизует свои силы. Возродились и проявляют себя с невиданной жизненной силой характерные свойства этого народа, его выдержавший испытания многовековой инстинкт самосохранения, то, что принято называть молдавской сущностью («*фиря молдовенилор*»), молдавским комплексом самовыражения и самозащиты, суть которого заключается в отстаивании своего права на национальное и независимое государственное существование.

Вопреки всем преградам и игнорированию со стороны парламента и правительства, активно действуют патриотическое Движение «**Про Молдова**», Научно-культурная Ассоциация историков Республики Молдова, Ассоциация историков «Меляг натал» («Родной край»), Ассоциация молдаван Украины. Они выпускают две газеты: «*Лучафэрул*» и «*Цара Молдовей*», проводят массовые мероприятия, издают учебники по молдавскому языку и литературе, по истории Молдовы... Своей многогранной, самоотверженной деятельностью они подтверждают убежденную позицию президента Молдовы В. Воронина: «**Мы всегда были и будем молдаванами, а страна наша Республика Молдова... В этом состоит правда о молдавской нации**»¹⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Лазарев А. Я* – молдаванин. Тирасполь. 1995. С. 16.
2. См.подробно: *Stati V. Istoria Moldovei în date*. Chişinău, 1998. P. 7.
3. *Lucrările celui de al doilea Congres al spiritualităţii româneşti*. Drobeta – Turnu Severin. 1995. P. 18.
4. *Лазарев А.* Указ. соч. С. 22.
5. *Țițea P.* Proiectul de tratat. Chişinău, 1992. P. 44.
6. *Druță I.* Ora jertfirii. Chişinău, 1998. P. 294.
7. Конституция Республики Молдова. Кишинев. 1994. С. 22.
8. См.: Декларация о расе и расовых предрассудках, принятая ООН 27 ноября 1978 г. Ст. 2.
9. *Андроник Н., Иванов В., Татар Г.* Государственный суверенитет Республики Молдова. Кишинев, 2000. С. 137.
10. Там же. С. 138.
11. *Roşca Iu.* Exerciţiu de luciditate. Chişinău, 2000. P. 7.
12. *Literatura și Arta*. 25.08.1995.
13. *Mesagerul*. 1995, 10. 02.
14. *Corbu I.* Deschideri către valori. Chişinău, 2003. P. 419.
15. *King Gh.* Moldova post-sovietică: un ținut de hotar în tranziție. Iași, 1997. P. 31.
16. См.: *Степанюк В.* Государственность молдавского народа. Кишинев, 2006. С. 524.

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md/>

Василий КАЗИМИРОВИЧ

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ПОЛЯКОВ МОЛДАВИИ

Молдавия на протяжении всей своей истории была полиэтничной. В силу естественных социально-демографических процессов, политических катастроф, государственных мер, нацеленных на изменение этнического состава населения, здесь сформировалось современное поликультурное общество. После распада СССР в Молдавии возникла проблема совместного проживания граждан различного этнического происхождения в принципиально новых условиях. Хотя молдаване и прежде были мажоритарным этносом, представители других народов (украинского, русского, гагаузского, болгарского, польского и других), кажется, только после перехода республики к независимости действительно ощутили себя этническими меньшинствами. Наша задача – дать очерк истории поляков, проживающих в Бессарабии уже более 200 лет.

В XVIII в. польское присутствие на территории между Прутом и Днестром было эпизодическим. В 1709 – 1713 гг. имела место так называемая «Бендерская эмиграция». Тогда после поражения в Полтавской битве сторонники Станислава Лещинского, одного из претендентов на польский престол, собрались в лагере шведского короля Карла XII на территории Молдавии – в турецкой крепости Бендеры.

В 1807 г., когда шла война с Османской империей, буджакские татары по договоренности с русским военным командованием откочевали в Крым. Поэтому в 1812 г., когда Бессарабия была присоединена к Российской империи, область состояла из двух сильно отличавшихся регионов: южный – почти пустынный, перспективный для колонизации, и среднесеверный – густо заселенный, имевший устоявшееся феодальное устройство, характерное для Молдавского княжества того периода. Осваивая новые территории, Россия поощряла русское дворянство к переселению на льготных условиях. С другой стороны, правительство России избегало введения в Бессарабии крепостного права. К переселению на юг Бессарабии правительство привлекло людей разных национальностей – в том числе проживавших на территории Османской империи. Численность населения Бессарабии росла быст-

ро. Если в 1812 г. она составляла 240 тыс., то в 1830 – 470 тыс., в 1850 – 873 тысячи, в 1856 – 990 тыс. В ее административном центре Кишиневе в 1812 г. проживало 7 тыс. чел., а в 1844 году уже 40 тыс. жителей¹. Российская администрация начала привлекать в Бессарабию и поляков из западных губерний. Образованные люди из поляков оказались очень востребованными. Второй причиной появления поляков в Бессарабии был запрет покупки земли в западных губерниях. В связи с этим они начали переселяться и покупать поместья. При покупке земли они получали льготы. Таким образом в Бессарабии появилось и польское население.

Первое упоминание о поляках датируется 1820 годом. Оно касалось зажиточных польских шляхтичей, поселившихся в Бендерах. Местная власть трактовала их как людей низшего класса. В своей жалобе шляхта высказывалась о недопущении считать их простыми людьми. Причиной всего этого было требование местной администрации о предъявлении документов, подтверждающих их статус, которые были утеряны. Положение российских аристократов признавалось тоже при наличии соответствующих документов. Легализация шляхты иногда длилась довольно долго. Учитывая потребность заселения Бессарабии, власти довольно позитивно относились к подобным делам и уменьшали налоги, а вопрос о легализации иногда рассматривался достаточно быстро.

Общественное положение части шляхты, которая не могла подтвердить документально свой статус, ухудшилось в 1831 г., после ноябрьского восстания в Польше, когда царь значительно повысил налоги на доходы этой группы шляхтичей. В 1835 г. на основании указа Российского сената от 11 сентября было решено, что не легализованные местными депутатами шляхтичи, проживающие в городе, имели право называться мещанами, а проживающие в селах – сельской шляхтой или вольными крестьянами¹. Поляки были довольно многочисленны. «Местное население, – отметил, побывав в Бессарабии в 1843 г., польский дворянин Юзеф Игнаци Крашевски, – состоит из молдаван, польской шляхты, малороссов и великороссов свободных и независимых. Основная часть крестьян работала по контракту, и за это они платили налоги с десятины земли или обрабатывали ее. По окончании контракта – были свободными и могли переехать в другое место»².

Вторая волна миграции поляков в Бессарабию приходится на 40-е гг. XIX в. Она связана с политическими репрессиями в Польше. В 1844 г. в документах бессарабской администрации впервые появилась национальность – поляки. 50% поляков Бессарабии проживало в Хотине и его окрестностях, 25% - в Кишиневе и близлежащих селах, 5% – в Рени, Измаиле и Килии. Царские власти политически не доверяли

полякам. В 1846-1847 гг. была проведена перепись католиков в Измаиле. Были случаи ареста поляков по политическим мотивам. В 1856 г., после Крымской войны, южная часть Бессарабии отошла Молдавскому княжеству, зависимому от Турции. Таким образом, поляки, проживавшие в городах Измаил, Килия, Рени, Кагул, оказались за пределами Российской империи, и общая их численность в области сократилась. Из переписи 1863 года следует, что в Бессарабии проживали всего 2,5–3 тысячи поляков.

По ряду причин для поляков Бессарабии оказался знаменательным 1863 год. Во-первых, поляки не могли быть безразличны к предпринятой тогда попытке восстановления независимости Польши. Во-вторых, в связи с этим усилился «интерес» полиции к полякам Бессарабии, и царская власть предприняла некоторые шаги, направленные на нейтрализацию возможных действий местных поляков в поддержку восставших. Был составлен именной Список поляков, проживавших в Бессарабии. В него были внесены 916 польских семей. В списке указывалась следующая информация: откуда прибыли, в каком году, куда, профессия и т.д. Было установлено, что большая часть поляков прибыла в Бессарабию после 1840 года и происходила из польской шляхты. Из списка следовало, что более 50% семей были шляхтичи, 40% всех семей проживали в Хотине и окрестностях, 20% польских семей проживали в Кишиневе и окрестностях и 15% в Сороках и окрестностях. Более 60% поляков проживало в селах.

Как правило, в Бессарабии поляки добивались высокого социального положения. Большая часть их занимались частным предпринимательством. Более 10% из них занимали должности чиновников, 20% имели свое дело, 15% работали в сельском хозяйстве, 1,5% стали землевладельцами (помещиками), 2% были арендаторами, 6% были заняты в торговле и ремеслах, 20 % составляли люди не установленных профессий, 6% были управляющими поместий. В Сорокском и Оргевском уездах были поляки, имевшие поместья, арендаторы и управляющие поместьями. В то же время в уездах Кишиневском, Белгородском, Измаильском, Бендерском население было преимущественно городским и работало в городских учреждениях. При всем этом многие поляки участвовали в оппозиционных движениях, и царские власти им не доверяли. После подавления польского восстания 1863 г. были составлены списки неблагонадежных чиновников и всех поляков, проживавших в Бессарабии. Некоторые поляки по политическим причинам были сосланы в Сибирь. Следует отметить, что бессарабских поляков выслали преимущественно не в Сибирь, а в Центральную Россию³.

На численности поляков в Бессарабии сказались также восстание в Польше, начавшееся в январе 1863 г., и русско-турецкая война 1877-

1878 г. Политическое положение на польских землях после восстания, а также желание поляков поправить свое материальное положение способствовали усилению миграции из Польши. В Бессарабию в основном переселялись беднейшая шляхта и крестьяне, причем не только из Польши, но и из Литвы и Галиции. Наибольший наплыв поляков имел место в Бельцах. Тогда же были основаны польские села Стырча, Новые Дуруиторы, Новые Бельцы⁴. В этих населенных пунктах численность поляков возросла от нескольких десятков в 1863 г. до 4 тыс. в 1897 г. В Бендерском уезде поляки осели в селе Крецоая. Перепись населения, проведенная в 1897 г., показала, что в Бессарабии проживали 11696 поляков, из них мужчин – 7432, женщин – 4264. Поляки составляли 0,6% населения Бессарабии⁵. Таким образом, за полвека численность поляков возросла почти в четыре раза.

Отношение бессарабской общественности к полякам было вполне положительным. «Кроме селян, ремесленников и чиновников, – отмечал в 1903 г. известный писатель и журналист П. Крушеван, – Бессарабия в начале 40-х годов XIX столетия начала заселяться обедневшей шляхтой. Получив землю в аренду, они сами обрабатывали ее и ухитрялись при небольших заработках и знаниях в сельском хозяйстве организовывать свое хозяйство лучше, чем соседние русские и молдавские. Поляки живут прежде всего в Хотинском уезде, селах: Нелиповцы, Марковцы, Балковцы, Тырново, Бульбока, Волчинец, Михалково, Ломацинцы и др. В этих селах проживает около 2 тысяч человек, большая часть которых состоит из греко-католиков. Всего в Бессарабии проживает не менее 15 тысяч поляков»⁶.

Каких-либо законодательных ограничений национально-культурной деятельности не существовало, и поляки располагали возможностью сохранить свой язык, традиции и религию. Для этого строили костелы, часовни и школы. Поляки, проживавшие в Бессарабии, помогали друг другу, а особенно бедным семьям и одиноким старикам. В Кишиневе поляками в 1899 г. было создано благотворительное общество, насчитывавшее более 200 членов. В 1901 г. в городе была открыта польская школа, в которой через год насчитывалось 90 учащихся. В 1912 г. поляки в Кишиневе открыли дом престарелых, а в Бендерах – приют для детей. Открывались польские приходские школы в других местностях. Существование костела в Кишиневе способствовало сохранению местными поляками польского языка и народных традиций³.

Февральская революция 1917 г. в России изменила и судьбы поляков Бессарабии. Их представитель Феликс Дудкевич был включен в состав Сфатул Цэрий (Краевого Совета), состоявшего из 120 представителей общественных организаций. 2 декабря 1917 г. этот орган провозгласил Молдавскую Демократическую Республику. 24 января

1918 г., когда Бессарабия была занята румынскими войсками, Сфатул Цэрий провозгласил независимость МДР, а 27 марта 1918 г. проголосовал за объединение Бессарабии с Румынией⁵.

В объединенной Румынии бессарабские поляки стали второй по численности польской группой после поляков Буковины. Правовое положение их оказалось более трудным, потому что в Бессарабии на протяжении 22 лет действовал режим чрезвычайного положения. В 1919 г. Румыния подписала трактат «О международной охране прав национальных меньшинств», однако на деле ее правительство проводило политику ассимиляции национальных меньшинств. Под давлением властей в 1918-1924 гг. происходила массовая репатриация поляков из Румынии в Польшу. При этом только из Бессарабии выехало около 2 тыс. поляков. Однако в 1926 г. в Бессарабии проживало около 8 тысяч поляков, в том числе в Хотине – 1500 человек, в Сороках – 1000 человек, Измаиле – 700, Оргееве – 300, Бельцах – 2000, Кишиневе – 2000, Четатя Албэ (Белгород-Днестровский) – 100, Тигине (Бендеры) – 250. Согласно переписи от 29 декабря 1930 года, в Бессарабии проживали 8104 поляка⁵.

Поляки по-прежнему стремились сохранить свой язык и культуру. Ими был создан ряд национально-культурных организаций. Самое большое общество поляков было в Кишиневе, и называлось оно «Wisia». Действовали также культурно-спортивное общество «Warta» и спортивный клуб «Polonia». При обществе действовала польская библиотека. Общества поляков были созданы также в Бельцах, Бендерах, Хотине, Сороках⁷. В 1922 г. в Бессарабии действовало 12 частных польских школ. Под давлением властей десять из них к 1926 г. были закрыты, но две школы – в Кишиневе и Бельцах – польской обществу удалось отстоять. Позднее, после состоявшегося в 1932 г. рабочего визита в Кишинев главы Польского государства Юзефа Пилсудского, в Бессарабии были открыты еще две польские школы, – в Хотине и Белгороде, а в Бендерах, Белгороде, Хотине и Сороках – курсы польского языка³. Но все эти национально-культурные учреждения были запрещены румынским правительством в феврале 1938 г.

Поляки проживали также восточнее Днестра. По данным переписи населения, проведенной 17 декабря 1926 г., в Молдавской АССР, в основном в Каменском и Рыбницком районах, проживали 4853 поляка. Многие из них были высланы в другие места в период коллективизации⁹. Из-за напряженных отношений между СССР и Польшей советские власти не доверяли полякам. Кроме того, поляки участвовали в политической жизни страны, некоторые из них подвергались репрессиям по политическим мотивам. В период индустриализации многие поляки переселились в большие города. В итоге польское население

Молдавской автономии сократилось. По данным Всесоюзной переписи от 17 января 1939 г. в МАССР проживали уже 3390 поляков, в том числе в городах – 1201 человек, в сельской местности – 2189 человек⁵.

28 июня 1940 г. Бессарабия была воссоединена с Россией/СССР. По политическим и социальным мотивам многие поляки вынуждены были уехать в Румынию. В июне 1941 г. некоторые поляки оказались в числе лиц, депортированных из Молдавии по политическим мотивам. Поляки-собственники, как и собственники других национальностей, пострадали в результате национализации промышленности, утратили часть земли. Была национализирована и кишиневская польская библиотека. Впоследствии польская литература была передана в библиотеку Научно-исследовательского института в Кишиневе. Поскольку образование было только государственным, частные польские школы, закрытые в 1938 г., свою работу не возобновили⁸.

Во время второй мировой войны поляки Молдавии наряду с молдаванами, русскими, украинцами и другими гражданами мужественно сражались с фашистской Германией, освобождая свою Родину и другие страны Европы. Воевали они в рядах Красной Армии, в дивизии имени Тадеуша Костюшко, сформированной летом 1943 г.⁷ Многие из них погибли. В оккупированной Молдавии поляки подверглись особым гонениям. В 1942 г. румынские власти вывезли в Галицию более 1400 поляков, поселившихся на юге Бессарабии накануне войны, главным образом, осенью 1940 г., и готовили депортацию остальных. Подготовка депортации продолжалась до весны 1944 г.

После окончания войны поредевшее польское сообщество Молдавии было вновь затронуто репрессиями. В 1949 г., когда подверглись высылке зажиточные крестьяне, среди них оказались и поляки¹⁰. Поляки-католики, проживавшие в Молдавии, разделили участь православных верующих. Из 8 приходов, действовавших в 1946 г. на территории республики, к 1962 г. остался только один – Кишиневский. Все католические храмы к середине 60-х гг. были закрыты, некоторые из них разрушены (Рыбница, Крецоая). В Кишиневе в здании костела разместили студию звукозаписи, в Бендерах – спортивный зал, в Сороках – школу, в Первомайске – склад зерна³. Среди поляков, проживающих ныне в Молдавии, есть католики и православные. Судьбу католиков разделили и православные поляки. Были закрыты церкви в местах проживания православных поляков: села Новые Дуруиторы, Куконешты и др. Многие из родителей, для которых польский язык был родной, к великому сожалению, не передали его своим детям и внукам. Таким образом, польский язык в польских семьях постепенно стал исчезать даже из бытового общения.

Вместе с тем политически, этнически или иным образом мотивированных препятствий профессиональной самореализации и социальному продвижению поляков не существовало, и они внесли значительный вклад в науку, культуру, искусство и образование Молдавии. Гордостью республики были и остаются академик АН РМ, профессор, дважды лауреат Государственной премии Республики Молдова **Тадеуш Малиновский**; профессор, доктор архитектуры, заслуженный деятель искусств Молдавии **Валентин Войцеховский**; профессор, проректор Государственного университета медицины и фармации им. Н.Тестемицану, заведующий кафедрой микробиологии, иммунологии и вирусологии, главный микробиолог Министерства здравоохранения МССР **Петр Галецкий**; художник **Вениамин Слободзинский**; доктор физико-математических наук, директор астрофизической обсерватории при Молдавском государственном университете **Василий Чернобай**; лауреат Государственной премии России им. К. Станиславского, заслуженный деятель искусств России, заслуженный артист Армении **Ян Цициновский**; доктор технических наук, заведующий кафедрой Кишиневского политехнического института **Иосиф Цвицинский**; заслуженный деятель искусств Республики Молдова, поэт и музыкант **Юлия Цибульская**.

Некоторые польские села, существовавшие в начале XX в., не сохранились. В связи со строительством ГЭС «Костешты-Стынка» на реке Прут в 70-х гг. польское село Новые Дуруиторы Рышканского района было перемещено и превратилось в польско-молдавское¹¹. В настоящее время преимущественно польскими по составу населения остаются села Слобозия-Рашков Каменского района и Стырча Глодянского района. Группы поляков проживают также в селе Крецоая (Новоаненский р-н), в городах Бричаны, Липканы, Единцы, Купчино и селах Алексеевка, Александрены, Братушаны, Новые Куконешты, Русены, Столничены, Тырнова, Шофрынканы Единецкого района, в городе Каменка и селе Рашков Каменского района, городе Резина и селе Чинишеуцы Резинского района, городах Рышканы, Костешты, Сынджерей и селах Александрены, Григоровка, Драганешты, Кишкарены, Коада Язулуй, Липованка, Петропавловка Сынжерейского района, селах Мусаит и Будей Тараклийского района, селе Тыршицей Теленештского района, городе Фалешты и селах Пырлица, Хыртоп, Логофтены Фалештского района, в городе Флорешты и селе Сырбешты Флорештского района, селах Троицкое и Ялпуг Чимишлийского района, селе Семеновка района Штефан Водэ, в городе Унгены и селах этого района Новые Зозулены, Старые Зозулены, Новые Негурены, Старые Негурены, Пырлица, в городах Глодяны, Григориополь, Дондюшаны, Дрокия, Дубоссары, Кагул, Криуляны, Комрат, Калараш, Леово, Ок-

ница, Оргеев, Атаки, Сорока, Стрэшены, Хынчешты, Чадыр-Лунга, Яловены¹¹. Большими группами проживают поляки также в городах Бельцы, Бендеры, Кишинев, Рыбница, Тирасполь.

Помимо поляков в Молдавии проживают также помнящие о своем польском происхождении выходцы из полиэтничных семей, в составе которых были поляки. Есть также поляки, по различным причинам согласно документам значащиеся как украинцы, русские, молдаване и др. Например, все жители села Новые Дуруиторы записаны украинцами. Некоторые поляки перешли к иной национальной самоидентификации под давлением политических обстоятельств. Общая численность **поляков и граждан польского происхождения**, проживающих на территории Республики Молдова, в настоящее время составляет более **20 тыс. чел.**¹¹

Таким образом, сложившееся в XIX в. польское сообщество Бессарабии сохранилось и в бурях XX столетия. В настоящее время оно достаточно многочисленно и находится на пути к национальному возрождению.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Polacy w Mołdawii. Pod redakcją ks. Edwarda Walewandra. Lublin, 1995.
2. *Kraszewski J.I.* Wspomnienia z Odessy, Jedyssanu i Budiaku. Warszawa, 1885.
3. *Саганова Н.* Летопись Римско-католической церкви в Республике Молдова. 1987-2002 гг. // *Analecta catholica. Episcopia Romano-Catolică de Chişinău; Colegiul de redacție: E.S. Anton Coşa (red.-şef.)-Chişinău, 2006. Vol. 1.*
4. *Котулевич К.* История Стырчи (к 100-летию села). Бельцы, 2000.
5. *Степанюк В.* Государственность молдавского народа: Исторические, политические и правовые аспекты. Кишинев, 2006.
6. Бессарабия. Под ред. П. Крушевана. М., 1903
7. Polacy w Mołdowie mówią o sobie. Wybór i wstęp ks. Edward Walewander. Lublin, 1995.
8. *Саганова Н.* Римско-католическая церковь в Молдавской ССР в 1940-1960 гг. // *Analecta catholica. Episcopia Romano-Catolică de Chişinău; Colegiul de redacție: E.S. Anton Coşa (red.-şef.)-Chişinău, 2006. Vol. 2.*
9. *Андон В.* Библиотека Щенслава Мелабдзенского. // Независимая Молдова, №1 (3479) от 4 января 2005 г.
10. *Царанов В.И.* Операция «Юг». О судьбе зажиточного крестьянства Молдавии. Кишинев, 1998.
11. *Казимирович В.Г.* Информация о поляках и гражданах польского происхождения Республики Молдова. Кишинев, 2005.
12. *Пожар С.* Польский виртуоз в Кишиневе // *Capitala-Столица №78 (738)* от 8 ноября 2006 г.

Леонид ЧЕРЕПОВСКИЙ

ЦЫГАНЕ: СКИТАНИЯ ПО ДОРОГАМ МИРА И ТРОПАМ ИСТОРИИ

Вы часто встречались с этими людьми, с их огненными плясками, слушали не раз их пение и волшебный звук скрипки и гитары. Но думали ли вы над тем, откуда пришел этот самобытный народ и почему у цыган такой образ жизни? Откуда же цыгане? Где их родина?

Первыми версию происхождения цыган из Индии высказали немецкие ученые Й. Рюдигер и Г. Грельман (конец XVIII в.), А.Ф. Потт (XIX в.) и словенский ученый Ф.Миклошич (XIX в.). Учеными многих стран было высказано предположение о родстве цыган с народом, живущим в Пенджабе и называвшим себя племенем чангар¹. В легендах и летописях древнего Востока ученые пытались найти ответ на вопрос: почему часть *чангаров* покинула Индию и каким путем попали они в Европу? Ответы исследователей, к сожалению, приблизительны и противоречивы. По данным Г.Гельмана, опубликованным в «Московских ведомостях» в 1784 г., цыгане происходят от касты *судеров*, о которых в истории Кашмира упоминалось в 1408–1409 гг., что они были прекрасными танцорами, музыкантами и искусными кузнецами и принадлежали к низшей касте *кванака*. У Фирузи есть рассказ о цыганах *лури*, которых в количестве 10 тыс. чел. отправил в 1420 г. индийский раджа персидскому шаху Бахрам Гуру².

О времени, когда предки цыган покинули Индию, ученые спорят до настоящего времени. Датой переселения одни называют V в., другие – X в. Авторы монографии «История цыган: новый взгляд» полагают: «Мелкие индийские племена покидали родину столетие за столетием, предки цыган не шли одним табором, имея определенную заранее цель. Часть цыган оседала по дороге, положив начало нынешним этническим группам. Часть двигалась дальше с редкой неторопливостью, таборы десятилетиями кружили в одном и том же ареале, пока однажды, по экономическим или социальным причинам, не сдвигались на сто–двести километров западнее»³. Российские цыганологи Е. Друц и А. Гесслер считают, что исход цыган из Индии продолжался около тысячи лет, а его кульминация пришлась на рубеж первого и второго тысячелетий, а отдельные волны миграции продолжались и в последующее время⁴. Причины, вызвавшие миграции, исследователи связывают с междоусобными войнами, постоянными мусульманскими завоеваниями⁵.

Первоначально осев в Передней Азии, цыгане надолго задержались на восточной окраине Византийской империи. Появление цыган в Византии историки относят к XII – XIII вв. Встречается и более ранняя дата – XI в. В Византии цыгане задержались достаточно долго, прежде чем двинуться дальше – в сторону Восточной и Западной Европы. Византийский период цыганской истории, как считают историки, был достаточно значимым для этноса. Исследователи цыганской этнической истории утверждают, что формирование цыган как народа произошло именно в Византии, где они пребывали около трехсот лет, и завершилось к началу XV в.⁶

В сохранившихся исторических источниках упоминается о таких занятиях цыган, как гадание и дрессировка животных (закливание змей и вождение медведя), изготовление решет и сит, кузнечное дело. Именно в Византии цыгане познакомились с христианством. В одном из источников XIV в. читаем: «Эти люди... придерживались обрядов греческой православной церкви»⁷. Христианство стало основной религией большинства этнографических групп цыган Западной и Восточной Европы. Греческий язык оказал заметное влияние на цыганский язык: были заимствованы десятки слов, некоторые формы словообразования. От греческого слова «антсинганос» произошло и русское название народа – *цыгане*⁸. Происхождение этнонима *рома* исследователи также связывают с византийским периодом цыганской истории⁹.

В XIII–XV вв. цыгане распространились сперва по Юго-Восточной и Восточной, а затем по Центральной и Западной Европе, в дальнейшем – по Северной Африке и по Северной и Южной Америке и Австралии (XIX в.). В 1417 г. цыгане впервые появились в Трансильвании. В 1417 г. они достигли Франции, в 1425 г. — Испании, в 1500 г. — Шотландии, в 1418 г. цыгане появились в Швейцарии. Всюду они рассказывали легенды о Востоке, изумляли своими искусными танцами, музыкой, ворожкой. Видимо, эта группа готовила почву для массового переселения цыганских племен в Европу. Что и началось в 1512 г.

Словно вырванные ураганом из какой-то тяжелой беды, цыгане покинули свою родную землю Индию, и жизнь их разбросала по всему свету. Судьба кочевого цыганского племени в Европе была поистине печальна. Принадлежа к другой цивилизации, они старались избегать контактов с местным населением. Выдуманные истории о похищении детей цыганами и, якобы, использовании ими черной магии привели к травле цыганского народа в Европе. С конца XV в. в странах Европы начинают приниматься антицыганские законы. С XV по XVIII в. в Европе было принято 148 антицыганских законов. Самые жестокие из них принимались в протестантских странах Германии, Англии и Скандинавии. Самое толерантное отношение к цыганам было в таких стра-

нах, как Испания, Турция и Россия. Английский закон от 1554 г. предписывал смерть для всех цыган-мужчин, а также для «тех, кто водит или будет водить дружбу или знакомство с египтянами». В Швеции закон от 1637 г. предписывал казнить всех цыган-мужчин. Фридрих Прусский в 1725 г. приказал казнить всех цыган старше 18 лет невзирая на пол. В Австрийской империи цыгане были поставлены вне закона эдиктом императора Леопольда I. Император Карл VI в 1721 г. приказал вешать и мужчин, и женщин, а детей отдавать на воспитание в госпитали.

Все эти драконовские законы исполнялись. В 1724 г. в маркграфстве Байрейт в один день были повешены пятнадцать цыганок, старшей из которых было 98 лет, а младшей 15. В Касвассене в 1722 г. целый табор подвергся пыткам, после которых четырех цыган колесовали, а головы двух цыганок насадили на пики. В 1782 г. в Венгрии табор цыган обвинили в людоедстве после пропажи нескольких людей. 15 цыган повесили, 6 колесовали, двоих четвертовали. 18 цыганкам отрубили головы. Казни цыган прекратились только в XIX в.

Тяжелым было положение цыган в Молдавском и Валашском княжествах. Здесь с XV в. цыгане стали зависимым населением – рабами и крепостными, принадлежащими боярину, монастырю или государству. Согласно молдавскому Гражданскому кодексу, до середины XIX в. крепостным не разрешалось жениться на свободных, они могли вступать в брак только по разрешению хозяев, а могли быть и проданы. Только государственным крепостным позволялось вести кочевой образ жизни. С 1829 года, когда Молдавия и Валахия оказались под юрисдикцией России, начался постепенный процесс отмены рабства, что окончательно было закреплено в Конституции 1864 г.¹⁰ В двух придунайских княжествах цыган разделяли на 4 класса: рудари (золотодобытчики), урсари (плясуны с медведем), лингутары (изготовители ложек), лаеши (кочующие кузнецы). Неказенные цыгане принадлежали боярам и монастырям.

Приход к власти в Германии нацистов дал новый толчок гонениям против цыган. Немногие знают, что так называемые «Нюрнбергские законы» от 15 сентября 1935 г. распространялись не только на евреев, но и на цыган. Их первыми жертвами стали немецкие цыгане – *синти*. Как и евреи, они уже давно были интегрированы в немецкое общество как торговцы, ремесленники и артисты. Но нацисты изначально взяли курс на физическое уничтожение цыганского народа. Первоначально планировалось сделать это путем стерилизации. На учет было взято более 20 тыс. цыган Германии. С началом второй мировой войны власти Германии вступили на путь немедленного физического уничтожения цыган Европы. По данным ЮНЕСКО, результатом этой политики стала гибель полумиллиона цыган. И это лишь заниженные и прибли-

зительные цифры. За геноцид цыган были ответственны коллаборационисты на захваченных немцами территориях. В Югославии устали разрывали цыганских детей на куски, забивали их до смерти и хоронили живьем. В Латвии было убито 2500 цыган. В Польше карательный отряд Казимежа Новака даже без приказа со стороны немцев за три месяца истребил около 300 человек. Тысячи цыган были истреблены в лагерях смерти Трешлинка, Собибор, Аушвиц, Бухенвальд и др. Цыганские дети были объектом опытов зловещего доктора Менгеле¹¹.

Наряду с евреями цыгане стали жертвой геноцида в Румынии. 10 июня 1942 г. военный диктатор Ион Антонеску распорядился взять кочевых цыган этой страны под стражу и отправить их на принудительные работы, а затем в концентрационные лагеря «Заднепровья», оккупированной румынскими войсками территории между Днестром и Южным Бугом. Туда же были депортированы 8649 бессарабских цыган. Их, в том числе детей, женщин, стариков, гнали пешком, морили голодом, оставляли ночевать под открытым небом. Зимой 1942-1943 г. в уездах Голта и Очаков, куда были высланы более 30 тыс. цыган, вспыхнула эпидемия тифа. Уже к лету 1943 г. более трети ссыльных погибли от голода и болезней. В начале 1944 г. цыганам разрешили возвратиться в Румынию, но в живых остались немногие¹².

К сожалению, тема Холокоста цыган недостаточно освещена и по сей день.

В некоторых странах антицыганские законы не отменены до сих пор. В Италии цыгане и сегодня имеют право жить только в провинции Венето и на Сардинии. Если они появятся вблизи другого города, то мэр вправе вызвать войска. Но ни тюрьмы, ни травля не изменили вольнолюбивого нрава цыган. Покинув свою родину, народ потерял главное – единство, раздробившись на многочисленные таборы. Народ был обречен на вечные скитания, гонения и притеснения. Наверное, нет на земле народа, который познал столько ненависти и бесконечных гонений. Оседая в различных странах, цыгане вынуждены были приспосабливаться к обычаям и культуре других народов, постепенно теряя при этом свою самобытность.

В Россию цыгане пришли в конце XVII в. В одном из источников того времени можно прочитать: «Цыгане есть люди в Польши, а поидоша от немец...»¹³. В России в отношении цыган никаких драконовских законов не принималось. На территории России цыгане сложились в особую этнографическую группу *русских цыган*. Это одна из самых больших этнографических групп цыган. Однако и они не однородны, а состоят из нескольких региональных подгрупп: *сибиряки*, *смоленска рома*... и др. В России цыгане вели полукочевой образ жиз-

ни. В летнее время совершали переезды, кочевали, а на зиму останавливались в русских деревнях, где снимали избы. Русские цыгане по вероисповеданию православные. Традиционные занятия – торговля и мена лошадей, попрошайничество, гадания, конокрадство. Но именно русские цыгане в начале XIX в. составили в Москве основу цыганских хоров, столь популярных в России¹⁴.

Кочевавшие по России таборы постепенно переходили к оседлому образу жизни и образовали несколько этнических групп: русскую, финскую, литовскую, польскую, валашскую. Но всех их, так же как и цыган Алжира, Персии, Англии, Испании и других стран, объединяет единый образ жизни, древний язык и традиции. Всюду они торговали лошадьми, занимались кузнечным и лудильным ремеслом, ворожили, водили медведя, пели и плясали. Среди наблюдений русских этнографов можно встретить следующее описание: «Племя цыганское с большим задатком на спокойную и счастливую жизнь, которой они не имеют. Цыгане способны, понятливы, в характере их мягкость, гибкость, они от природы добры и уступчивы, но все эти прекрасные задатки опошлены вечным рабством и презрением. Цыгане, понимая, что они общественные парии, унижаются, раболепствуют, но тот же цыган совсем другой на воле, он весел и доволен». Знаменитый врач Боткин, вспоминая о музыке андалузских цыган, писал: «Удивительно, как цыгане повсюду верны своей природе и как могуч этот тип, если на протяжении стольких столетий и на таких противоположных концах Европы, как Россия и Южная Испания, сохранены оригинальность и тождество своего характера»¹⁵.

Существуют народы, перед которыми бессилен ход столетий, умирают целые цивилизации, но народ по-прежнему пронесит через века свои характерные черты, свой собственный неповторимый образ жизни, свою этнокультурную специфику, отличающую его от всех других народов на свете. К числу подобных народов принадлежат и цыгане. Неизменная веселость цыган ничто иное, как щит против трагедии, вознаграждение за монотонность будней. Народ, который любит жизнь, умеет преодолеть превратности судьбы, ценит острое слово, но более всего волю и презирает насилие и войну, ибо никогда не пресыщается жизнью.

В конце прошлого века активизировалась работа по сохранению цыганского этноса, к судьбе цыган проявилось интерес мировое сообщество. 8 апреля 1970 г. в Лондоне состоялся первый Всемирный съезд цыган, на котором был избран Всемирный цыганский Совет, принято решение о создании общего для всех цыган флага и гимна. Во многих странах и регионах появляются цыганские культурные центры, ассоциации и общины, а в Болгарии и Румынии были зарегистрированы цыганские политические партии.

Проблема дискриминации цыган привлекла внимание правозащитных организаций. В 1990-е гг. цыганские активисты и заступники начали получать существенную поддержку от Института «Открытое общество» (Нью-Йорк), Совета Европы (Брюссель), ОБСЕ (Вена) и других организаций. В Совете Европы «цыганская тема» даже стала одним из специальных направлений работы (ведется постоянное наблюдение за ситуацией с правами человека, проводятся семинары и тренинги для молодых цыган и юристов, занимающихся защитой прав цыган, организуются круглые столы по проблемам цыганского населения). При участии правозащитников из разных стран в 1995 году был создан Европейский Центр по защите прав цыган, действующий в Будапеште и ведущий работу сразу во многих странах как Западной, так и Восточной Европы.

В Молдавии также действует ряд цыганских организаций. Все это внушает надежду, что цыгане как этнокультурное сообщество сохранятся. По результатам переписи 1897 г., в Бессарабии насчитывалось 8,5 тыс. цыган, больше, чем в любой другой губернии России¹⁶. По некоторым оценкам, в настоящее время в Республике Молдова проживает 200-250 тыс. цыган. В республике действует свыше 20 этнокультурных организаций цыган, среди них: молодежная организация «Тэрнэ Ром (руководитель М. Алла), Социальное движение цыган Молдовы (Д. Дану), Центр культуры и искусства «АМЭ РОМА» (Л. Череповский).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Цыгане. Бессарабские областные ведомости. 1866. 4 января. № 3.
2. Московские ведомости. 1784. 19 марта. № 74.
3. *Деметр Н., Бессонов Н.* История цыган: новый взгляд. Воронеж, 2000. С. 14.
4. Сказки и песни цыган России. М., 1987. С. 5.
5. Там же. С.5.
6. *Деметр Н., Бессонов Н.* История цыган. С. 79.
7. Там же. С. 17.
8. *Друц Е., Гесслер А.* Цыгане. М., 1990. С. 16.
9. *Деметр Н., Бессонов Н.* История цыган. С. 17.
10. *Деметр Н., Бессонов Н.* История цыган. С. 44–48.
11. <http://1917.com/Actions/AntiF/1161887844.html>
12. *Шорников П.М.* Цена войны. Кишинев. 1994. С.42,94.
13. *Друц Е., Гесслер А.* Цыгане. М., 1990. С.24.
14. *Деметр Н., Бессонов Н.* История цыган. С.106–107.
15. См.: А. Очерк истории, нравов и языка цыган: из сочинений Когалничана. Северная пчела. 1838. 2 апреля. № 75.
16. *Берг Л.С.* Бессарабия. Страна-люди-хозяйство. Кишинев, 1993. С. 127.

Сергей СУЛЯК

ПО СЛЕДАМ ОДНОЙ ПРОВОКАЦИИ

Летом прошлого года в Молдавии не без помощи зарубежных «доброжелателей» была создана некая миссия «**Украинцы в Молдове**». Свою деятельность «Миссия» начала с серии провокаций и скандалов, ставя одной из своих целей попытку дискредитировать русинское движение Молдавии. Об этом мы писали в материале «**Собака лает... История одной провокации...**» (Русин № 1 (3) за 2006 г.)

Еще одним из своих «значимых» деяний «миссионеры» считали проведение некоего социологического опроса среди населения севера Молдавии, где проживают в основном молдаване и русины. Это исследование по заказу «Миссии» якобы провело **Научно-исследовательское социологическое подразделение Харьковского университета (Украина)**. Как заявляли «миссионеры» на многочисленных пресс-конференциях и публикациях в СМИ, ими, якобы, было опрошено **1600 (?)** респондентов, проживающих на севере Молдавии. В обнародованных результатах опроса **81%** опрошенных, якобы, ощущают различие в зарплате между украинцами и молдаванами, **58%** считают, что их культурной идентичности угрожает молдавское государство, законодательство о национальных меньшинствах и молдавские националистические организации (?- С.С.), **31%** полагает необходимым создание украинской автономии в составе Молдавии и т.д. К сожалению, ряд молдавских, украинских и российских СМИ подошли некритически к результатам деятельности «Миссии», не разглядев ее изначально провокационный характер.

В прошлом году Общественная организация «Русь» обратилась к ректору Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина с просьбой проинформировать, какое подразделение университета проводило социологический опрос населения Молдавии, и помочь связаться с работниками, проводившими данный социопрос. Вскоре мы получили ответ. Как мы и предполагали, сотрудники Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина никакого отношения к т.н. «исследованию» не имели. Впрочем, не было и самого опроса. А было желание нескольких асоциальных элементов попытаться спровоцировать в Молдавии межэтнический конфликт.

Полный текст письма № 0801-456 от 07.11.2006 г., подписанного проректором Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина А.Н. Навроцким мы воспроизводим на следующей странице.

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ
ХАРКІВСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ
імені В. Н. КАРАЗИНА

61037, м. Харків, пл. Свободи, 4
 тел. (057) 705-12-47, факс: (057) 705-12-18, E-mail: postmaster@univer.kharkov.ua

07.11.2006 № 0801-456

на № _____ від _____

Президенту
 Общественной организации «Русь»

С.Г.Суляку
 2001, г. Кишинев,
 ул. М.Когэлничану, 24

Уважаемый господин президент!

В ответ на Ваше письмо за № 42 от 03.10.2006 г. сообщаем, что ни одно подразделение социологического факультета Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина не проводило соцопроса населения севера Молдавии с целью «выяснения соблюдения прав этнических украинцев, проживающих в регионе».

С уважением,
 проректор

А.И. Навроцкий

НОВОСТИ * НОВОСТИ * НОВОСТИ * НОВОСТИ * НОВОСТИ * НОВОСТИ

У русинов Молдавии появился свой сайт «Русины Молдавии» (<http://www.rusyn.md/>). Его создала **Общественная организация «Русь»**. На сайте можно получить информацию о мероприятиях Общественной организации «Русь», скачать все номера международного исторического журнала «Русин», монографию «Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии», статьи по истории и культуре русинов Молдавии и т.д. Для удобства посетителей на сайте размещено несколько бесплатных программ, позволяющих увеличить скорость скачивания материалов и облегчающих их просмотр.

Приведенная ниже переписка руководства Ассоциации «Сойм Подкарпатских русинов» с главой комитета Верховной Рады Украины по вопросам национальной безопасности и обороны А. Кинахом (кстати, выходцем из Молдавии), говорит о том, что все больше политиков Украины понимают необходимость демократического решения русинского вопроса.

УЖГОРОД 2/10801 235 27/9 1850-

✓ Верховна Рада

1 КИЇВ 8 ВУЛ ГРУШЕВСЬКОГО 12/2 КАБІNET МІНІСТРІВ УКРАЇНИ ГОЛОВІ КОМІСІЇ АДМІНІСТРАТИВНОЇ РЕФОРМИ П АНАТОЛІЮ КІНАХУ -

ВАНОВНИЙ ПАНЕ ГОЛОВО ДО ПОЧАТКУ РОБОТИ КОМІСІЇ ДОВОДИМО ДО ВАШОГО ЗІДОМА ВИМОГИ ЗАКАРПАТЦІВ-РУСИНІВ, ОБ'ЄДНАНИХ АСОЦІАЦІЄЮ „СОЙМ ПІДКАРПАТСЬКИХ РУСИНІВ“ 1. РЕАЛІЗУВАТИ ВОЛЕВИЯВЛЕННЯ ЗАКАРПАТЦІВ НА РЕФЕРЕНДУМІ 1-ГО ГРУДНЯ 2006 РОКУ, КОЛИ 78ПРОЦ ВИБОРЦІВ /З НИХ БІЛЯ 70ПРОЦ РУСИНИ, А ТАКОЖ ДЕМОКРАТИЧНІ УГОРЦІ, УКРАЇНЦІ, РОСІЯНИ, РУМУНИ, СЛОВАКИ, НІМЦІ ІН/ ПРОГОЛОСУВАЛИ, ЩОБ ЗАКАРПАТТЯ ОТРИМАЛО ІЗ ЗАНЕСЕННЯМ ДО КОНСТИТУЦІЇ УКРАЇНИ СТАТУС СПЕЦІАЛЬНОЇ САМОВРЯДНОЇ ТЕРИТОРІЇ, ЯК СУБ'ЄКТА У СКЛАДІ НЕЗАЛЕЖНОЇ УКРАЇНИ І НЕ ВХОДИЛО НІ В ЯКІ ІНШІ АДМІНІСТРАТИВНО-ТЕРИТОРІАЛЬНІ УТВОРЕННЯ“. ЗЛОЧИННИМ ЖЕ 15-РІЧНИМ ІГНОРУВАННЯМ ЦЬОГОВЛАДНОЮ ВЕРТИКАЛЛЮ , ТА НЕ ВНЕСЕННЯМ РЕЗУЛЬТАТУ РЕФЕРЕНДУМУ ДО ТЕКСТУ КОНСТИТУЦІЇ, ПІДІРВАЛО ЇЇ ЛЕГІТИМНІСТЬ В РЕГІОНІ, ТА НАНЕСЛО ЗАКАРПАТТЮ ВЕЛИЧЕЗНІ МАТЕРІАЛЬНІ, ЕКОНОМІЧНІ, СОЦІАЛЬНІ, МОРАЛЬНІ І КУЛЬТУРНІ ВТРАТИ. ОСОБЛИВО ЦЕ ВДАРИЛО ПО МАЙЖЕ 800-ТИСЯЧНОМУ РУСИНСЬКОМУ НАРОДУ, ІСТОРІЧНО СФОРМОВАНОМУ НА ДЕМОКРАТИЧНИХ, ХРИСТІЯНСЬКИХ ПРИНЦИПАХ ПРАВДИ І СОЦІАЛЬНОЇ СПРАВЕДЛИВОСТІ. 2. ВІДОМО ЦІЛОМУ СВІТУ, ЩО МИ ПРИЄДНАНІ ДО РАДЯНСЬКОЇ УКРАЇНИ В СІЧНІ 1946 РОКУ, ЯК ЄДИНА ЗЕМЛЯ З КОМПАКТНО ПРОЖИВАЮЧИМ КОРИННИМ НАРОДОМ ПІДКАРПАТСЬКИХ РУСИНІВ. ТОМУ ЗАЯВЛЯЕМО РІШУЧЕ НЕДОПУСТИМИ НІЯКІ НОВІ АДМІНІСТРАТИВНІ ПЕРЕДІЛИ ЗАКАРПАТТЯ ЗА БЕЗПІДСТАВНИМИ ПРОЖЕКТАМИ „БЕЗСМЕРТНИХ“ І ІЖЕ З НИМИ. НИНІШНІЙ АДМІНІСТРАТИВНИЙ СТАН ЗАКАРПАТТА ВРАХОВУЄ ІСТОРІЧНІ, ПРИРОДНІ, ГЕОГРАФІЧНО-ТЕРИТОРІАЛЬНІ ОСОБЛИВОСТІ І ІНШОГО БУТИ НЕ МОЖЕ, БО ІНАКШЕ ВИБУХНУТЬ РЕГІОНАЛЬНІ КОНФЛІКТИ. ЦЮ ПОЗИЦІЮ ПІДТРИМУЮТЬ ЗЧ РУСИНСЬКІ НАЦІОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНІ ТА ІНШІ ГРОМАДСЬКІ ОРГАНІЗАЦІЇ ОБЛАСТІ.-ВІД ІМЕНІ АСОЦІАЦІЇ „СОЙМ ПІДКАРПАТСЬКИХ РУСИНІВ“ ГОЛОВА ПРОТ. ДИМИТРІЙ СИДОР УЖГОРОД ПЛОЩА КИРИЛА ТА МЕФОДІЯ 7 27.09.2006Р-

Апарат
Верховної Ради України

НННН 1939 27.09 061

29 09 2006 16 01

Вх. № 1036/13-96-20 ВХ. № 130289
ад. № 10 2006

ВЕРХОВНА РАДА УКРАЇНИ

Комітет з питань національної безпеки і оборони

01008, м. Київ-8, вул. М. Грушевського, 5, тел.: 255-31-95, тел./факс: 255-33-08

№ 06-10/13-659

"13" _____ 10 _____ 2006 р.

Голові Асоціації
 "Сойм підкарпатських русинів"
 Дмитру Сидору
 площа Кирила та Мефодія, 7
 м. Ужгород
 Закарпатська область

Шановний пане Голово!

Щиро вдячний Вам за можливість ознайомитися з Вашим баченням сучасних політичних процесів та особливостей державного ствердження України.

Емоційність Вашого звернення – це точна характеристика нашої дійсності, концентрована правда реалій.

На моє глибоке переконання, стрижневим компонентом успішного подолання усіх новітніх викликів є сила доброї волі помножена на моральні засади. Керуючись такими принципами, можна не тільки перебороти весь масив негараздів, але й вийти на новий рівень суспільної свідомості та міжнародних відносин. Величезний творчий заряд для цього акумульовано нашою спільною історичною пам'яттю.

Питання адміністративної реформи потребує копійки аналітичної роботи, врахування думок, настроїв мешканців міст, селищ, сіл, тому що вони в першу чергу зацікавлені в облаштуванні свого життєвого простору так, щоб в ньому себе почувати впевнено і комфортно. Якщо на це не звертати увагу, успіху не буде.

Переконаний, що спільними зусиллями народу і політиків, дім, назва якого Україна, буде для всіх затишним і безпечним, в ньому процвітатиме злагода, любов і благополуччя.

Бажаю Вам, Вашим рідним і близьким, усьому русинському народу добра, миру, міцного здоров'я і процвітання.

З повагою,

Голова Комітету

А.Кіна

ПОДПИСКА

НА МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «РУСИН» на 2007 год:

Периодичность выхода – 1 раз в квартал.

Объем – 208-240 стр.

Формат – А5.

Тематика: история русинского этноса.

Язык: русский, русинский.

Рубрики: история, языкознание, знаменитые русины, архив, публицистика.

На журнал объявлена подписка. Стоимость подписки на один экз. с учетом почтовых услуг (бандероль с уведомлением):

- США и Канада (*авиа*) - 16 USD (все комиссии платит подписчик, при перечислении просим указать факт оплаты комиссии в платежном документе)

- Европа - 9 EURO (все комиссии платит плательщик, при перечислении просим указать факт оплаты комиссии в платежном документе)

- Украина - 45 гривен

- Россия – 280 рублей

- Молдавия - 35 леев в редакции или на почте (подписной индекс - РМ 31808).

НАШ ПОЧТОВЫЙ АДРЕС:

Organizatia obsteasca «Rusi»
str. M. Kogalniceanu, 24, ap. 1A
MD 2001 mun. Chisinau
Moldova

Общественная организация «Русь»
ул. М. Когэлничану, 24, кв. 1А
MD 2001 г. Кишинев
Молдова

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

АЛМАШИЙ Михаил (Украина, Закарпатье). Родился в 1930 г. Закончил филологический факультет Ужгородского государственного университета. Председатель Закарпатского научно-культурологического общества им. А. Духновича, член Всемирного Совета русинов, старший преподаватель Закарпатского филиала Киевского славистического университета, член Лиги национальных композиторов Украины, руководитель хора «Стара спиванка», заслуженный учитель Украины. Работы: «Наша школа (концепция народоведения)» (1991), «Система работы школы по вопросам организации самовоспитания учащихся» (1994), «Ромочевица. Историко-этнографический очерк» (1999). В соавторстве: «Русинсько-українсько-руський словарь» (2001), «Энциклопедия Подкарпатской Руси» (2001) и др. Автор монографии «Русинська педагогічна енциклопедія» (Ужгород, 2005). Член редколлегии международного журнала «Русин».

БАБИЛУНГА Николай. Родился в 1952 г. Окончил исторический факультет Кишиневского государственного университета. Работал в средней школе и Государственном историко-краеведческом музее, а с 1975 г. – Институте истории АН МССР. Последняя должность – заведующий сектором по изучению сталинских репрессий в Молдавии. Кандидат исторических наук, профессор, заведующий научно-исследовательской лабораторией «История Приднестровья» и кафедрой Отечественной истории. Автор и соавтор книг «Промышленность Бессарабии в конце XIX – начале XX века. Очерк капиталистической эволюции», «Население Молдавии в прошлом веке: миграция? ассимиляция? русификация?», «Курс лекций по истории Молдавии», «История родного края», «Феномен Приднестровья», «История Приднестровской Молдавской Республики» и др. Главный редактор журнала «Ежегодный исторический альманах Приднестровья».

БУЛГАКОВ Александр (Молдавия). Родился в 1987 г. Студент III курса Института истории, государства и права Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко. Автор трех научных публикаций по вопросам функционирования славянского языка в Молдавии.

БУЛГАР Степан (Молдавия). Родился в 1953 г. Окончил исторический факультет Кишиневского госуниверситета (1982 г.). Автор книг «Жан пазары» (исторические очерки), 1988 г., «Гагаузские судьбы» (очерки), 2003 г. и др. Подготовил к переизданию труды В.А.Мошкова (2004 г.), Д. Чакира, протоиерея М. Чакира, М.М. Чакира (2005 г.). Автор и научный редактор книг «История и культура гагаузов» (2006 г.), «Первый Всемирный конгресс гагаузов» (2006 г.). Автор ряда книг на гагаузском языке. Опубликовал более сотни статей по гагаузской тематике.

ГОРНЯК Михаил (Сербия). Родился в 1929 г. Закончил Высшую дипломатическую школу и философский факультет (история) в Белграде. Работал в газете «Руске слово», в Министерстве иностранных дел, Министерстве образования, науки и культуры. Был дипломатом в Бухаресте, Пекине, Ханое, Токио. Активно занимается общественной работой. Автор многочисленных публикаций по русской и русинской истории. Член редколлегии международного журнала «Русин».

ГУБОГЛО Михаил (Россия). Родился в 1938 г. Ведущий российский социолог и этнолог, специалист в области истории и социологии, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (1999), почетный действительный член Академии наук Республики Молдова (2003). Руководитель Центра по изучению межэтнических отношений, автор более 400 публикаций, в том числе 14 книг по проблемам этносоциологии и тюркологии, посвященных проблемам этноязыковых и этнополитических процессов. В качестве эксперта Государственной Думы принимал участие в разработке законопроектов в области национальной политики и межэтнических отношений. С лекциями и докладами выступал на международных конгрессах, симпозиумах в ряде американских, европейских и вьетнамских университетов в 20 странах мира. Член редколлегии журнала «Русин».

ГРЕК Иван (Молдавия). Родился в 1939 г. Доктор истории (1984 г.), автор пяти монографий, библиографии и более 250 научных и научно-публицистических статей по истории и культуре болгар и гагаузов Молдовы и Украины, по проблемам болгарского Возрождения, российско-болгарских и молдавско-болгарских отношений, современных политических и этнокультурных процессов в Республике Молдова. Депутат парламента Республики Молдова XV созыва (2001–2005 гг.).

ДРОНОВ Михаил (Россия). Родился в 1980 г. Историк-русинист, один из популяризаторов русинистики в России. Сотрудник Центра украинистики и белорусистики МГУ. Автор многочисленных публикаций о русинах в российских и зарубежных изданиях. Гость VI, VII и VIII Всемирных конгрессов русинов. Член редколлегии международного журнала «Русин».

ЖАРКУЦКИЙ Иван (Молдавия). Родился в 1948 г. Доктор истории (1984 г.). Ученый секретарь отделения гуманитарных наук и искусства Академии наук Молдовы. Закончил Кишиневский государственный университет (1972 г.). Работал научным сотрудником в Институте истории Академии наук Молдавской ССР (1977–1995 гг.), начальником научно-организационного отдела Президиума АНМ (1995–2004 гг.). Автор более 60 научных работ, в т.ч. четырех монографий.

ИОНОВА Ирина (Молдавия). Родилась в 1946 г. Доктор хабилитат филологии. Закончила Кишиневский государственный университет. С 1997 года возглавляет кафедру славянской филологии в Славянском университете Молдовы. Является организатором Славянских чтений в этом университете, профессор. Автор более ста научных работ, в том числе монографий и школьных учебников. В 2003 г. награждена Пушкинской медалью за большие заслуги по распространению русского языка в мире.

ИВАНОВ Юрий (Молдавия). Родился в 1962 г. Закончил Кишиневский политехнический институт по специальности инженер-системщик АСУ, факультет общественных профессий по специальности политолог. Депутат Рышканского районного Совета, советник примэрии с. Нагоряны. С 2004 г. председатель Рышканского филиала Общественной организации «Русь».

КАЗИМИРОВИЧ Василий (Молдавия). Родился в 1951 г. Инженер-электрик и инженер-строитель. Был рабочим, инженером, главным специалистом Главка строительства Госагропрома Молдавской ССР (1986-1989 гг.) и главным специалистом АО «Молдагроконструкция». С 1993 г. работает в бизнесе. Автор ряда изобретений в строительстве. Председатель Союза поляков Молдовы.

МЕРКУЛОВ Всеволод (Россия). Родился в 1978 г. Закончил исторический факультет Московского педагогического государственного университета, аспирантуру на кафедре истории России. Кандидат исторических наук, член Русского исторического общества. Автор 50 научных и публицистических статей по истории России, монографии «Откуда родом варяжские гости?», один из составителей альманаха «Традиции и современность». Круг научных интересов: начало Руси, происхождение русского народа, генеалогия, русско-немецкие связи, развитие российской государственности. Занимается научно-исследовательской и общественно-политической деятельностью. Член редколлегии международного журнала «Русин».

МЛЕЧКО Татьяна (Молдавия). Родилась в 1956 г. Филолог. Доктор педагогики. Закончила Кишиневский государственный университет, аспирантуру в Академии педагогических наук СССР. Преподавала на кафедре русского языка в Кишиневском госуниверситете, с 1991 г. руководила Отделом истории, языка и культуры русского населения в Институте национальных меньшинств АН РМ. Автор монографии «Быть или не быть: русский язык в системе образования Республики Молдова. 1989-1999» (Кишинев, 1999) и других публикаций, посвященных вопросам языковой и национальной политики. С 2001 г. – Генеральный директор Департамента межэтнических отношений РМ. С 2004 г. – заведующая кафедрой современных языков и коммуникации, а с 2006 – начальник управления в Академии публичного управления при Президенте Республики Молдова.

ПАДЯК Валерий (Украина, Закарпатье). Родился в 1959 г. Закончил Ужгородский государственный университет. Кандидат филологических наук, литературовед, историк русинского литературного процесса. В последнее время также известен как профессиональный издатель, директор частного издательского предприятия «Издательство В. Падяка» (с 2000 г.), которое первым в Украине стало издавать книги на русинском языке, а также литературу по истории и культуре, фольклору, этнографии русинов Подкарпатье. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. трех книг, четырех школьных учебников. Участник V, VII, VIII Всемирных конгрессов русинов. Член редколлегии международного журнала «Русин».

ПЛИШКОВА Анна (Словакия). Родилась в 1964 г. Журналистка, лингвист, преподаватель Высшей школы и общественный деятель. Закончила философский факультет университета П.Й. Шафарика в Пряшеве. Работала редактором еженедельника «Нове життя» в Пряшеве (1987-1991), где по 1989 г. издавались страницы на русинском языке «Голос русинів». С 1991 г. заместитель главного редактора журнала «Русин» и газеты «Народны новинки». Участвовала в кодификации русинского языка в Словакии, была членом языковой комиссии по созданию единого литературного русинского языка (1992). С 1999 г. преподает русинский язык в Пряшевском университете.

те, участвует в составлении учебников русинского языка для средней школы. Член редколлегии международного журнала «Русин».

ПОП Дмитрий (Украина, Закарпатье). Родился в 1941 г. Филолог-славист. Закончил Ленинградский университет по специальности чешский язык и литература. Активный участник русинского движения с 1999 г. В 2000-2002 гг. - председатель областного Общества карпатских русинов. Основатель русинских классов в Ужгородской области. Соавтор «Русинсько-українсько-руського словаря» (Ужгород, 2001), «Русинського синонімічного словаря» (Ужгород, 2001), автор исторического очерка «Мукачево», монографии «Замки Подкарпатської Русі» (в соавторстве с И. Попом), «Історія Подкарпатської Русі (Ужгород, 2005). Член редколлегии международного журнала «Русин».

РАБИНОВИЧ Роман (Молдавия). Родился в 1962 г. Доктор истории. Закончил исторический факультет Одесского государственного университета и аспирантуру Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург). С 1979 по 1998 гг. сотрудник Института археологии и этнографии Академии наук Республики Молдова. С 1998 г. заведующий кафедрой истории материальной культуры университета Высшая антропологическая школа (ВАШ) (Молдавия), с 2003 г. проректор по науке ВАШ. В настоящее время и.о. ректора. Редактор-координатор издаваемого ВАШ международного научного журнала «Stratum Plus». Доктор истории. Автор более 30 научных работ.

РАДОВА Ольга (Молдавия). Родилась 1958 г. Доктор истории. С 1989 г. работала в отделе гагаузоведения Института археологии и этнографии Академии наук Республики Молдова. Автор двух монографий: «Гагаузы в составе задунайских переселенцев и их поселения в Буджаке (конец XVIII – первая четверть XIX вв.)» (Кишинев-Комрат, 2001), «Tuna otesi gocmenleri ve gagavuzlar (18.yuzyl sonlari – 19. yuzyl baslari)» (Ankara, 2004) и более 50 научных и научно-популярных статей. Старший научным сотрудник Института истории, государства и права Академии наук Молдовы.

РАМАЧ Юлиан (Сербия). Родился в 1940 г. Закончил филологический факультет (славистика) в Белграде. С 1972 г. преподаватель русского (русинского) языка на философском факультете в Новом Саде (Воеводина). С открытием в 1981 г. кафедры русского языка и литературы - ординарный профессор кафедры. Доктор лингвистики. Главный редактор двухтомного «Сербско-русского словника» (1995-1997), автор «Граматики русского языка» (2002) и др. Член редколлегии международного журнала «Русин».

РУССЕВ Николай (Молдавия). Родился в 1958 г. Доктор кандидат истории. Специалист по средневековой истории, археологии и нумизматике Юго-Восточной Европы. Автор более 100 научных и научно-популярных работ. Завкафедрой антропологии и социальных технологий университета Высшая антропологическая школа (Молдавия). Член редколлегии международного журнала «Русин».

Прот. Димитрий СИДОР (Украина, Закарпатье). Родился в 1955 г. В 1981 г. закончил Духовную академию и семинарию со степенью кандидата богословия. В 1991 г. назначен в Ужгород настоятелем православной общины. В 1992 г. начал строительство нового православного Кафедрального собора. Настоятель Крестовоздвиженского кафедрального собора г. Ужгорода. В 1996 г. возглавил русинское Общество Кирилла и Мефодия. С 1996 г. - редактор русинской газеты «Християнська родина». Автор русинской грамматики и перевода Евангелия на русинский язык. Член Национального Союза журналистов Украины. Автор более ста научных статей и исследований по истории русинов, богословию, русинской лингвистике. Делегат Всемирных конгрессов русинов. Председатель Ассоциации «Сойм Подкарпатских русинов». Член редколлегии международного журнала «Русин».

СИЛАДИЙ Мирослав (Сербия). Родился в 1957 г. Председатель правления местного отделения «Руской матки» в Вербаше, член главного правления «Руской матки» Сербии, один из основателей «Рускей фондациј», которая действует в рамках «Руской матки» и занимается помощью в издании и пропаганде русинской литературы и культуры. Член культурно-просветительского содружества «Карпати», основатель веб-сайта <http://rusnak.netfirms.com>. Член редколлегии международного журнала «Русин».

СТАТИ Василий (Молдавия). Родился в 1939 г. Выпускник молдавского отделения историко-филологического факультета Кишиневского государственного университета (1961), кандидат филологических наук (1972), доктор хабилитат исторических наук (1992). Автор более 15 сборников и монографий, более 200 статей по языковым, этноязыковым, историческим и этнологическим вопросам.

СУЛЯК Сергей (Молдавия). Родился в 1963 г. Закончил факультет журналистики Кишиневского государственного университета. С 1990 г. возглавляет фирму «Татьяна» (с 1998 г. - Издательский дом «Татьяна»). Выпускал 14 периодических изданий. Президент Общественной организации «Русь». Автор монографии «Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии», многочисленных научных публикаций по истории и культуре русинов Молдавии. Главный редактор международного журнала «Русин».

ТЕЛЬНОВ Николай (Молдавия). Родился в 1948 г. Закончил исторический факультет Одесского государственного университета. С 1979 года и по настоящее время сотрудник Института археологии и этнографии Академии наук Республики Молдова. Заведующий отделом античной и средневековой археологии, старший научный сотрудник. Доктор истории. Руководил работами многочисленных археологических экспедиций. Автор свыше 100 научных работ. Член редколлегии международного журнала «Русин».

Прот. Николай ФЛОРИНСКИЙ (Молдавия). Родился в 1960 г. В 1985 г. закончил Московскую духовную семинарию. В 1993 г. - заочно Московскую духовную академию. С 1993 г. - председатель Собора русских общин Республики Молдова. Автор книг «Памяти архиепископа Венедикта Полякова» (2001), «Жизнь и деятельность митрополита Гавриила Банулеску-Бодони» (2005), многих публицистических работ по православию. Митрофорный протоиерей, настоятель Свято-Георгиевского храма в г. Кишиневе. Член редколлегии международного журнала «Русин».

ЦАРАНОВ Владимир. Родился в 1932 г. Член-корреспондент АН Молдовы, доктор исторических наук, профессор. Автор более 260 работ, 16 монографий, в т.ч. «По пути индустриализации», «Операция Юг (о судьбе зажиточного крестьянства Молдавии)» и др. Участвовал в организации, написании и редактировании обобщающих трудов: «История Молдавии с древнейших времен до наших дней», «История народного хозяйства МССР. 1917-1959» и др. В 1977-1991 гг. возглавлял Институт истории АНМ, в настоящее время руководит Ассоциацией ученых Молдовы им. Н. Милеску-Спэтару.

ЧЕРЕПОВСКИЙ Леонид. Родился в 1938 г. Закончил Институт народного хозяйства (г. Минск), Узбекскую государственную консерваторию. Работал солистом-вокалистом коллектива «Под цыганским шатром» (Союзгосцирк), в Москонцерте. В 1972 г. был приглашен правительством Молдавской ССР для создания Государственного ансамбля песни и танца молдавских цыган, где до 1990 г. работал художественным руководителем-директором и солистом-вокалистом. Заслуженный артист России и Молдавии. Руководит Центром культуры и искусства «Амэ рома».

ШАПКА Роман (Канада). Родился в 1948 г. Потомок галицких и буковинских русинов, переселившихся в Канаду в 1899-1921 гг. После окончания университета 30 лет работает учителем. Из них 18 - в психиатрическом отделе больницы с детьми, страдающими психическими заболеваниями. Собиратель материалов по русинистике. Член редколлегии международного журнала «Русин».

ШАРГА Михаил (Украина, Закарпатье). Родился в 1937 г. Закончил филологический факультет Ужгородского государственного университета в 1959 г. Работал директором школы, лектором, зав. отделом, секретарем Иршавского райкома партии. Закончил Высшую партийную школу в Киеве (1977 г.). Работал в районных органах власти. С 1981 г. - председатель Закарпатского общества «Знание». Автор многочисленных публикаций по истории русинов.

ШОРНИКОВ Петр (Молдавия). Родился в 1949 г. Председатель Республиканского Совета движения за равноправие «Унитаре-Единство» (1990-1999). Депутат парламента (1990-1998). Доктор истории. Автор более 150 научных работ, посвященных истории Молдавии периода второй мировой войны и молдавской этнокультурной идентичности. Заместитель главного редактора международного журнала «Русин».

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русин

2006, № 4 (6)

Кишинев

Республиканская общественная организация «Русь»,
Издательский дом «Гатьяна».
2006. - 208 стр.

Республиканская общественная организация «Русь»
MD 2001, Республика Молдова, г. Кишинев,
ул. М. Когэлничану, 24/1.
Тел.: (37322) 27-02-84, 27-44-30, факс: 27-15-15.
E-mail: info@rusyn.md, sergei_suleak@rambler.ru

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md/>

Издательский дом «Гатьяна».
MD 2001, Республика Молдова, г. Кишинев,
ул. М. Когэлничану, 24/1.
E-mail: tatianas@molddata.md

Подписано к печати 31.01.2007. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Бумага офсет № 1.
Печать офсетная.
Гарнитура «Times New Roman».
Тираж 600 экз.
Заказ 304.

Отпечатано в типографии АО «Реклама»:
г. Кишинев, ул. Александр чел Бун, 111.

ДА БУДЕТ МИР!

Богдан Дедицкий (1827-1909)

Да будет мир на Руси всей
Меж неученым и ученым:
Нам надобно теперь людей
К делам великим и священным.
Так, кто ученый, да учит.
Других с охотой, снисхожденьем,
А неученый — да молчит,
И да пользуется ученьем.

Да будет мир, уж и так
Междоусобий много было,
И тех пристрастных споров, драк,
Что вспоминати аж не мило;
Вся древняя летопись полна
Изображеньем борьб и воен;
Но в мире днесь все племена,
И ты, наш роде, будь спокоен!

Да будет мир, бо то и встыд
За букву, за язык свариться,
Когда еще полнейший вид
Не мог у нас дотоль розвиться;
Когда ще не был такой
Писатель меж Русинами,
Чтобы рекли о нем: то свой,
То наш и духом и словами.

Да будет мир, бо нужно нам
Трудиться всем по Божьей воле,
Народный созидати Храм,
Сеяти на пустынном поле:
А в непогоду, в бурный час
Робота всяка перервется,
И недруг обругает нас,
И злобным смехом засмеется.

Да будет мир, бо уж давно
Мы в деле важном согласились:
Приняти от Старых оно,
Чем перед светом
прославились,
А именно: тии слова,
В которых наша жизнь и сила, —
Да не смотрим: что и Москва
Язык свой ними украсила.

Да будет мир, да пишет всяк,
По собственному россужденью,
И что и що, и як и как,
По слуху иль обыкновенью.
А где прекрасный и объем
И чисто-русски будут звуки,
Там все мы с радостию
прильгнем,
То ж сделают и наши внуки.

Да будет мир, — иль если кто
Начнешь спорити за азбуку,
Не сей же нам сквозь решето
Свое самую черну муку;
Не называй своих друзей,
Занятых теми же трудами,
Преданных Матери своей:
"Ея невдячными сынами!"

1853

